

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ, РЕСТАВРАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НАСЛЕДИЯ)
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
«КУБАНЬАРХСПАС»

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
«КУБАНЬОХРАНКУЛЬТУРА»

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ **АЛЬМАНАХ**

15

АРМАВИР – КРАСНОДАР – МОСКВА
2020

ББК 63.4(2Р37)+63.(2Р37)
И90

**Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.М. МУНЧАЕВ (отв. редактор),
С.Б. ВАЛЬЧАК, А.В. ПЬЯНКОВ (отв. секретари),
А.Н. ГЕЙ, Л.Э.ГОЛУБЕВ, Н.И. ГУЛЬЧЕНКО,
Г.Г. ДАВЫДЕНКО, Р.В. ЗАСУХИН, А.П. ЛОПАТИН,
С.Н. МАЛАХОВ, О.Н. МЕЛЬНИКОВА, С.В. ОЛЬХОВСКИЙ.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

С.В. ДЕМИДЕНКО, к.и.н.,
А.А. ШЕВЧЕНКО, к.и.н.

**Редакция и коллектив авторов приносит искреннюю благодарность
за финансовую поддержку
ООО «КУБАНЬАРХСПАС» и ООО «КУБАНЬОХРАНКУЛЬТУРА»**

И90 Историко-археологический альманах. Вып. 15 — Армавир, Краснодар, Москва,
2020 — 180 с., ил.

В альманахе публикуются статьи по археологии, истории, этнологии и музееведению, тематика которых связана с разработкой актуальных проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории юга России и Восточной Европы.

Для археологов, историков, музейных работников, искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей народов юга Восточной Европы и Кавказа.

ISBN 978-5-902830-58-0 (ИП Н. Н. Вольная)

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2020 г.

© МУК Армавирский краеведческий музей, 2020 г.

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА И РЕДКОЛЛЕГИИ

С глубоким удовлетворением представляем вам, дорогие читатели, очередной, пятнадцатый выпуск «Историко-археологического альманаха», который подготовлен Армавирским краеведческим музеем и Институтом археологии Российской академии наук. Издание этого выпуска вновь оказалось возможным благодаря поддержке управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края и других организаций.

Следует отметить, что нашему альманаху в этом году исполнилось 25 лет. Первый выпуск «Историко-археологического альманаха» Армавирского краеведческого музея (АКМ) вышел в непростой для науки и культуры период, в 1995 году, благодаря стараниям и энтузиазму руководства и сотрудников АКМ, а также старшего научного сотрудника отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, кандидата исторических наук Валерия Сергеевича Ольховского. Ответственным редактором нового издания стал Рауф Магомедович Мунчаев, в те годы директор ИА РАН. К 1999 году было издано пять выпусков альманаха (1995, 1996, 1997, 1998, 1999 гг.), включающих статьи по археологии и истории Кавказа и соседних, а иногда и очень удалённых регионов.

С 2000 года к формированию и изданию альманаха подключились ИА РАН и комитет (позднее — управление) по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. Совместными усилиями упомянутых организаций были изданы ещё три выпуска альманаха (2000, 2001, 2002 гг.).

За этот период (1995–2002 гг.) «Историко-археологический альманах» стал признанным среди коллег изданием, содержащим как новые публикации архео-

логических открытий на юге Восточной Европы, так и аналитические работы по истории и археологии европейского юга России, в первую очередь Северного Кавказа.

К нашему прискорбию, трагический и преждевременный уход из жизни главного генератора концепции альманаха Валерия Сергеевича Ольховского, прервал выпуск этого издания на шесть долгих лет.

Только к 2009 году инициативная группа из некоторых членов прежней редколлегии и авторов предыдущих выпусков альманаха не без трудностей, смогла собрать, как оказалось, достойный уважения коллег портфель статей и издать девятый выпуск, который был посвящён памяти В.С.Ольховского.

Авторский коллектив различных выпусков альманаха помимо сотрудников АКМ и ИА РАН в разные годы включал и включает специалистов различных научных учреждений и музеев, преподавателей и аспирантов вузов (академий, университетов, институтов) практически из всех регионов Северного Кавказа, европейской части России, Украины, Абхазии, Приднестровья и других регионов.

Данный, пятнадцатый выпуск продолжает традиционную серию, рассматривающую различные проблемы истории и археологии юга России и соседних регионов. В настоящем выпуске представлены 18 научных статей, которые были подготовлены 33 авторами — сотрудниками научных учреждений, музеев, преподавателями вузов.

Структурно предлагаемый выпуск состоит из трёх разделов.

Раздел «Археология» состоит из 11 статей по различным проблемам археологии Северного Кавказа и Восточной Европы, охватывающим период от раннего бронзового века до позднего средневековья. Авторы этих работ вводят в научный оборот новые археологические материа-

лы, публикуют результаты проведенных в различные годы раскопок поселенческих и погребальных археологических памятников. Большинство статей этого раздела касается традиционной для нашего издания северокавказской тематики и освещает актуальные проблемы археологии Северо-Западного Кавказа и юга европейской России.

Помимо публикаций материалов раскопок в ряде статей обращается внимание на отдельные примечательные категории археологических находок, существенно дополняющие наши знания об археологических культурах различных хронологических периодов. Публикация представленных статей, несомненно, расширит наши представления об археологии, древней и средневековой истории и культуре народов Северного Кавказа и России в целом.

Раздел «История» состоит из шести статей, в которых рассматриваются интересные сюжеты истории Кавказа недавнего прошлого, от XIX века до современности.

В разделе «Охрана памятников археологии» в этом выпуске альманаха авторы касаются юридических аспектов определения и утверждения охранных зон объектов культурного наследия.

Нам представляется, что опубликованные статьи вызовут интерес не только у специалистов — археологов, этнографов, историков, музееведов, но и у широкого круга читателей, интересующихся прошлым юга России.

Таким образом, дорогие читатели, в этом выпуске альманаха представлены результаты работ по археологии, истории и этнографии, материальной и духовной культуре народов регионов юга России, которые будут интересны всем тем, кто интересуется историей Кавказа и всего юга Восточной Европы.

*Р.М. МУНЧАЕВ,
член-корреспондент РАН,
редколлегия*

АРХЕОЛОГИЯ

С.Л. ДУДАРЕВ, В.А. БЕРЕЖНАЯ

КАМЕННЫЙ ТОПОР-МОЛОТ ИЗ СТАНИЦЫ РОДНИКОВСКОЙ

Целью данной статьи является публикация предмета, найденного в 2016 г. в станице Родниковской Краснодарского края¹. Речь пойдет о каменном топор-молоте, дошедшем до нас в удовлетворительном состоянии. Образец имеет молотовидный обух, расширяющийся по середине корпус с кольцевым перехватом, клиновидно сужающуюся книзу лезвийную часть, которая плавно закруглена и слегка оттянута назад (рис.1, 1,2). Обушная часть спереди заметно повреждена (имеет скол), видимо, от нанесения предметом сильных ударов. Сколы имеются спереди и в средней части топора (рис.1, 2). На ударной части «пятки» топора также имеются явные следы использования в работе (рис.1, 3). Они имеются и на лезвии экземпляра, а также с правой стороны корпуса образца, которая имеет косой скол в отличие от полукруглой левой (рис.1, 4) (оба последних фото увеличены в целях лучшей демонстрации повреждений). Высота предмета — 15 см, наибольшая ширина корпуса — 9,3 см, толщина в профиле — 6,5 см. Материал — плотная серая порода. Вес находки — 1,5 кг. Тулово топора было изначально достаточно хорошо обработано, все неровности камня были аккуратно сколоты.

Теперь следует остановиться на функциональной и культурно-хронологической атрибуции данного изделия. Подобные ему привязные орудия с желобчатым перехватом неоднократно были обнаружены в пределах северокавказского региона. Первую их основательную сводку дал еще в 1973 г. В.И. Марковин (Марковин В.И., 1973, с.5–19). Он же осуществил и их классификацию, разделив на молоты-кувалды и топоры-мо-

лоты. По размерам и весу орудие более тяготеет к первым, но по морфологии принадлежит ко второй выделенной специалистом категории. Топоры-молоты у В.И. Марковина представлены 5 типами. Топор из Родниковской, на наш взгляд, принадлежит ко второму типу, выделенному ученым, т.е. клиновидным топорам-молотам симметричной формы (Марковин В.И., 1973, с.13). Особенно близок нашему экземпляру топор-молот из г. Нальчика (Марковин В.И., 1973, с.11, рис.5, 13). По В.И. Марковину, массивные орудия с желобчатыми перехватами (здесь автор имел в виду молоты-кувалды) применялись, в частности, при строительных работах для обработки камня. Поразительно, но родниковский топор был найден на т.н. «гравирке» (местный термин), т.е. старом месте добычи гравия для строительных работ, не действующем уже более 50 лет, при выравнивании дороги грейдером. Такое совпадение может, в принципе, указывать на традиционное (можно сказать, многовековое) внимание жителей этих мест к районам расположения имеющих в округе природных ресурсов. По видимому, родниковский топор-молот, относясь к иной категории орудий, нежели крупные молотки (их находки, по В.И. Марковину, приурочены к рудным месторождениям, залежам кремня и других полезных минералов), тем не менее выполнял сходную с ними функцию.

Большинство топоров-молотов, приведенных в статье В.И. Марковина, было датировано эпохой ранней бронзы. Важно, что специалист привел в своей давней сводке определенное количество орудий с перехватами с территории Краснодарского

края (всего 6 экз.). По нашим сведениям, с тех пор в данном ареале подобные предметы практически не выявлялись, во всяком случае, нам не известны публикации таковых.

Чтобы окончательно определиться с вопросом о хронологической принадлежности родниковской находки, обратимся к тем находкам привязных топоров с желобчатыми перехватами, которые не вошли в сводку В.И. Марковина или стали известны после ее опубликования. Это необходимо для того, чтобы как можно более точно определить место публикуемого образца в северокавказском собрании указанных орудий на сегодняшний день.

Другие топоры с перехватами были выявлены на территории Чечено-Ингушетии, как на поселениях (Сержень-Юрт, слой ранней бронзы, для которого характерно синкретическое сочетание черт майкопской и куро-аракской культур) (Мунчаев Р.М., 1975, с. 339, рис.75, 17; с.349, 365), так и в виде случайных находок (Ошаев М.Х., 1969, с.26, рис.1, 1; 1976, с.28, рис.1, 8). Р.М. Мунчаевым была отмечена единичность находок подобных топоров на Северном Кавказе в отличие от Закавказья и Дагестана (Мунчаев Р.М., 1975, с.350). Что же касается М.Х. Ошаева, то он причислил опубликованные им топоры с перехватами из сел. Беной и Ножай-Юрт к кругу памятников широкого хронологического диапазона: от времен позднего неолита до последних периодов эпохи бронзы (Ошаев М.Х., 1969, с.22–23).

Еще одна, относительно большая, сводка находок топоров с перехватами была издана в начале 1980-х гг. В.Б. Виноградовым и Б.М. Хашегульговым, которые опубликовали 12 экземпляров из тогдашней Чечено-Ингушетии, а также из Терско-Кумского междуречья (территория Дагестана) (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982, с.17–21, 25, 27, рис.5, 31–32). Примечательно, что 5 из 12 находок относились к слою ранней бронзы Сержень-Юртовского поселения и по со-

провождавшей их керамике куро-аракского типа были датированы авторами не позднее второй половины III тысячелетия до н. э. (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982, с.19)². К ранней бронзе авторы отнесли и две находки топоров с желобчатыми перехватами из Терско-Кумского междуречья (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982, с.27).

Таким образом, рассматриваемый тип каменных орудий, казалось бы, принадлежит, на Северном Кавказе преимущественно, к периоду ранней бронзы, и на этом можно было бы поставить точку. Но в том и дело, что определенную интригу в этом смысле представляют аналогичные привязные орудия с территории Украины, а конкретно — Донетчины (Каталог, 1993, с.14, 31–33, 131–137, 139, рис. 29–33). При этом среди них есть такие, которые морфологически весьма напоминают наш образец (Каталог, 1993, с.31, 133, рис.30, 4). Донецкие коллеги отметили, что наибольший пик применения привязных топоров приходится на срубное время, но появление этих орудий возможно еще в период существования КМК (культуры многоваликовой керамики) (Каталог, 1993, с.14), т.е. в XVII–XVI вв. до н.э. (Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шафутдинова И.Н., 1986, с.24).

Но можем ли мы отнести родниковский топор ко II тысячелетию до н.э.? На наш взгляд, маркерным указателем, который позволяет усомниться в этом, является тот факт, что топоры с перехватами (о чем мы специально не упомянули выше) фиксируются в памятниках куро-аракской культуры с территории Дагестана (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с.38, 40, рис.11, 15, 16), а затем в той великолепной колонке археологических культур и хорошо стратифицированных памятников этой республики, которые фундаментально исследованы археологами Дагестана, больше не встречаются. Полагаем, прав был В.И. Марковин, когда писал, что в эпоху ранней бронзы такие орудия получают широкое распро-

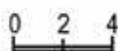

Рис. 1. Каменный топор-молот из станицы Родниковской

странение. В то же время нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что, когда данные орудия привязаны в северокавказском регионе именно к слоям поселений, а не найдены случайно, эти бытовые памятники принадлежат к не-

олиту, энеолиту, ранней бронзе, реже — к концу III тыс. до н.э. (Марковин В.И., 1973, с.17). Полагаем, что в северокавказском контексте родниковский топор правильнее будет датировать IV–III тыс. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Находка хранится в музейном уголке Родниковского культурно-досугового центра.

2. Обратим внимание на то, что названные выше материалы с территории Сержень-Юртовского поселения были случайными находками местного учителя

М. Мунаева из размывов культурного слоя ранней бронзы Сержень-Юртовского поселения либо добытыми в указанном им месте на территории этого поселения в результате зачистки, сделанной в 1978 г. одним из авторов данной работы (Дударев С.Л., 1979, с.29–32).

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. — Москва.
 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Череди-ниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — Киев.
 Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982. Некоторые находки IV–II тысячелетий до н.э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. — Грозный.
 Дударев С.Л., 1979. Отчет о работах 4-го (Кисловодского) отряда Предгорно-Плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета и Кисловодского филиала Ставропольского краевого музея им. Г.К. Праве, проведенных в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 7290.

Каталог, 1993. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах. — № 1. — Донецк.
 Марковин В.И., 1973. Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа // МАД. Материалы по археологии Дагестана. — Т. III. — Махачкала.
 Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. — Москва.
 Ошаев М.Х., 1969. Новый археологический материал эпохи бронзы // АЭС. — Т. III. — Грозный.
 Ошаев М.Х., 1976. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // АЭС. — IV. — Грозный.

Д.В. ИВАНОВ, А.В. ШИШЛОВ, А.В. КОЛПАКОВА, Н.В. ФЕДОРЕНКО

ФАУНА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАТУХАЕВСКОЕ-3

За последние 15 лет под г. Новороссийском открыта целая группа памятников эпохи ранней бронзы, относящихся к майкопской культуре, или майкопско-новосвободненской общности. В разной степени исследовано пять поселений, расположенных на берегах р. Котламы: поселение Натухаевское-3 (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2010а, с.77–78; 2010б, с.374–377; 2013а, с.89–98; 2013в, с.13–27), Орел-1 и Орел-3 (Колпакова А.В., 2012), Катусвина Кривица-2 (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2014, с.112–115; Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Гей А.Н., 2015, с.113–135), Заря-1 (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2018, с.151–154). Наличие в выявленных памятниках такого компонента, как орнаментация краской сосудов 1-го класса (по Кореневскому) (Кореневский С.Н., 2004, с.22), и то, что этот компонент не зафиксирован на других майкопских памятниках, позволяет выделить их вместе с ранее исследованным поселением Дюрсо-1 (Кононенко А.П., 2003, с.40–56) в отдельный Новороссийский блок памятников (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2013б, с.469–471). Среди этих новых поселений наиболее изученным на сегодняшний день является Натухаевское-3.

Поселение Натухаевское-3 расположено на мысообразном отроге г. Маскага, на левом берегу р. Котламы, на южной окраине ст. Натухаевской, близ г. Новороссийска Краснодарского края. Поселение исследовалось в 2007–2008 гг. (Колпакова А.В., 2008; 2010). Предполагаемая площадь памятника составляет 9 га. На поселении зафиксированы культурные остатки двух эпох: эпохи ранней бронзы и античности. Культурный слой эпохи ранней бронзы прослеживается на всей территории памятника; исходя из этого, поселение является одним из крупнейших

поселений майкопской культуры. Всего было исследовано 1170 м².

К объектам майкопской культуры на исследованном участке относятся 18 хозяйственных ям, являющихся закрытыми комплексами. Хозяйственные ямы округлой и овальной в плане форм, размерами от 140x142 до 250x212 см, глубиной до 124 см от уровня материка. Археологический материал представлен керамикой (фрагментами сосудов, очажных подставок-конусов, керамическими орудиями, льячкой, моделью колеса), каменными орудиями (зернотерками, терочниками, отбойниками), кремневыми отщепами, костяными орудиями (лоцилами, проколками, иглой с ушком) и единственным металлическим предметом (теслом из медного сплава).

Материалы, полученные при раскопках данного поселения, активно исследуются. Так, описан керамический комплекс поселения (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2013в, с.13–27), получены калиброванные радиоуглеродные даты (соответствующие второй половине IV тыс. до н.э.¹), готовится к публикации археоботанический материал.

В данном сообщении мы представляем результаты предварительного исследования остатков животных из майкопских ям Натухаевского-3 с целью приблизительной оценки характера использования животных ресурсов его жителями. Во время раскопок собирался весь археозоологический материал, включая мелкие осколки диафизов трубчатых костей, ребер, позвонков, фрагменты раковин двустворчатых моллюсков и т. п. (суммарно 5664 остатка). Кости сильно фрагментированы, многие несут явные следы разделки туш и погрызены собаками. Большая часть материала (79,6%) происходит из Ямы-1 и Ямы-7 раскопок 2007 г., остальная часть относительно равномерно распределена по 15 другим ямам.

В таблице 1 приведен фаунистический список, установленный по определимому материалу, составляющему 32,2% от общего количества экземпляров. Данная выборка состоит из трех категорий образцов. Первая представлена домашними млекопитающими, вторая — дикими животными, остатки которых не могли попасть в культурный слой без участия человека, и третья — мелкими позвоночными, которые могли попасть в хозяйственные ямы естественным путем.

В заполнении ям майкопской культуры установлены четыре вида домашних животных: корова (крупный рогатый скот), овца, свинья и собака (рис. 1А). Лошадь определено отсутствует. Хотя наличие козы нельзя исключить среди материала, диагностированного как не определенный до вида мелкий рогатый скот, все надежно определенные нами образцы МРС принадлежат овце. Со значительной ролью овцеводства хорошо согласуется и относительная многочисленность собак (6,9% от общего количества особей домашних животных). Собаки представлены некрупными особями; их кости не несут очевидных следов разделки.

С оговоркой на небольшие количества установленных особей можно приблизительно охарактеризовать структуру животноводства на поселении (рис. 1Б). Доминировало разведение мелкого рогатого скота (почти половина всего поголовья сельскохозяйственных животных), преимущественно или исключительно овец (которые составляют не менее трети всего поголовья сельскохозяйственных животных). Затем следует крупный рогатый скот (39,5%) и свиньи (12,4%). Доля ювенильных особей в каждой из этих групп увеличивается в противоположном направлении: она составляет 50,0% у свиней, 22,2% у овец и 18,8% у коров. Очевидно, это отражает использование рогатого скота для производства не только мяса, но и молочных продуктов, а также шерсти (овца) либо в качестве тягловой силы (КРС). Однако в целом, судя и по минимальному количеству особей, и по количеству костных остатков, корова и овца служили ос-

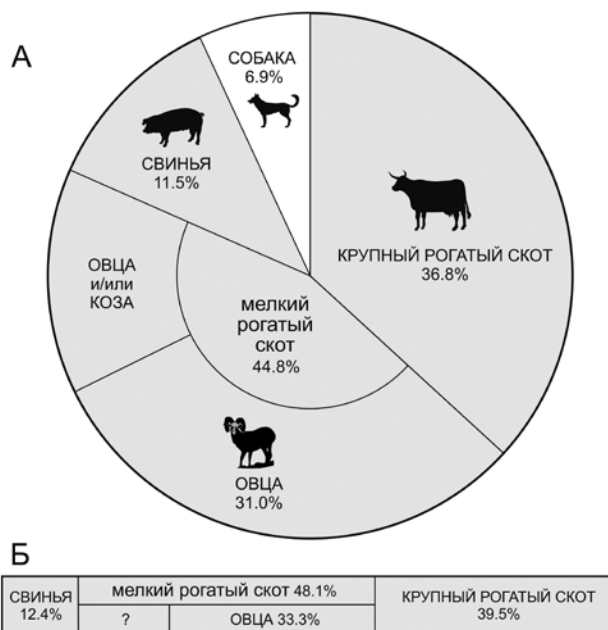

Рис. 1. Процентное соотношение (по минимальному количеству особей) между домашними животными в заполнении ям майкопской культуры поселения Натухаевское-3: А — все домашние животные, Б — поголовье копытных

новным источником мяса.

Материал по диким животным свидетельствует о незначительной роли охоты в хозяйстве поселения (табл. 1). Установлено шесть особей благородного оленя, но все остатки, за исключением зубов из Ямы-1 (2007 г.), являются фрагментами рогов. Принимая во внимание обнаруженные изделия из рога оленя (Колпакова А.В., 2008, с.194, 203), реальное количество добытых особей может быть меньшим, чем количество особей, выводимое из остатков. Некоторые рога могли быть сброшенными оленями и затем принесенными людьми на поселение для изготовления предметов.

Из промысловых зверей найдены также остатки четырех особей зайца-русака и двух — дельфина-белобочки (фрагмент верхнечелюстной кости из Ямы-1 и лопатка из Ямы-7). Среди материала по свиньям не обнаруживаются экземпляры дикого кабана. Из птиц определены две особи серого гуся, вероятно, добытые на пролете или зимовке, и по одной — большого баклана и серой неясыти.

Таблица 1. Фаунистические остатки из ям майкопской культуры поселения Натухаевское-3

Вид/группа животных	Количество фрагментов	Минимальное количество особей
Домашние животные		
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	787	32
Свиньи (<i>Sus scrofa domesticus</i>)	39	10
Овцы (<i>Ovis aries</i>)	363	27
Не определенный до вида мелкий рогатый скот	209	12
Собаки (<i>Canis familiaris</i>)	39	6
Добытые дикие животные		
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	51	6
Заяц-русак (<i>Lepus europaeus</i>)	11	4
Дельфин-белобочка (<i>Delphinus delphis</i>)	2	2
Серый гусь (<i>Anser anser</i>)	6	2
Большой баклан (<i>Phalacrocorax carbo</i>)	1	1
Серая неясыть (<i>Strix aluco</i>)	1	1
Севрюга (<i>Acipenser stellatus</i>)	3	2
Не определенные до вида рыбы	35	5
Съедобная устрица (<i>Ostrea edulis</i>)	1	1
Черноморская мидия (<i>Mytilus galloprovincialis</i>)	16	3
Перловица (<i>Eolymnium</i> sp.)	241	68
Случайно захороненные дикие животные		
Обыкновенный слепыш (<i>Spalax microphthalmus</i>)	1	1
Южный еж (<i>Erinaceus roumanicus</i>)	2	1
Обыкновенный хомяк (<i>Cricetus cricetus</i>)	1	1
Средиземноморская черепаха (<i>Testudo graeca</i>)	9	1
Озерная лягушка (<i>Pelophylax ridibundus</i>)	3	2
Всего	1821	188

Среди остатков рыб удалось определить только севрюгу (по характерным костным щиткам-жучкам из двух ям). Также с морского побережья жителями поселения были принесены устрица и мидии, а с близлежащих пресноводных водоемов — перловицы рода *Eolymnium*. Раковины перловицы чрезвычайно многочисленны (обнаружено не менее 68 особей в шести ямах). Все эти три вида двустворчатых моллюсков съедобны.

Дикие животные, остатки которых вряд ли связаны с деятельностью челове-

ка, — слепыш, южный еж, хомяк, средиземноморская черепаха, озерная лягушка, обычны для современной фауны региона.

Суммируя, можно заключить, что в животноводстве поселения Натухаевское-3 преобладало разведение крупного рогатого скота и овец, тогда как свиноводство имело значительно меньшее значение, а вопрос о козоводстве требует дальнейшего уточнения. Охота и рыболовство играли относительно небольшую роль, при этом активно практиковался сбор двустворчатых моллюсков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Радиоуглеродное датирование проводилось по костным образцам из раскопок 2007 г. Ямы-1 (MAMS-36074) и Ямы-7 (ИГАН-4288) в Центре археометрии Курта

Энгельхорна (Мангейм) и Институте географии РАН (Москва) соответственно. Мы выражаем признательность М. Исерлису и Э.П. Зазовской за полученные даты.

ЛИТЕРАТУРА

- Колтакова А.В., 2008.* Отчет об археологических разведках поселений Натухаевское-3, Победа-2, Победа-4 в ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края (в зоне земельных отводов) в 2007 г. // Архив НИМЗ НА-8296.
- Колтакова А.В., 2010.* Отчет об археологических раскопках грунтового могильника и поселения Натухаевское-3 у ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края в 2008 г. // Архив НИМЗ НА-8626/1-3.
- Колтакова А.В., 2012.* Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2010 г. Новороссийск // Архив НИМЗ НА-8839.
- Кононенко А.П., 2003.* Поселение майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). — Вып. 4. — Новороссийск.
- Корневский С.Н., 2004.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. — М.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2010а.* Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО-2007. — М.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2010б.* Исследования поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Магас.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2013а.* Исследования поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской в 2007 г. // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 28 ноября – 1 декабря 2011 г. — Сухум.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2013б.* Орнаментация краской керамики на памятниках майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2013в.* Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // ИАА. — Вып. 12. — Армавир — Краснодар — М.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2014.* Исследование поселения эпохи ранней бронзы (майкопской культуры) Катусвина Кривица-2 под Новороссийском (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. — М.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., Гей А.Н., 2015.* Поселение Катусвина Кривица-2 — новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение) // КСИА. — Вып. 237. — М.
- Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2018.* Поселение майкопской культуры Заря-1 у ст. Натухаевской г. Новороссийска (предварительное сообщение) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. — Карачаевск.

ПОГРЕБЕНИЯ КУЛЬТУРЫ БАБИНО И ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НА СТАНЦИИ ХАПРЫ

В 1979 г. археологическая экспедиция Ростовского областного музея краеведения вела охранные раскопки курганов на ст. Хапры (х. им. Калинина) Мясниковского района Ростовской области. Финансирование работ осуществляло Ростовское областное отделение ВООПИиК.

Курганный могильник располагался у развилки железных дорог на Ростов — через станцию Западный и через станцию Нижнее-Гниловская в 80 м к северо-западу от кладбища. Зафиксировано 5 курганных насыпей (рис.1). Все курганы были повреждены и частично разрушены при строительстве железнодорожных путей. На территории курганов №1 и №2 была устроена разгрузочная площадка вагонов с щебнем для нужд местного комбината стройматериалов. Подъездной путь к это-

му комбинату разрезал курганный могильник на две части. При сооружении этой ветки железной дороги были уничтожены южные полы курганов №4 и №5. Северный край полы кургана №3 был срезан при строительстве железнодорожной насыпи и частично при прокладке кабеля питания к светофору, на нем располагался огород путевого обходчика, домик которого находился в 20 м к западу от кургана №1.

В данной работе рассматриваются погребения, относящиеся к культуре Бабино (рис.3) и эпохи поздней бронзы (срубные захоронения), найденные в курганах №1, №2, №3 и №4.

Курган №1 был образован тремя разновременными насыпями, основная из которых была сооружена над парным погребением №6, относящемся к периоду ранней бронзы.

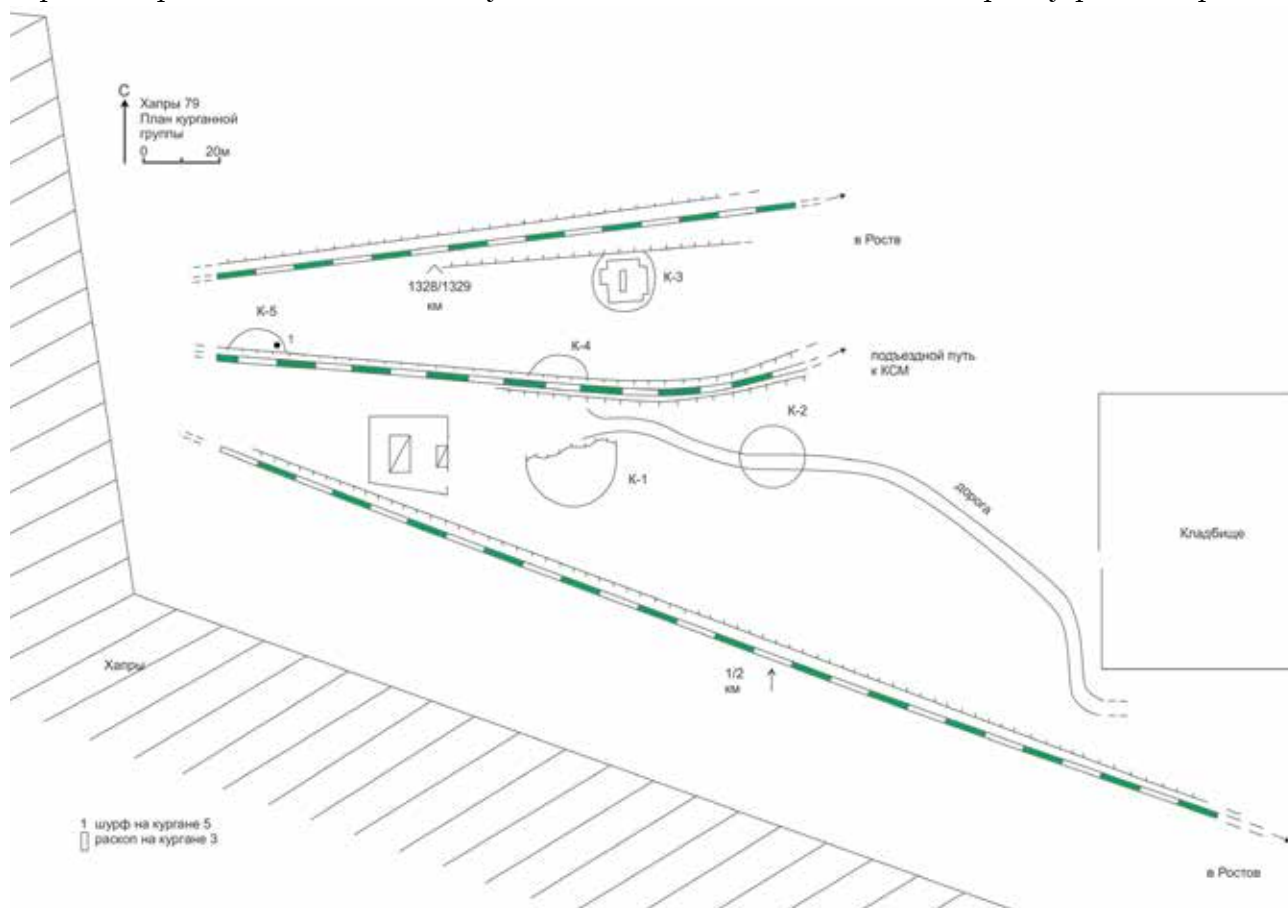

Рис. 1. Общий план курганного могильника Хапры-79.

Последующее сооружение кургана связано с досыпкой второй насыпи в период средней бронзы. В центр первой насыпи было впущено двухкамерное погребение №2. В дальнейшем во вторую насыпь были впущены катакомбы № 8, 10, 14, 38, 45 и № 21 и № 40 (кенотафы), и происходит сооружение третьей насыпи.

Последний этап формирования кургана №1 в период катакомбной культуры — впускные погребения в третью насыпь: № 5, 7, 9, 12, 28, 43.

Отделяет катакомбную культуру от эпохи поздней бронзы единственное погребение №31 (рис.3, 1), относящееся к культуре многоваликовой керамики (бабинской). Было совершено под закладом из двух-трех ярусов обломков известняка. Нижний ярус лежал на костях человека. Погребенный — взрослый, лежал скорченно на левом боку, головой к северо-западу. Перед лицом захороненного стоял лепной баночный сосуд с диаметральными отверстиями (рис.3, 1).

В эпоху поздней бронзы в насыпь кургана №1 была впущена значительная часть погребений, хронологически разделенных на два этапа: ранний — скорченные костяки, поздний — вытянутые костяки. В данной работе будет рассмотрен материал по раннему этапу погребений. Он включает в себя погребения № 1, 3, 4, 15–17, 22, 24, 26, 27, 29, 30, 32–34, 36, 37, 41, 44, 46. Из них № 4 — парное. Большая часть погребений перекрыта каменными закладами, из которых можно выделить две группы. Первая группа: камни заклада укладывались в 1–2 яруса над ямой по насыпи. Вторая: камни заклада составляли основу заполнения ямы и лежали прямо на костях погребенного, либо от скелета их отделяла тонкая прослойка грунта (до 20 см).

Первая группа закладов условно разделяется на несколько типов:

А) плитчатые (погребение № 32) (рис.2, 1);

Б) сложенные из мелкого рваного камня — погребения № 18, № 36, № 46 (рис.2 2).

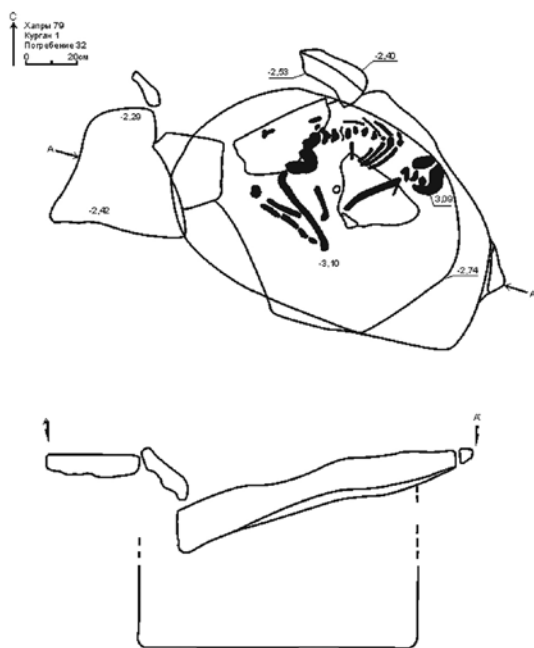
Среди скорченных погребений поздней бронзы кургана № 1 выделяется погребение № 29, а именно наличие в нем сосуда абашевского облика (рис. 4).

Необычная группа погребений поздней бронзы для Нижнего Дона — № 13, 19, 20 — с вытянутыми скелетами, длинными могильными ямами с каменными закладами. При этом благодаря стратиграфии была прослежена их четкая стратиграфическая дата: позже скорченных погребений поздней бронзы, но раньше погребения № 25 раннего железного века (VI век до н.э.).

Курган № 2 состоял из двух насыпей со сложными каменными конструкциями (рис. 2, 3). Внешний кромлех — кольцевая наброска мелкого рваного камня, сохранившегося в 1–2 яруса, вокруг второй насыпи. По отношению к раннему внутреннему кромлеху внешний был смещен от первоначального центра к западу и перекрыл восточную часть ранней конструкции. Насыпь была повреждена современными перекопами и дорогой.

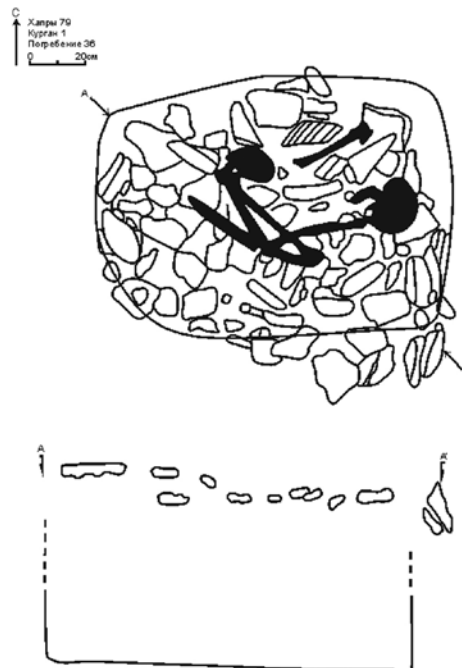
Предположительно курган № 2 изначально был сооружен в эпоху энеолита — ранней бронзы на территории уже существовавшего более раннего грунтового могильника, с которым связаны погребения № 36, 39, 40, 41 и, возможно, пятно охры (погребение № 18). Данное обстоятельство объясняется большим количеством находок в насыпи кургана и в заполнении погребальных конструкций патинизированного кремня архаичного облика.

Период эпохи культуры Бабино предположительно был представлен погребениями № 19 и № 35 (рис. 3, 2). Погребение № 19 располагалось под каменным закладом над могильной ямой, частично просевшим в заполнение. Возможно, было плиточное перекрытие. О принадлежности к культуре Бабино говорит поза погребенного: скорченно на левом боку, головой на северо-запад. Из инвентаря на правом запястье были найдены четыре бронзовые обоймы, изготовленные из пластины. Погребение № 35 — захороненный лежал

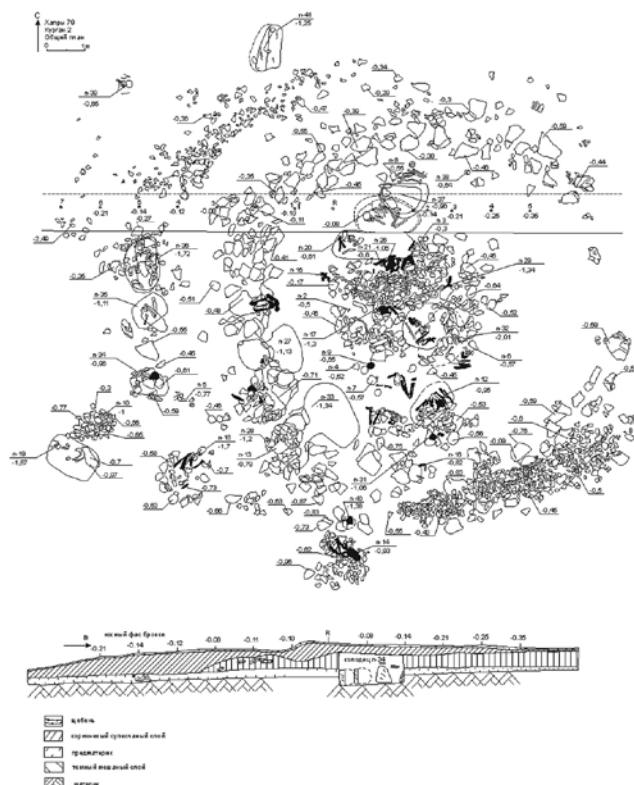
Курган №1, погребение №32

1.

Курган №1, погребение №36

2.

Курган №2, кромлех

3.

Курган №2, погребение №12

4.

Рис. 2. 1 – курган № 1, погребение № 32; 2 – курган № 1, погребение № 36; 3 – кромлех кургана № 32; 4 – курган № 2, погребение № 12

Хапры-79, погребения эпохи культуры Бабино

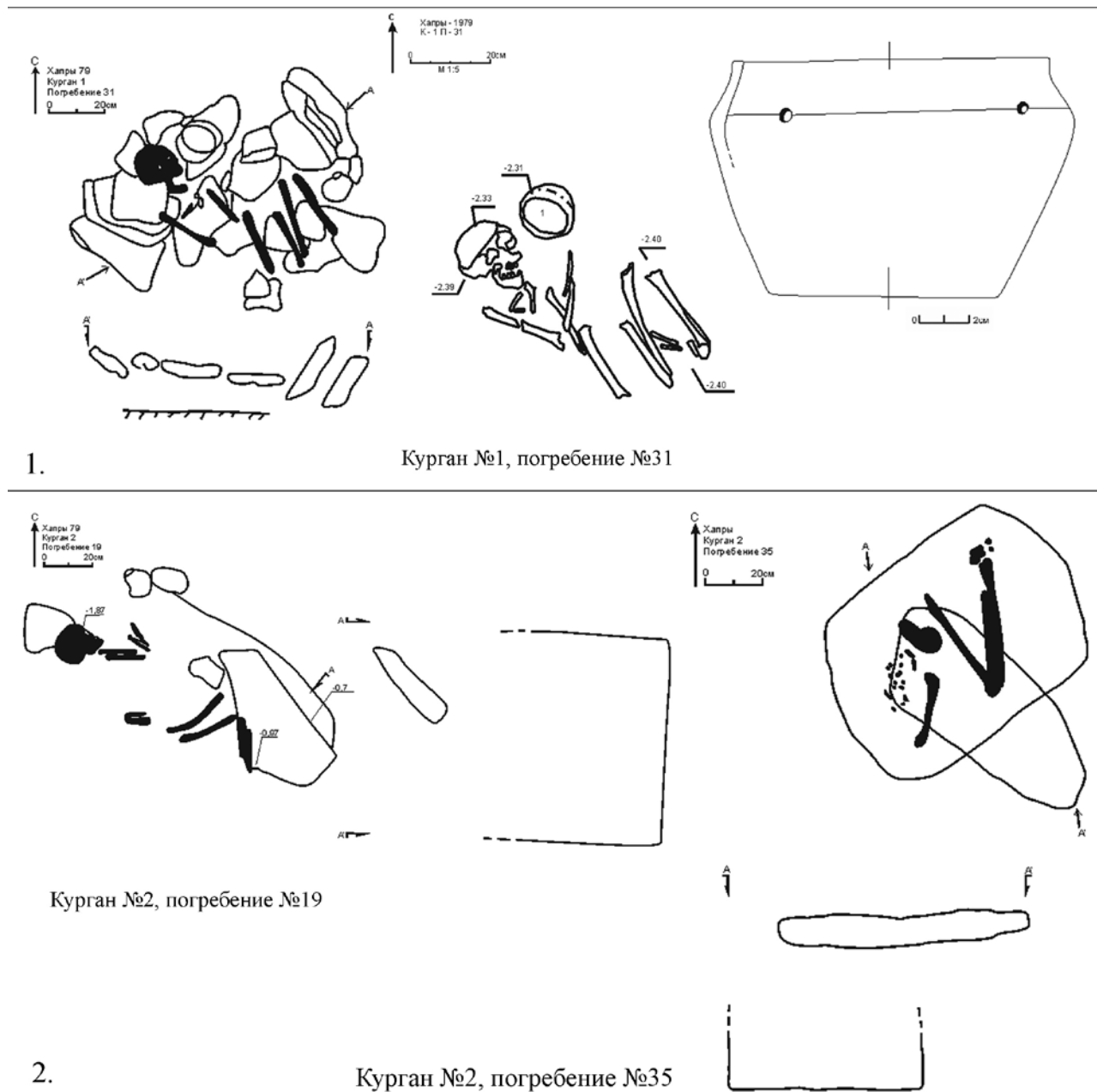

Рис. 3. Погребения культуры Бабино: 1 — курган № 1, погребение № 31; 2 — курган № 2, погребения № 19 и № 35

скорченно на правом боку, на юго-запад. Голова отсутствовала (рис. 3, 2).

К погребениям поздней бронзы относятся № 1–6, 10–14, 16, 18, 22, 28, 34. Многие из перечисленных погребений имеют спорные датировки по следующим причинам. В погребении № 1 присутствует архаичный кремь-скребок, а также наличие в примеси толченой ракушки и выгоревшей органики в тесте сосуда. Погребение № 3 сильно разрушено. Погребение № 4 —

скелет сильно поврежден, керамика сильно фрагментирована, предположительно средний бронзовый век. Погребение № 22 предположительно кенотаф. Погребение № 28, возможно, остатки погребения ранней или средней бронзы, разрушенного погребением № 33.

Сооружение внешнего кромлеха из мелкого камня относится к периоду поздней бронзы. Исходя из этого, можно реконструировать ход заполнения кургана

Хапры-79, курган №1, инвентарь из погребений эпохи поздней бронзы

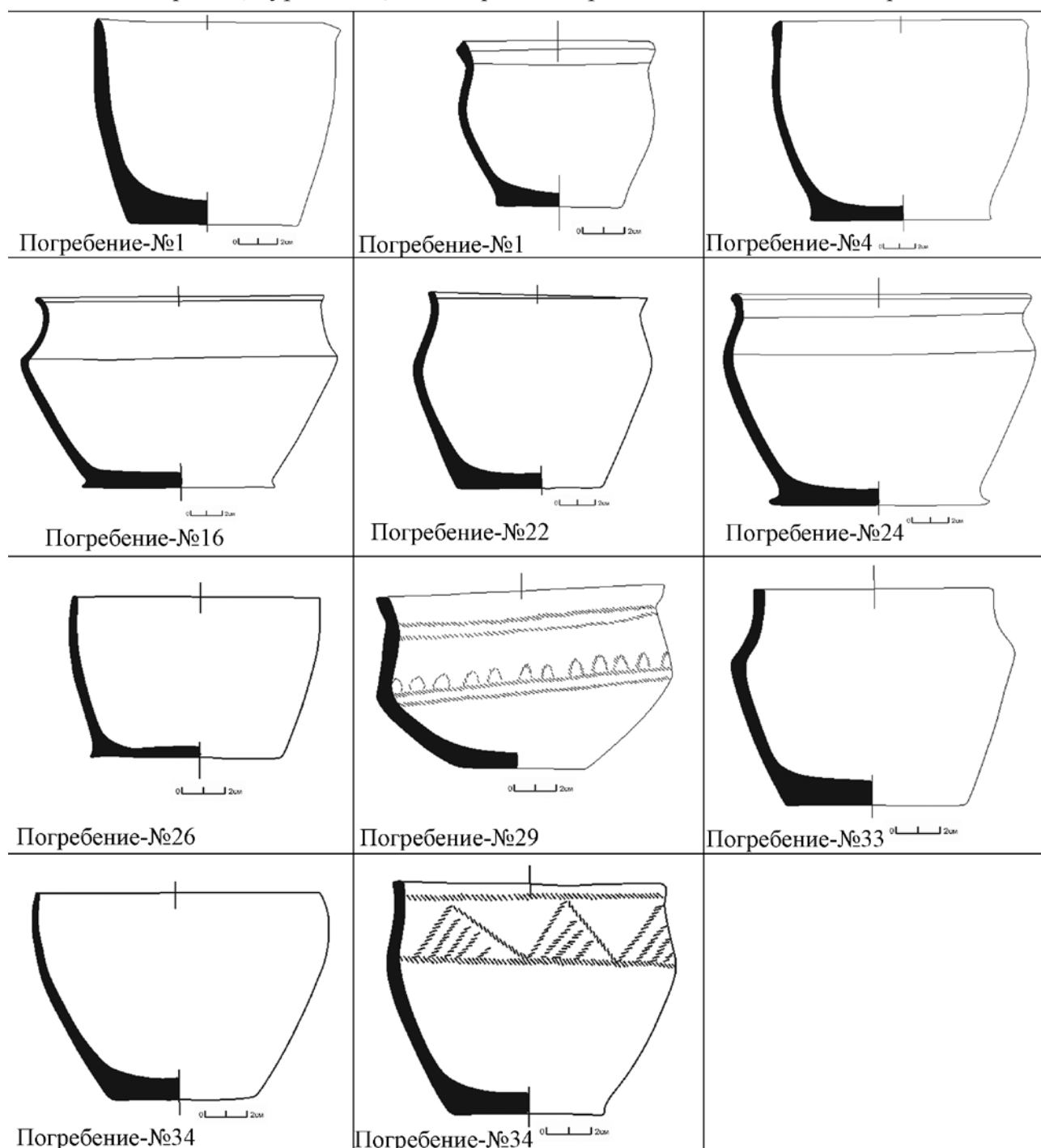
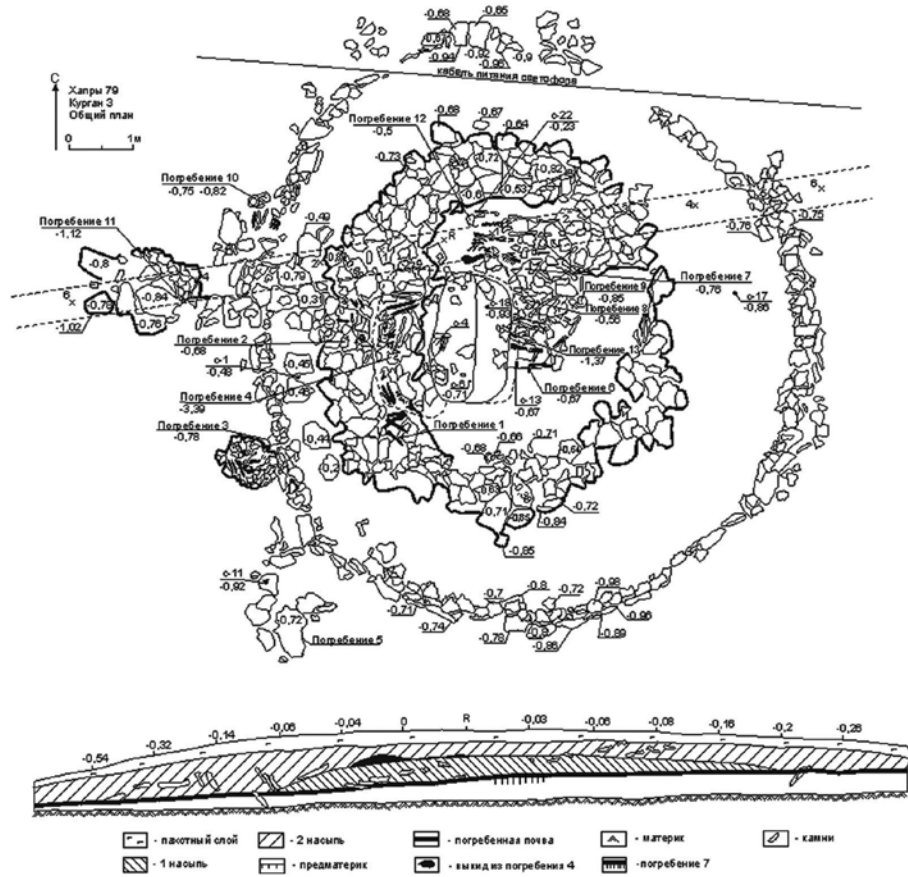

Рис. 4. Сосуды эпохи поздней бронзы, курган № 1

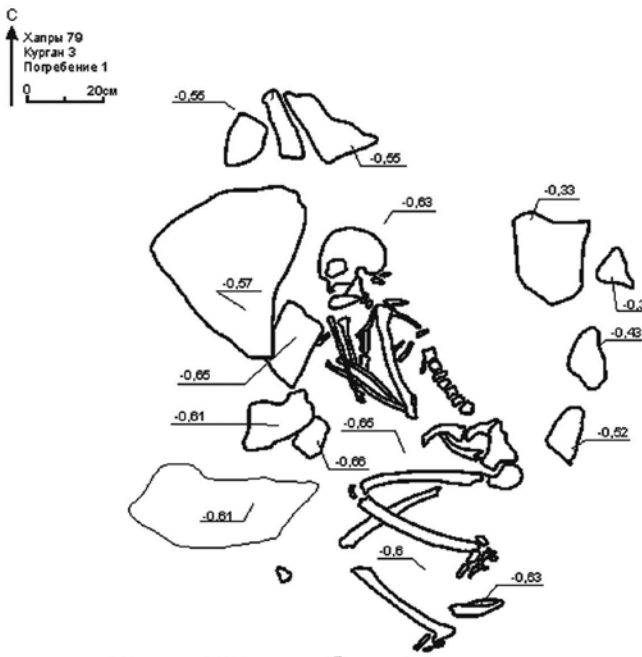
№ 2 погребальными комплексами: первоначально были впущены погребения с северной и северо-восточной ориентировками, в которых погребенные лежали ничком — № 6, № 12 и позже № 13. С погребениями № 6 и № 12 связано сооружение внешнего кромлеха (рис. 2, 4). В дальнейшем срубные захоронения располагаются в западной и юго-западной

частях. Погребения располагались под каменными закладами, но уже с восточной ориентировкой. По конструкции заклады можно разделить на те же типы, что и для кургана № 1.

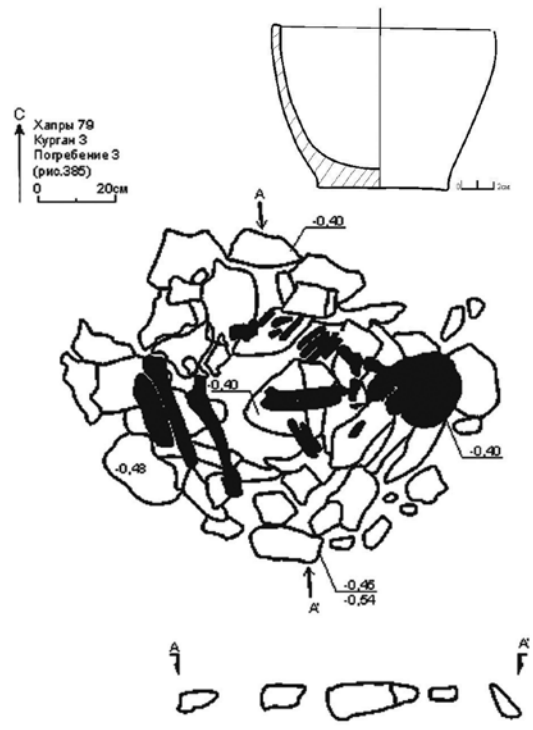
Курган № 3 — самый северный в группе. Содержал сложный комплекс каменных конструкций. Над основным погребением № 13 был сооружен шестиугольный

1 Курган №3, общий план

2 Курган №3, погребение 1

3 Курган №3, погребение 3

Рис. 5. 1 – курган № 3, общий план; 2 – погребение № 1 кургана № 3; 3 – погребение № 3 кургана № 3

Таблица 1. Некоторые особенности погребального обряда захоронений позднего бронзового века (скорченные костяки)

Курган	№ погребений										
	Заклады					Могильная конструкция не ясна	Кенотафы	Парные			
	Гр. А		Гр. Б								
1	32, 36, 36		4, 15, 17, 26, 27, 29, 31, 33			1, 3, 16, 22, 24, 30, 34, 37, 41, 44		26, 30, 46		4	
2	18, 19, 22		1, 10, 11, 12, 13, 14, 34			3, 4, 5, 6, 16, 28		22		14	
3			3, 5, 11			1		5, 11			
4						1					
Курган	№ погребений										
	Ориентировка погребенных								Поза		
	С	Ю	В	З	СВ	СЗ	ЮВ	ЮЗ	Левый бок	Правый бок	Ничком
1	34		1, 4, 15, 16, 17, 22, 24, 27, 32, 33, 36, 37		3	31	29		1, 3, 4, 16, 17, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 36, 37	22, 41	15
2	12, 13		1, 3, 10, 11, 15, 16		6, 18	19	14	28	10, 11, 13, 14Б, 16, 19	15, 18, 34	1, 6, 12, 14А
3			3			1			3	1	
4					1					1	

Пояснение сокращений в таблице 1:

заклады:

гр. А — каменная кладка или плитчатое перекрытие над ямой,

гр. Б — каменная забутовка могильной ямы

панцирь, насыпь была укреплена кромлехом. По всей видимости, в эпоху поздней бронзы было начато сооружение дугообразной кладки, перекрывающей древний каменный панцирь, которую удалось проследить в западной части кургана.

Первоначально курган № 3 был сооружен над погребением № 13, относящимся к энеолиту — ранней бронзе.

Поздний бронзовый период в кургане № 3 представлен погребением № 3, совершенным под каменным закладом, с характерным баночным сосудом (рис.5).

Погребения № 5 и № 11 — кенотаф, также предположительно отнесены к поздней бронзе. Однако не исключается возможность их связи с более ранними комплексами.

Погребение № 1 — со спорной датировкой, возможно, средний бронзовый век. Катакомбная конструкция не прослежена.

Внешний кромлех кургана № 4 можно датировать поздним бронзовым веком. Ближайший аналог этого сооружения — внешний кромлех кургана № 2. С погребением № 1 эпохи поздней бронзы связана ситуация 4, которая может быть остатками тризны.

Л.Н. ВОДОЛАЖСКАЯ, П.А. ЛАРЕНОК, М.Ю. НЕВСКИЙ

КАМЕННАЯ ПЛИТА ИЗ МОГИЛЬНИКА ВАРВАРИНСКИЙ-I КАК ПРОТОТИП АНАЛЕММАТИЧЕСКИХ СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ

В 2013 году в Шолоховском районе Ростовской области археологом А. Файфертом была обнаружена каменная плита с петроглифами (рис.1). Плита была найдена в 30 м к ЮЮВ от кургана № 1 могильника Варваринский-I (49.5° СШ, 41.4° ВД). Курган в настоящее время имеет высоту 0,4 м и вытянут по линии С — Ю. Масса плиты около 70 кг. Обратная сторо-

на плиты петроглифов не содержит (Файферт А.В., 2015, с.27, 28). Автор находки предполагает, что плита могла иметь отношение к погребальному ритуалу или к святилищу. Плита из сливного крупнозернистого песчаника красно-коричневого цвета.

Примерно в 300 м к северу от кургана 1 находится естественный выход кварцитовых плит. Еще севернее, у х. Варваринского, есть более крупный выход кварцита, имеющий наименование «Гора Каменная». Кварциты и сливные песчаники в целом характерны для значительной части междуречья Дона и Северского Донца. К северу, ближе к Дону, кварцит залегает малыми участками в виде компактных скоплений разной величины: неправильных «караваев» и плит, промежутки между которыми заполнены рыхлыми песчанистыми отложениями и задернованы (Справочник..., 1933, с.299).

Именно на севере Ростовской области, поблизости от хутора Скельновского, в массивном кварцитовом блоке был обнаружен грот с петроглифами (рис. 2), дати-

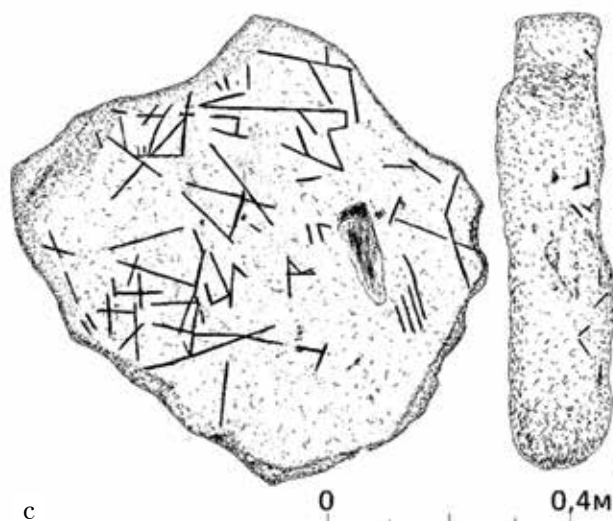

Рис. 1. Могильник Варваринский-I, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами:

а — верхняя сторона плиты (фото А.В. Файферта, 2013 г.) (Файферт А.В., 2015, рис. 21),

б — нижняя сторона плиты (фото А.В. Файферта, 2013 г.),

с — чертеж верхней стороны плиты (прорисовка А.В. Файферта, 2015 г.) (Файферт А.В., 2015, рис. 22)

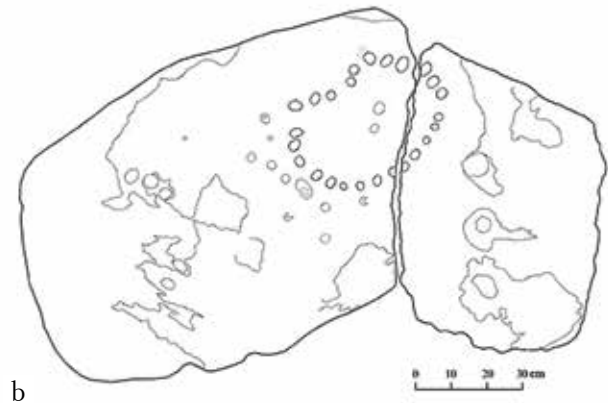
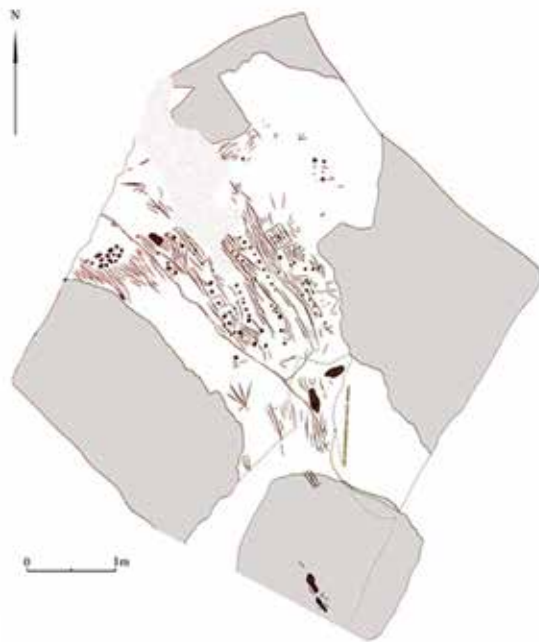
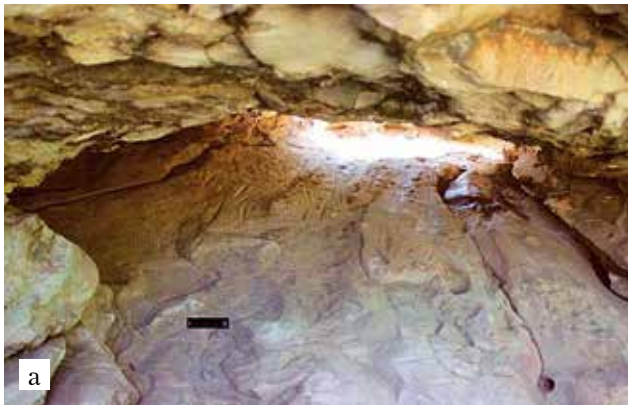

Рис. 3. Курганный могильник Таврия-1, курган № 1, погребение 2, плита перекрытия с петроглифами:

а – фотография плиты (фото А.И. Мищенко, 2016 г.),
б – прорисовка (Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, fig. 4)

Рис. 2. Скельновский грот с петроглифами:

а – фотография грота (Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. и др., 2010 г., рис. 14),
б – прорисовка петроглифов грота (Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. и др., 2010 г., рис. 12)

рованный «концом IV тысячелетия до н.э. с возможной протяженностью на несколько веков, вплоть до появления привычных «курганных» культур эпохи развитой бронзы» (Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. и др., 2010, с.17). Так как хутор Варваринский находится недалеко от хутора Скельновского (менее 30 км), варваринская плита была датирована автором находки по аналогии со скельновскими петроглифами (Файферт А.В., 2015, с.44, 45). Скельновский грот является объектом культовой практики эпохи скотоводов раннего металла (Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. и др., 2010, с.16) и, воз-

можно, своеобразной каменной летописью яркого астрономического явления — падения крупного метеорита, сходного с Сихотэ-Алинским, сопровождавшегося метеоритным дождем (Vodolazhskaya L.N., Nevsky M.Yu., 2013, p.18–32).

На сегодняшний день в двух соседних областях — Ростовской и Донецкой — обнаружены три плиты из мелкозернистого песчаника с петроглифами, которые относятся к срубной культуре и датируются периодом поздней бронзы (приблизительно XV–XII вв. до н.э.). Одна плита — из могильника Таврия-1 Ростовской области — хранится на территории археологического музея-заповедника Танаис (Ростовская обл., Россия) (рис.3) (Ларенок П.А., 1998, с.62; Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, p.31–53), две плиты — из курганных групп Русин Яр (рис. 4) и Попов Яр-2 (рис.5)

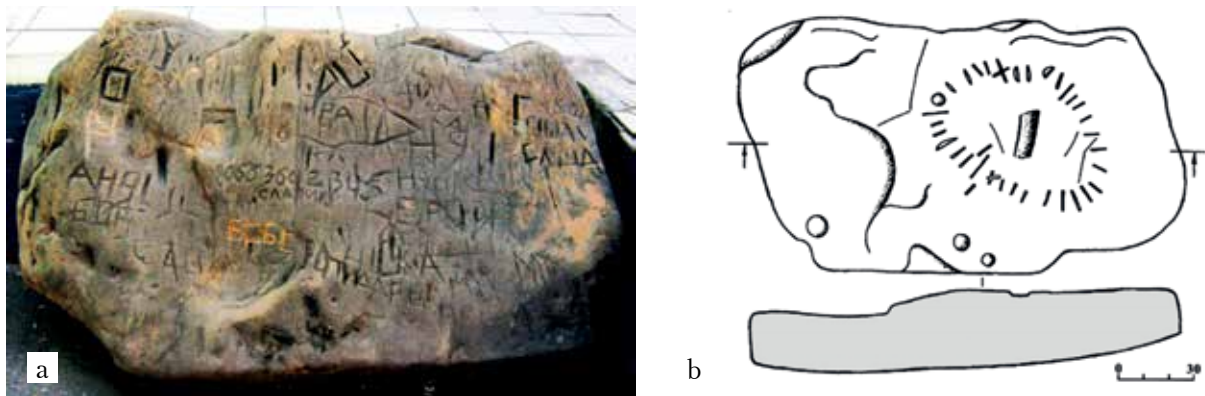

Рис. 4. Курганная группа Русин Яр, курган № 1, погребение 1, южная плита конструкции погребения:
a – фотография плиты (фото Полидовича Ю.Б., 2011 г.),
b – прорисовка плиты (Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., 1996 г., рис. 2)

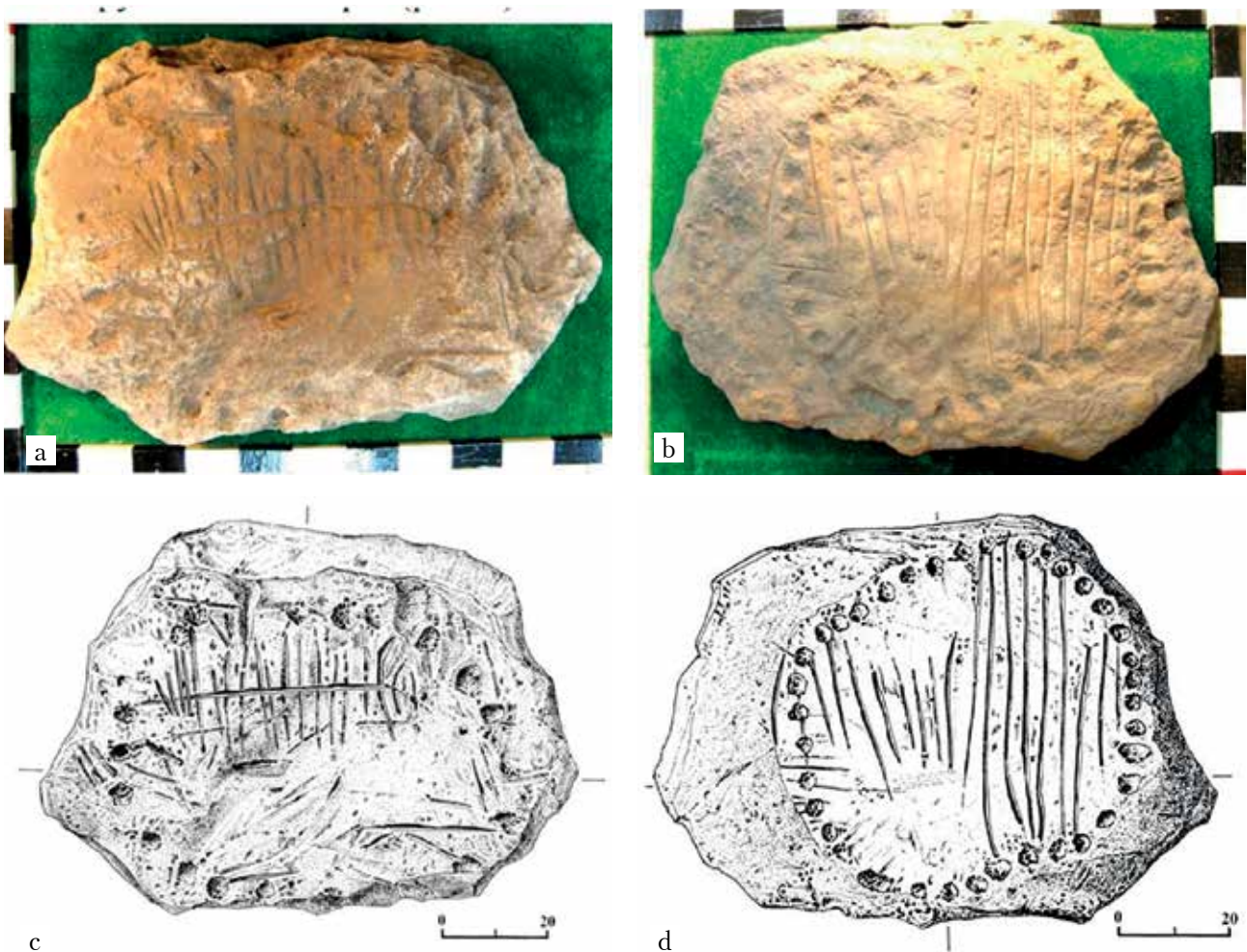
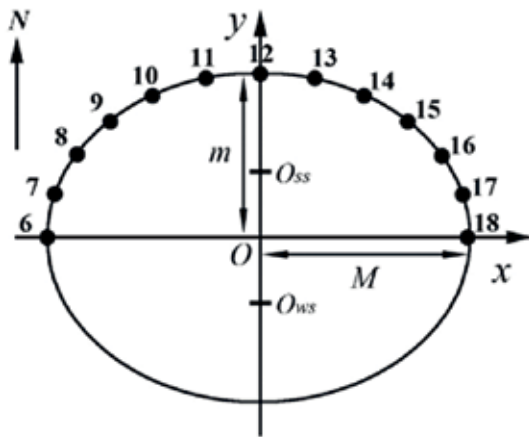

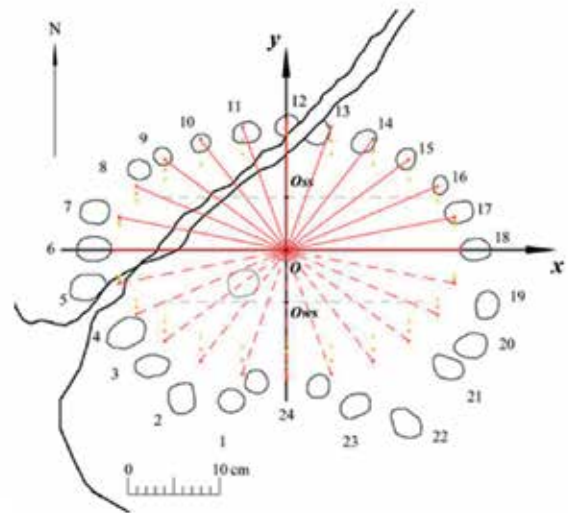
Рис. 5. Курганная группа Попов Яр-2, курган № 3, погребение № 7, плита перекрытия:
a – фотография стороны А
 (Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013 г., рис. 44.1),
b – фотография стороны Б
 (Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013 г., рис. 45.1),
c – прорисовка стороны А
 (Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013 г., рис. 42.1),
d – прорисовка стороны Б
 (Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013 г., рис. 42.2)

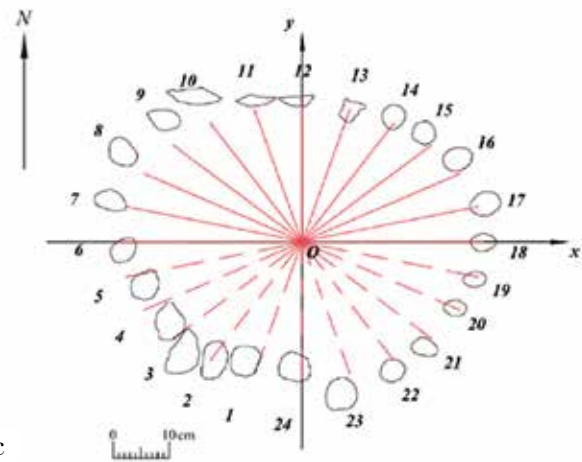
а

Рис. 6. Часовые метки аналемматических солнечных часов:

- а** — на координатной плоскости (Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, fig. 6),
б — на плите перекрытия из погребения 2 кургана № 1 курганного могильника Таврия-1; часовые линии для широты Таврии-1, равной $47^{\circ}17' N$, для равноденствия обозначены красными линиями, для сравнения часовые метки для широты $41^{\circ}00' N$ обозначены оранжевым цветом, а для широты $35^{\circ}00' N$ — желтым цветом (Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, fig. 7);
с — на плите из погребения 7 кургана № 3 курганной группы Попов Яр-2; часовые линии для равноденствия для широты Попова Яра-2, равной $48^{\circ}26' N$, обозначены красными линиями. Пунктирные линии — часовые линии нерабочего диапазона. N — истинный север

б

с

Донецкой области (Polidovych Yu.B., Usachuk A.N., 2013, p.53–67; Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., 2015, с.444, 455; Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013, с.36–135), которые находятся на неохраняемой территории поблизости от здания Константиновского городского музея (Донецкая обл., Украина) и в Донецком областном краеведческом музее (Донецкая обл., Украина) соответственно.

Анализ петроглифов на плитах из Попова Яра-2 и Таврии-1 (рис.6) был проведен с помощью комплексных естественнонаучных методов, которые уже показали свою эффективность в междисциплинарных исследованиях древних сооружений и артефактов (Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю., 2015, с.4–14; Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015, p.43–60; Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015, p.23–42;

Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015, p.65–87; Vodolazhskaya L.N., 2014, p.1–18; Vodolazhskaya L.N., Larenok V.A., 2013, p.5–25; Водолажская Л.Н., Невский М.Ю., 2012, с.5–13).

В результате было доказано, что петроглифы на этих плитах представляют собой часовые метки аналемматических солнечных часов в виде эллипса из лунок (Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, p. 31–53; Vodolazhskaya L.N., 2013, p. 68–88).

На плите из Русина Яра тоже нанесен эллипс из лунок, но его анализ с точки зрения часовых меток солнечных часов с необходимой точностью невозможен, т.к. прорисовка плиты выполнялась приблизительно, а поверхность самой плиты сейчас сильно повреждена (рис. 4а).

Плита из Попова Яра-2 имеет размеры $60 \times 90 \div 95 \times 9 \div 23$ см, а эллипс из лунок

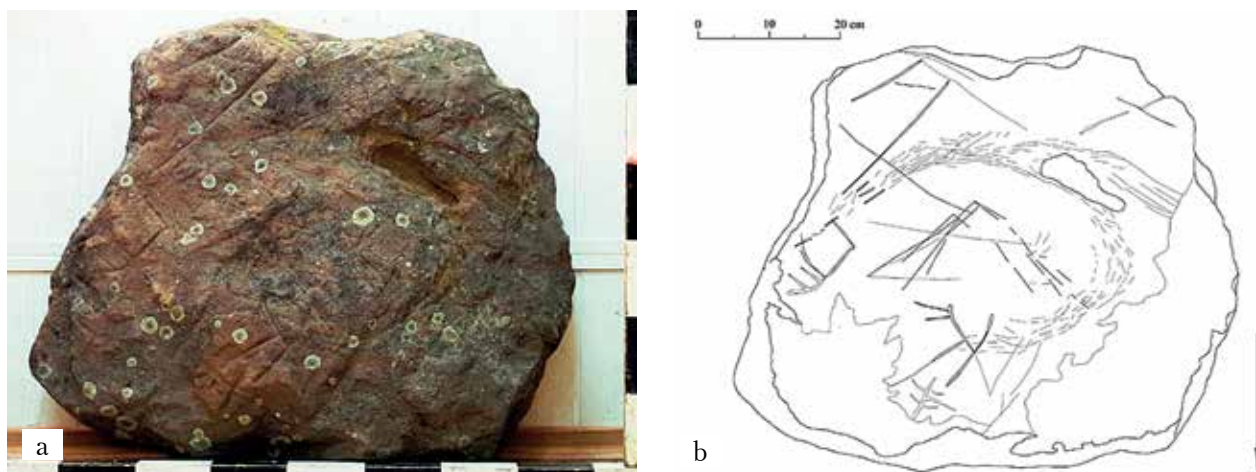

Рис. 7. Могильник Варваринский-I, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами: **а** — фотография (фото Водолажского А.Д., 2014 г.), **б** — прорисовка-чертеж

на ней примерно $62 \div 70 \times 45 \div 50$ см. Плита из Русина Яра имеет примерные размеры $85 \div 98 \times 158 \div 162 \times 20 \div 30$ см, а эллипс из лунок приблизительно $60 \div 70 \times 40 \div 50$ см. Плита из Таврии-1 имеет размеры $85 \times 164 \times 15 \div 20$ см, а уцелевший эллипс из лунок на ней — $38 \div 44 \times 25 \div 29$ см. На варваринской плите отсутствуют выбитые по кругу лунки, но в центре плиты хорошо просматривается широкий желобок, напоминающий эллипс, проточенный примерно на три четверти (рис. 7). Ширина желобка в среднем около 4 см, глубина неравномерна и достигает ≈ 1 см. В левой нижней части плиты желобок не просматривается. Варваринская плита имеет примерные размеры $60 \times 75 \times 10 \div 15$ см, а эллипс приблизительно 40×30 см.

Анализ размеров этих плит с петроглифами показывает, что размеры плиты из Русина Яра близки размерам плиты из Таврии-1, а размеры варваринской плиты — размерам плиты из Попова Яра-2. Причем две последние плиты из ожелезненного песчаника. Размеры эллипса из лунок на плите из Русина Яра приблизительно соответствуют размерам аналогичного эллипса на плите из Попова Яра-2 и примерно в полтора раза превышают размеры уцелевшего эллипса на плите из Таврии-1. Размеры же эллипса на плите из Таврии-1 близки размерам эллипса на варваринской плите. Это особенно хорошо заметно при нанесении контуров лунок

плиты из Таврии-1 на варваринскую плиту с сохранением масштаба (рис. 8). Лунки совпадают с широким желобком, а острые выступы из лунок («кошачьи уши») повторяют угловые выступы верхнего края варваринской плиты.

Выступы, скорее всего, задавали ось симметрии при разметке плит. Взяв за основу ось симметрии эллипса из лунок на плите из Таврии-1, мы реконструировали первоначальную форму варваринской плиты. В качестве исходного профиля для реконструкции утраченного фрагмента был использован профиль противоположной от скола стороны плиты. Симметрично отраженный профиль правой половины плиты (рис. 9а) неплохо совпал с профилем неповрежденных частей левой половины плиты. Восстановленный описанным методом профиль утраченного отколото-го фрагмента плиты хорошо стыкуется с профилем самой плиты, дополняя его до близкой к овалу формы (рис. 9б).

Сходство между размерами эллипса из лунок на плите из Таврии-1 и желобка в виде эллипса на варваринской плите, с одной стороны, и сходство между размерами и формой острых выступов на эллипсе из лунок и соответствующих угловых выступов верхнего края варваринской плиты, с другой, дают основание предполагать, что варваринская плита, как и плита из Таврии-1, принадлежит к срубной культуре, а желобок в виде эл-

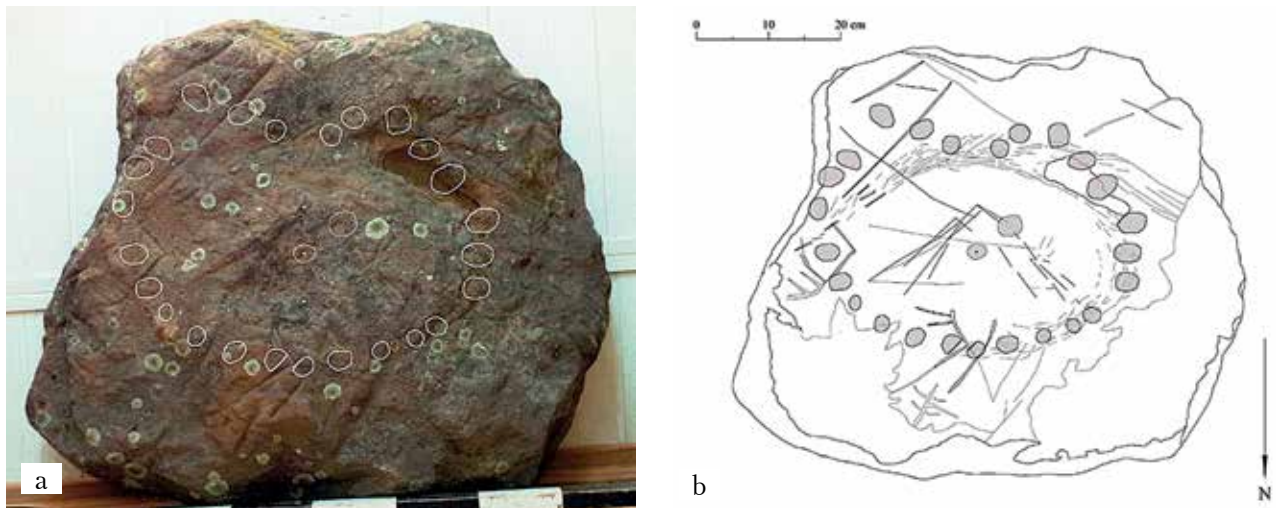

Рис. 8. Могильник Варваринский-1, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами:
a – контуры лунок плиты из Таврии-1, нанесенные на фотографию поверхности плиты с петроглифами,
b – контуры лунок, нанесенные на прорисовку-чертеж поверхности плиты с петроглифами

липка имеет непосредственное отношение к технологии разметки аналемматических солнечных часов.

Следует также отметить, что непосредственно на желобке варваринской плиты располагается достаточно большая продолговатая лунка природного происхождения, скорее всего, след от фоссилии. По форме лунка напоминает след от стопы человека, поэтому в древности эта плита могла почитаться как священный камень-следовик (Формозов А.А., 1965, с.130–138; Александров А.А., 1983, с.12–18) и именно поэтому могла быть выбрана для нанесения петроглифов.

При наложении эллипса из лунок плиты из Таврии-1 на фотографию и прорисовку варваринской плиты видно, что лунка 18 часов, по которой можно измерить большую полуось эллипса M , попадает в центр знака «ромб» (рис. 10а, 10б), а лунка 12 часов, по которой можно измерить малую полуось эллипса m , проецируется вблизи центра знака «косой крест» (рис. 10с, 10д).

Первоначально в исследованиях плиты из Таврии-1 в качестве большой полуоси рассматривался отрезок от центра эллипса до внутреннего края лунки, т.к. иначе отрезок, соответствующий малой полуоси, вы-

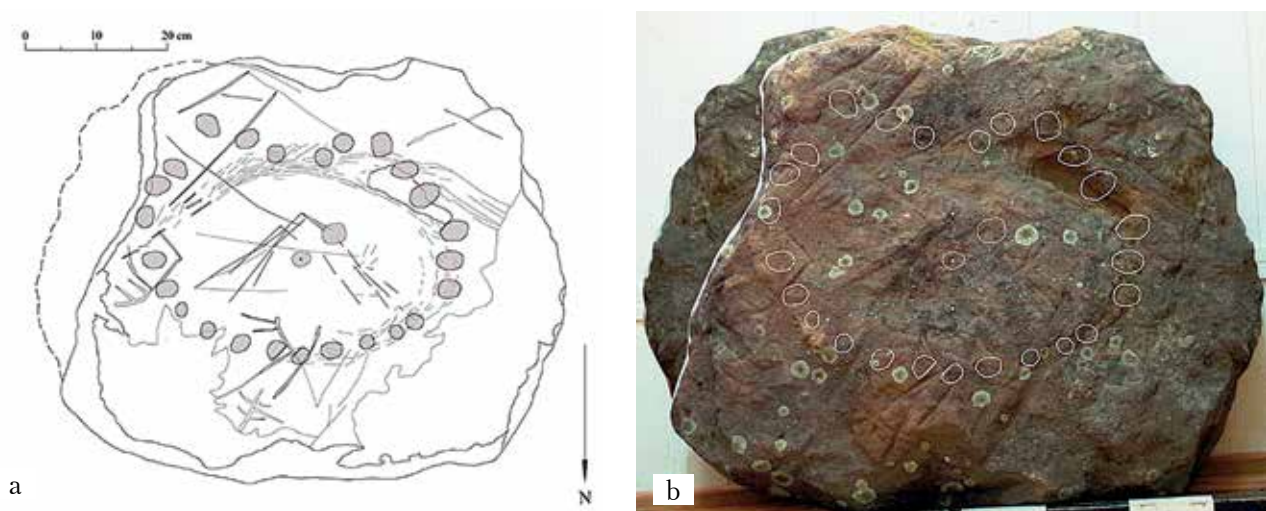

Рис. 9. Могильник Варваринский-1, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами:
a – прорисовка-чертеж поверхности плиты с реконструированным профилем (пунктирная линия); вертикальная линия в центре чертежа – ось симметрии эллипса из лунок,
b – фотография плиты с реконструированной с помощью осевой симметрии утраченной частью

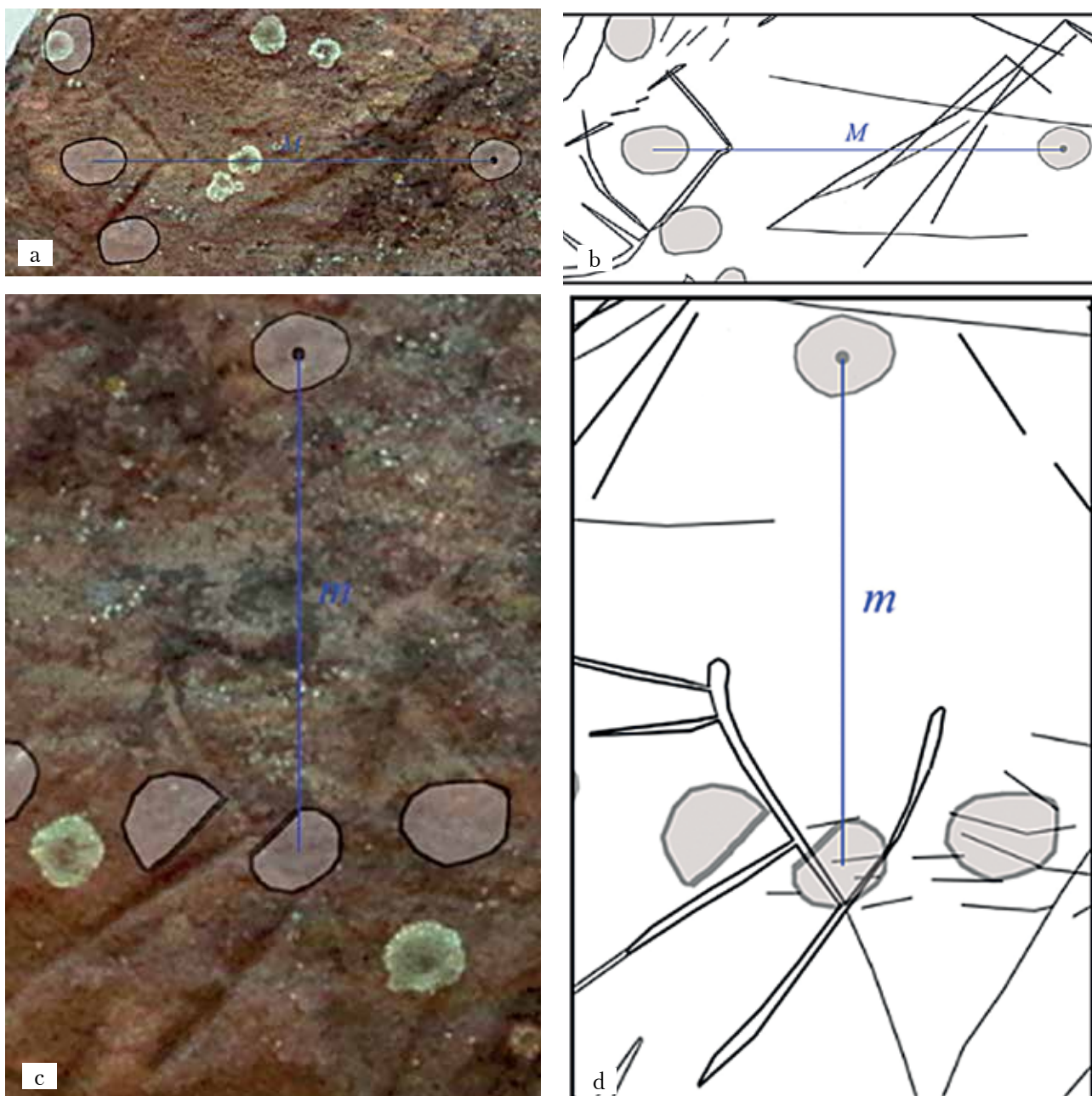

Рис. 10. Могильник Варваринский-I, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами:
 а – фотография фрагмента плиты с петроглифом «ромб» и с отмеченной большой полуосью M
 эллипса «циферблата» солнечных часов,
 б – прорисовка фрагмента плиты с большой полуосью M ,
 с – фотография фрагмента плиты с петроглифом «косой крест» и с отмеченной малой полуосью m ,
 д – прорисовка фрагмента плиты с малой полуосью m

ходил за пределы лунки 12 часов. Исходя из предположения, что плита, скорее всего, была изготовлена или размечена вблизи места ее обнаружения, мы сделали вывод о не очень точной разметке плиты, опирающейся на измерение расстояний до внутренних краев лунок. Однако попадание одной из ключевых лунок плиты из Таврии-1, определяющей большую полуось эллипса M , в центр знака «ромб» заставило нас прийти к

выводу, что измерения и разметка эллипса аналемматических часов опирались на расстояние до центра лунок.

Измеренная большая полуось эллипса из лунок на плите из Таврии-1 равна $M_{Tav} \approx 20,5$ см (относительно центра лунки). Для широты Таврии-1 $Lat=47^{\circ}17'N$ рассчитанная по формуле 1 малая полуось эллипса аналемматических часов $m_{Tav} = 15,1$ см (относительно центра лунки).

$$m = M \cdot \sin \varphi, \quad (1)$$

$$x = M \cdot \sin H, \quad (2)$$

$$y = M \cdot \sin \varphi \cdot \cos H, \quad (3)$$

$$Z_{ws} = M \cdot \operatorname{tg} \delta_{ws} \cdot \cos \varphi, \quad (4)$$

$$Z_{ss} = M \cdot \operatorname{tg} \delta_{ss} \cdot \cos \varphi, \quad (5)$$

$$H' = \operatorname{arctg}(\operatorname{tg} H / \sin \varphi), \text{ при } t \in [6; 18] \quad (6)$$

$$H' = \operatorname{arctg}(\operatorname{tg} H / \sin \varphi) - 180^\circ, \text{ при } t \in [0; 6]$$

$$H' = \operatorname{arctg}(\operatorname{tg} H / \sin \varphi) + 180^\circ, \text{ при } t \in [18; 24],$$

$$\text{где } H = 15^\circ \cdot (t - 12),$$

где x — координата точки по оси X для аналемматических солнечных часов, y — координата точки по оси Y для аналемматических солнечных часов, $M \approx 19$ см — измеренная большая полуось эллипса, φ — широта местности, t — истинное местное солнечное время, H — часовой угол Солнца, H' — угол между полуденной линией и часовой линией на часах, $\delta_{ws} = -\varepsilon$ — склонение Солнца в день зимнего солнцестояния, $\delta_{ss} = \varepsilon$ — склонение Солнца в день летнего солнцестояния, $y = Z_{ws}$ — в день зимнего солнцестояния, $y = Z_{ss}$ — в день летнего солнцестояния (рис. ба).

В дни летнего солнцестояния склонение Солнца равно углу наклона эклиптики к небесному экватору $\delta_{ss} = \varepsilon$, который рассчитывается с помощью формул (Монтенбрук О., Пфлегер Т., 2002, с.35):

$$\varepsilon = 23.43929111^\circ - 46.8150'' \cdot T - 0.00059'' \cdot T^2 + 0.001813 \cdot T^3, \quad (7)$$

$$T \approx \frac{(y - 2000)}{100}, \quad (8)$$

где T — число юлианских столетий, отделяющих эпоху от полудня 1 января 2000 года, y — год нужной эпохи. В дни зимнего солнцестояния склонение Солнца $\delta_{ws} = -\varepsilon$, в дни равноденствий $\delta_{eq} = 0$, а в дни летнего солнцестояния $\delta_{ss} = \varepsilon$.

Измеренное расстояние от центра эллипса до центра крестообразного знака в нижней части плиты с x . Варваринского близко этой величине $m_{изм} \approx 14,8$ см. С нашей точки зрения, точность нанесения меток на варваринскую плиту не превышала $\pm 0,2 \div 0,3$ см, поэтому можно допустить, что $m_{изм} \approx m_{\Gamma_{ав}}$. Однако надо иметь в виду, что для средних широт изменение малой полуоси m на $0,2 \div 0,3$ см при фиксирован-

ной большой полуоси $M \approx 20,5$ см приводит к изменению широты местности на $\approx 1^\circ$.

Рассчитанные для плиты из Таврии-1 расстояния Z , на которые необходимо сдвигать гномон в день зимнего и летнего солнцестояния, соответственно $Z_{ws} = -6,15$ см, а $Z_{ss} = 6,15$ см.

Для 3000 г. до н.э. рассчитанный нами угол наклона эклиптики к небесному экватору равен $\varepsilon = 24024'02''$, а расстояния, на которые надо сдвигать гномон в день зимнего и летнего солнцестояния, равны соответственно $Z_{ws} = -6,2$ см и $Z_{ss} = 6,2$ см. Они отличаются от рассчитанных для 1400 г. до н.э. на 0,05 см, что меньше погрешности измерений в $\pm 0,1$ см, являющейся минимальной ценой деления измерительной линейки. Следовательно, можно утверждать, что разметки аналемматических солнечных часов для 1400 г. до н.э. и для 3000 г. до н.э. практически должны совпадать.

Учитывая, что малая и большая полуоси эллипсов плиты из Таврии-1 и варваринской плиты приблизительно равны, можно сделать вывод, что величины Z_{ws} и Z_{ss} для обеих плит будут совпадать. Именно на таком расстоянии находится вершина треугольной сколотой и более темной, чем основная поверхность, области в центре варваринской плиты. Эта область хорошо заметна на рисунке 11.

В этой области прослеживается несколько выбитых канавок, веером расходящихся из вершины треугольной области. Величина угла ее вершины приблизительно соответствует угловому расстоянию между часовыми линиями аналемматических солнечных часов для времени восхода и захода Солнца в день зимнего солнцестояния. Рассчитанные по формуле 6 для широты Таврии-1 $\text{Lat} = 47^\circ 17' \text{ N}$ часовые углы аналемматических солнечных часов представлены в таблице 1.

Точное время восхода и захода Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояния было рассчитано с помощью астрономической программы RedShift 7 Advanced. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Таблица 1. Координаты часовых меток
аналемматических солнечных часов для широты
 $Lat = 47^{\circ}17' N$. H – часовой угол Солнца, H' – угол между полуденной линией
и часовой линией на часах, t – время, x – координата часовой метки по оси X ,
 y – координата часовой метки по оси Y

	t , час												
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
H , °	-90,0	-75,0	-60,0	-45,0	-30,0	-15,0	0,0	15,0	30,0	45,0	60,0	75,0	90,0
H' , °	-90,0	-78,9	-67,0	-53,7	-38,2	-20,0	0,0	20,0	38,2	53,7	67,0	78,9	90,0
x , см	-19,0	-18,4	-16,5	-13,4	-9,5	-4,9	0,0	4,9	9,5	13,4	16,5	18,4	19,0
y , см	0,0	3,6	7,0	9,9	12,1	13,5	14,0	13,5	12,1	9,9	7,0	3,6	0,0

Таблица 2. Время восхода и захода Солнца
в дни солнцестояний для широты $Lat=47^{\circ}17' N$. $t_{\text{восх}}$ – истинное местное солнечное
время в момент восхода Солнца, $t_{\text{зах}}$ – истинное местное солнечное время в момент
захода Солнца, $H'_{\text{восх}}$ – угол между полуденной линией и часовой линией на
аналемматических солнечных часах в момент восхода Солнца, $H'_{\text{зах}}$ – угол между
полуденной линией и часовой линией в момент захода Солнца

Явление	$t_{\text{восх}}$, час	$H'_{\text{восх}}$, °	$t_{\text{зах}}$, час	$H'_{\text{зах}}$, °
Летнее солнцестояние	4:03	-112,4	19:56	112,1
Зимнее солнцестояние	7:48	-69,5	16:13	69,7

Рис. 11. Могильник Варваринский-I, курган № 1
(окрестности), каменная плита с петроглифами.
Вид сбоку (фото Водолажской Л.Н., 2014 г)

Угол, образуемый тенью от гномона с момента восхода Солнца до момента его захода на протяжении дня зимнего солнцестояния, выделен на рисунке 12 как треугольная область серого цвета.

Линия, обозначающая расстояние Z , на которое необходимо было перемещать гномон в день летнего солнцестояния, совпадает с нижним ответвлением петроглифа «ветка», расположенным ниже «ромба». Мы предположили, что каждое из ответвлений на этой «ветке» могло быть связано с аналогичными линиями Z для различных широт, а сходные ответвления на петроглифе «крест» в северной части плиты соответственно могли отмечать различные величины малых полуосей m .

В качестве возможного значения большой полуоси $M_{\text{изм}}$ нами были выбраны и измерены значения, соответствующие центру и углам «ромба» в восточной части плиты, – расстояния от точки O до точек $A1$, $A2$, $A3$, $A4$ (рис.13). Измеренные значения равны соответственно 17; 17,5; 20,5; 24,2 см. Затем нами были

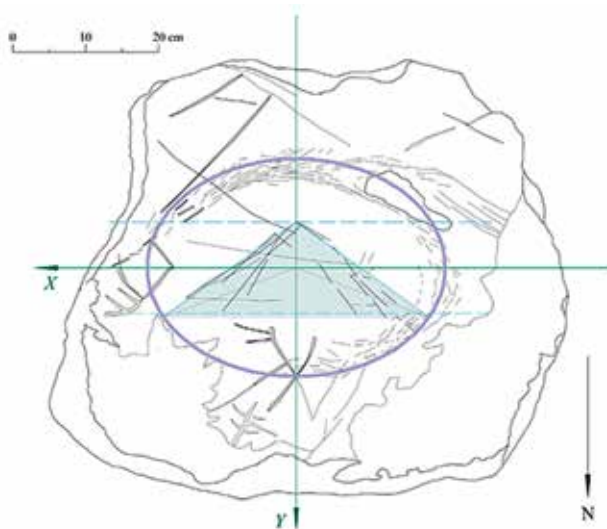

Рис. 12. Могильник Варваринский-I, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами. Синий эллипс – контур «циферблата» аналемматических солнечных часов для широты могильника Таврия-1, вершина треугольной области (выделена серым цветом) образуется тенью от гномона с момента восхода Солнца до момента его захода на протяжении дня зимнего солнцестояния

измерены предполагаемые малые полуоси $m_{изм}$ – расстояния по оси Y от точки O до точек $B1, B2, B3, B4$ – значения $y1, y2, y3, y4$. Измеренные значения равны соответственно 14,8; 13,2; 9,7; 9,0 см.

Проведя расчеты расстояний Z по формулам 4 и 5 для различных комбинаций измеренных величин M и m , мы сравнили их с измеренными $Z_{изм}$ – значениями $y8, y7, y6, y5$, которые равны соответственно 4,2; 5,0; 6,1; 6,5 см.

Результаты расчетов расстояний Z представлены в таблице 3.

Однако надо заметить, что величина Z более чувствительна к точности нанесения петроглифа, чем M и m . Для средних широт изменение величины Z на ≈ 1 мм будет менять координаты широты на 1° . Так как точность нанесения для всех петроглифов плиты, скорее всего, была одинаковой, то линии ветки будут соответствовать заданным Z с точностью $\pm 2 \div 3$ мм и давать погрешность $\pm 2 \div 3^\circ$. Это достаточно большая погрешность, поэтому линии «ветки» можно рассматривать лишь как вспомогательные линии для приближенного определения расстояния Z на конкретной широте.

Таблица 3.

Рассчитанные значения расстояния Z , на которые должен перемещаться гномон аналемматических солнечных часов в день летнего солнцестояния, на разных широтах при заданных значениях полуосей M и m

		$Z, см$			
$M, см$		17,0	17,5	20,5	24,2
$m, см$					
14,8		3,7	4,1	6,3	8,5
13,2		4,7	5,1	6,9	9,0
9,7		6,2	6,4	8,0	9,7
9,0		6,4	6,6	8,1	9,9

Расчеты широты проводились нами по формуле 9, получаемой из формулы 1:

$$\varphi = \arcsin(m/M), \quad (9),$$

где φ – широта местности, M – большая полуось эллипса, m – малая полуось эллипса.

Результаты этих расчетов представлены в таблице 4.

Анализируя результаты, мы пришли к выводу, что при величине большой полуоси эллипса $M=24,2$ см рассчитанные расстояния Z (табл. 3) значительно превышают расстояния, на которых находятся ответвления на «ветке», поэтому исполь-

Таблица 4.

Рассчитанные значения широты φ , для которых предназначены аналемматические солнечные часы с заданными величинами большой полуоси M и малой полуоси m

		$\varphi, ^\circ$			
$M, см$		17,0	17,5	20,5	24,2
$m, см$					
14,8		60,5	57,7	46,2	37,7
13,2		50,9	49,0	40,1	33,1
9,7		34,8	33,7	28,2	23,8
9,0		32,0	30,9	26,0	21,8

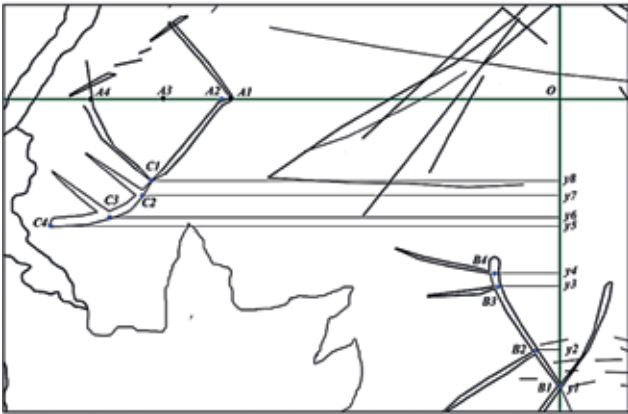

Рис. 13. Могильник Варваринский-I, курган № 1 (окрестности), каменная плита с петроглифами, фрагмент прорисовки с нанесенными точками: A1–A4, относительно которых проводились измерения большой полуоси M ; B1–B4, относительно которых измерялась малая полуось m ; C1–C4, относительно которых измерялись расстояния Z_{ss}

зование большой полуоси такой длины было маловероятным.

Для большой полуоси $M=20,5$ см в двух случаях рассчитанные величины Z почти совпадают с измеренными (точки C3 и C4) (табл.3). Они соответствуют малым полуосям 14,8 см и 13,2 см, для которых широты равны $\approx 46^\circ N$ (приблизительно широта Таврии-1 или северного побережья Черного моря) и $\approx 40^\circ N$ (приблизительно широта южного побережья Черного моря) (табл.4).

Если нанести на чертеж варваринской плиты лунки с плиты из Таврии-1, то эллипс аналемматических солнечных часов, соответствующих широте Таврии-1, со своей северной стороны будет очень точно касаться внешнего края лунок (рис.14). Однако ключевые лунки: восточную (18 часов) и западную (6 часов), он пересекает почти по центру. Возможно, такое расположение лунок было связано с попыткой создать более универсальную разметку часов. Центр лунки 12 часов расположен приблизительно на уровне точки B2 первого ответвления петроглифа «кошой крест» (рис. 13). Эта точка связана с малой полуосью $m \approx 13,2$ см, примерно соответствующей географической широте южного побережья Черного моря: $\approx 40^\circ N$.

Эллипс «циферблата» аналемматических солнечных часов с $M=20,5$ см и $m=13,2$ см пересекает почти посередине большинство лунок рабочего диапазона с 6 до 18 часов. То есть для измерения времени в этом диапазоне для южного побережья Черного моря необходимо было ориентироваться преимущественно на центры лунок. Таким образом, солнечные часы на плите из Таврии-1 позволяли определять время как на северном, так и на южном побережье Черного моря.

Соответственно, варваринская плита могла служить образцом для разметки эллипса «циферблата» таких аналемматических солнечных часов (с большой полуосью эллипса $M \approx 20,5$ см) для широт всего побережья Черного моря.

Полностью, хотя и с небольшими погрешностями, оказались задействованы все ответвления «ветки» для большой полуоси $M=17,5$ см (табл. 3), представляющей собой отрезок от центра эллипса O до ближайшего к нему углу «ромба», но не точки A1, а точки A2. Точка A1 появилась, скорее всего, вследствие не очень точного нанесения одной из линий «ромба» (рис.13).

Для большой полуоси $M=17,5$ см оказались задействованы все точки (рис. 15), соответствующие значениям малой полуоси 14,8 см, 13,2 см, 9,7 см и 9 см для широт, примерно, $57,7^\circ N$, $49,0^\circ N$, $33,7^\circ N$ и $30,9^\circ N$ (табл.4).

Широта $57,7^\circ N$ близка широте «белых ночей», равной $\approx 60,5^\circ N$, на которой в летнее время бывают периоды, когда гражданские сумерки (Солнце опускается меньше, чем на 6° , ниже горизонта) длятся всю ночь, и, таким образом, по освещенности нарушается разделение суток на день и ночь. Наземные объекты при этом видны без дополнительного освещения, а звезды наблюдать невозможно.

Широта $\approx 49,0^\circ N$ близка широте $48,5^\circ N$, южнее которой, даже вблизи летнего солнцестояния, наблюдается астрономическая ночь (Солнце опускается более чем на 18° ниже горизонта). Начиная с этой широты

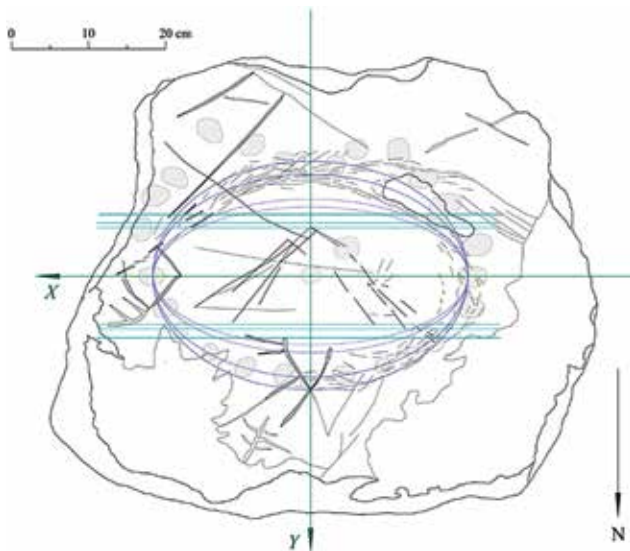

Рис. 14. Могильник Варваринский-1, курган № 1 (окрестности): прорисовка каменной плиты с петроглифами, эллипсы «циферблата» аналемматических солнечных часов с большой полуосью $M=20,5$ см и различными малыми полуосями m выделены синим цветом, линии, выделенные зеленым цветом, отмечают соответствующие расстояния Z_{ws} и Z_{ss}

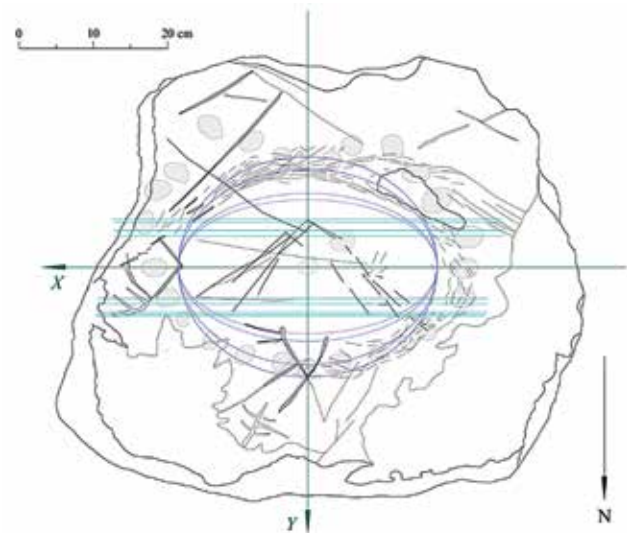

Рис. 15. Могильник Варваринский-1, курган № 1 (окрестности): прорисовка каменной плиты с петроглифами, эллипсы «циферблата» аналемматических солнечных часов с большой полуосью $M=17,5$ см и различными малыми полуосями m выделены синим цветом, линии, выделенные зеленым цветом, отмечают соответствующие расстояния Z_{ws} и Z_{ss}

и южнее в летнее солнцестояние ночью на небе уже можно наблюдать даже слабые звезды и Млечный путь. Севернее такая возможность отсутствует. Широта $\approx 49,0^\circ N$ также близка широте места обнаружения варваринской плиты, равной $\approx 49,5^\circ N$.

Рассчитанные часовые метки для этих северных широт ($57,7^\circ N$ и $49,0^\circ N$) хорошо вписываются в область эллиптического желобка на варваринской плите, поэтому она могла использоваться и как образец для изготовления/разметки эллипса «циферблата» аналемматических солнечных часов с $M=17,5$ см в диапазоне северных широт (от границы наблюдения астрономической ночи в дни летнего солнцестояния до границы «белых ночей» с полным отсутствием возможности наблюдения звездного неба вблизи летнего солнцестояния).

Широты $33,7^\circ N$ и $30,9^\circ N$ находятся значительно южнее. Этим широтам соответствуют метки на петроглифах «ромб» и «косой крест», но эллипсы для этих широт на плите отсутствуют. Скорее всего, это говорит о том, что для данных широт использование варваринской

плиты не предполагалось. Хотя при необходимости с ее помощью можно было получить основные размеры эллипса «циферблата» (и расстояний Z) аналемматических солнечных часов и для таких южных широт.

Таким образом, исследование обнаруженной в окрестностях могильника Варваринский-1 плиты и анализ петроглифов, нанесенных на нее, позволяют сделать вывод о том, что она являлась прототипом плиты из срубного погребения могильника Таврия-1 и ее аналогов, которые, возможно, еще будут обнаружены. Петроглиф в виде эллиптического желобка на варваринской плите по своим параметрам соответствует эллиптическому расположению лунок — часовых меток аналемматических солнечных часов на плите из Таврии-1. Однако на варваринской плите отсутствуют лунки, которые могли бы служить часовыми метками, поэтому ее нельзя считать полноценными солнечными часами (кадром солнечных часов). Она является лишь прототипом аналемматических солнечных часов, разметка которых выбита на плите

из Таврии-1, и предшествует плитам с петроглифами из срубных погребений — аналемматическим солнечным часам (кадранам), обнаруженным на территории Ростовской и Донецкой областей. Наиболее вероятно, что варваринская плита с петроглифами использовалась для отработки технологии измерения времени с помощью гномона и видимого движения Солнца, которая впоследствии и позволила создать аналемматические солнечные часы.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А.А., 1983.* О следах язычества на Псковщине // КСИА. — Вып. 175. — М.
- Монтенбрук О., Пфлеггер Т., 2002.* Астрономия на персональном компьютере. — СПб: Питер.
- Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю., 2015.* Солнечные часы эпохи бронзы из срубного погребения могильника Таврия-1 // ИАА. — Вып. 13. — Армавир. Краснодар. Москва.
- Водолажская Л.Н., Невский М.Ю., 2012.* Археoaстрономические исследования святилища Каратаево-Ливенцовского комплекса // Методика исследования культовых комплексов. — Барнаул: изд. «Пять плюс».
- Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В., Цыбрий Т.В., Захариков А.П., Орленко А.В., Озеров А.А., Абакумов Г.Н., Абакумов Т.Н., 2010.* Петроглифы у хутора Скельновского. — Ростов-на-Дону: изд. «Донское археологическое общество».
- Ларенок П.А., 1998.* Курганные могильники Таврия 1–3 // Курганы Северо-Восточного Приазовья: Каталог (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. — Вып. III / ТГЛИАМЗ. ТАЭ. — Ростов н/Д.
- Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., 2015.* Две находки каменных плит с изображением в погребениях срубной общности на территории Восточной Украины // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. — Костанай — Алматы.
- Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А., 2013.* Исследования курганов группы Попов Яр-2 в Донецкой области // Археологический альманах. — № 30. — Донецк: «Донбас».
- Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., 1996.* Срубный погребальный комплекс из Русиного Яра (Донбасс) // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы междунар. конф. — Ч. 1. — Донецк.
- Справочник..., 1933.* Справочник по полезным ископаемым Северокавказского края. — Ростов-на-Дону.
- Файферт А.В., 2015.* Петроглифы на территории Ростовской области. — Ростов-на-Дону: изд. ГАУК РО «Донское наследие».
- Формозов А.А., 1965.* Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни «следовики» // СЭ. — № 5.
- Polidovych Yu.B., Usachuk A.N., 2013.* Stone slabs with Images of the Late Bronze Age from the kurgan complexes in Eastern Ukraine [Каменные плиты с изображениями эпохи поздней бронзы из курганных комплексов Восточной Украины] // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. — Vol. 1. — № 1.
- Vodolazhskaya L.N., 2013.* Analemmatic and horizontal sundials of the Bronze Age (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. — Vol. 1. — № 1.
- Vodolazhskaya L.N., 2014.* Reconstruction of ancient Egyptian sundials // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. — Vol. 2. — № 2.
- Vodolazhskaya L.N., Larenok V.A., 2013.* Archaeoastronomical analysis of Levinsadovka sacrificial complex (South Russia) // Archaeoastronomy

- and Ancient Technologies. — Vol. 1. — № 1.
- Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014.* Ancient astronomical instrument from Srubna burial of kurgan field Tavriya-1 (Northern Black Sea Coast) // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* — Vol. 2. — № 2.
- Vodolazhskaya L.N., Nevsky M.Yu., 2013.* Russian meteorite of the Bronze Age (rock record) // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* — Vol. 1. — № 2.
- Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015.* Astronomical interpretation of the signs on the vessel of the Bronze Age (Central Donbass) // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* — Vol. 3. — № 2.
- Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015.* Marks of Heliacal rising of Sirius on the sundial from the Central Donbass // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* — Vol. 3. — № 2.
- Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevsky M.Yu., 2015.* Clepsydra of the Bronze Age from the Central Donbass // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* — Vol. 3. — № 1.

ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ УЛЬКА-1

Поселение Улька-1 расположено в 5,4 км к северо-востоку от северо-восточной окраины г. Майкопа, в 189 м к востоку от восточной окраины х. Грозного, с южной и северной сторон от автодороги Р-217.

В 2017 году специалистами ООО «Артефакт» в соответствии с договором были проведены полевые археологические исследования в зоне реконструкции автодороги М-29 «Кавказ». Работы велись на основании Открытого листа №926, выданного 30 июня 2017 г. на имя Суркова Алексея Владимировича.

При исследовании части поселения, попадавшей в зону реконструкции, на его юго-западной окраине, в месте схождения раскопов 3 и 4 был обнаружен протомеотский могильник и исследовано 4 погребения, попавших в эти раскопы. Три из них обнаружено в пределах раскопа 3 и одно (№ 4) — в пределах раскопа 4 (рис.1). Ниже мы публикуем материалы этих погребений¹.

Раскоп 3

Погребение 1 (объект 6). Каменная кладка из плит песчаника была зафиксирована на уровне третьего штыка (60 см от современной поверхности) (рис.2). Она вытянута по линии север-северо-запад — юг-юго-восток и имела размеры 3,6x0,8 см. Под центральной частью этого перекрытия обнаружены предметы погребального инвентаря (кости погребенного не сохранились). Судя по находкам (рис.3), погребенный лежал головой на юго-восток. В южной части (очевидно, в районе головы) находились два черпака (1,2) и кремневый отщеп (3). Севернее этих находок в районе правой руки погребенного найден бронзовый браслет (4). К юго-западу от черпаков (за головой погребенного) лежала массивная кость животного, рядом с ней в скоплении органики находились

игла (5), металлическая пластинка и фрагмент железа (6,7).

1. Черпак с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, с петельчатой, прогнутой в сечении ручкой, крепящейся одним концом к краю сосуда, другим — к средней части тулова. Поверхность тщательно заглажена. Высота сосуда — 9 см, диаметр венчика — 17 см, диаметр плоской части дна — 7,5 см, толщина стенок — около 0,5 см (рис.4, 2).

2. Черпак с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, с петельчатой, прогнутой в сечении ручкой, крепящейся одним концом к краю сосуда, другим — к средней части тулова. Поверхность тщательно заглажена. Высота — 6,5 см, диаметр венчика — 10 см, плоская часть дна диаметром около 4,5 см, толщина стенок — 0,4 см (рис.4, 1).

3. Кремневый отщеп со следами подработки. Размеры: 5,2x2,5x1,3 см (рис.4, 5).

4. Бронзовый несомкнутый браслет из пластины треугольного сечения. Размеры: 6,6x6,3 см, ширина пластины — 1 см, толщина — от 0,5 см по центру до 0,4 см по концам (рис.4, 3).

5. Бронзовая игла круглая в сечении с утонченными концами. Длина — 5 см, диаметр сечения — 0,15 см (рис.4, 4).

6. Фрагмент металлической пластины (сплав?), лежащей около иглы, имеет размеры 3,9x2,4x0,6 см (рис.4, 6).

7. Фрагмент железного предмета имеет размеры 2,3x2,1x0,9 см (рис.4, 7).

Погребение 2 (объект 13)

Обнаружено в секторе 9 на уровне материка, где были зафиксированы два параллельных ряда плит песчаника, после разборки которых установлено, что это обкладка погребения (рис.5). Костяк очень плохой сохранности, прослеживается общая поза умершего: на спине, головой на

север с небольшим отклонением к востоку (рис.6). Левая рука вдоль тела, правая не фиксируется. За головой умершего стоял лепной черпак.

Черпак. Тулово округлое, низкое горло слабо расширяется, венчик отогнут наружу. Тулово украшено сосцевидными выступами, горло — тремя валиками. Сосуд имеет высокую петельчатую, прогнутую в сечении ручку, крепящуюся одним концом к краю сосуда, другим — к средней части тулова. Высота — 10 см; диаметр венчика — 12 см; максимальный диаметр тулова — 11,5 см; диаметр донца в плоской части — 7 см (рис. 7).

Погребение 3 (объект 14)

Обнаружено при вскрытии второго штыка в секторе 10 (рис.8). Первоначально были расчищены два лошадиных черепа, каждый из которых сопровождался однокольчатými удилами (1,2). Под восточным черепом коня лежала пропеллеровидная подвеска из бронзы (3). К северу от конских черепов были обнаружены кости человека. Погребенный мужчина лежал предположительно на спине головой на юг, руки находились вдоль тела, ноги вытянуты. Сохранность костей неудовлетворительная.

Справа у головы погребенного обнаружены фрагменты двух черпаков (4,5). На

правой руке обнаружено крупное серебряное височное кольцо, использовавшееся как браслет (6). В районе шеи находились стеклянные бусы двух видов (7). В районе левого плеча лежали пять бусин глухого стекла с бронзовыми колечками для пришивания и пуговицы (8).

В районе пояса обнаружены золотое височное кольцо (9) и бронзовая трехчастная бляшка (11). У таза слева находились оселок (12), кремь (13) и бронзовый нож (14). В ногах обнаружены 9 бронзовых наконечников стрел (15).

Слева от костяка лежали железный меч с бронзовой рукоятью (16) и железный наконечник копья (17). Около меча обнаружены две ажурные бронзовые бляшки (10).

1. Двухчастные однокольчатые удила с гладкими стержнями. Длина звеньев — 11,0 см. Диаметры внешних колец — 3,5; 3,0 см (рис. 9, 1).

2. Удила однотипны предыдущим. Длина звеньев — 9,7; 8,5 см. Диаметры внешних колец — 2,5; 2,8 см (рис. 9, 2).

3. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Размер: 3,6x0,9x1 см (рис.9, 3).

4. Развал сосуда с петельчатой ручкой (черпака). Форма полностью не восстановима, высота — около 9 см, диаметр венчика около — 18 см.

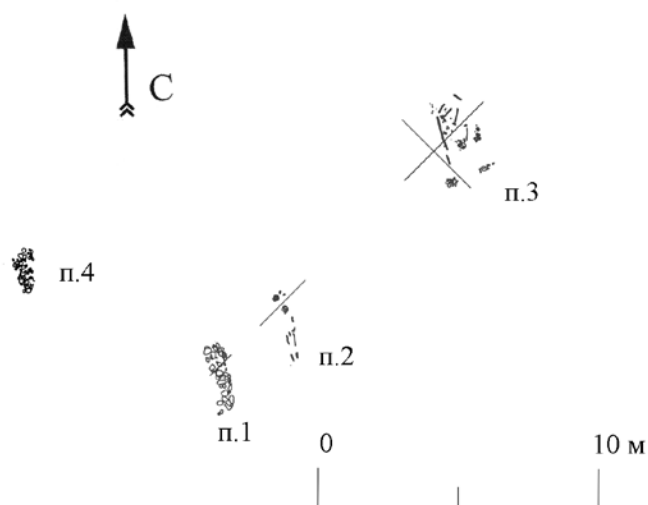

Рис. 1. Общий план протомеотских погребений на поселении Улька-1: п. 1-3 — погребения на раскопе 3; п. 4 — погребение № 1 раскопа 4

5. Развал сосуда с петельчатой ручкой (черпака). Форма полностью не восстанавливается, высота около — 6,5 см, диаметр венчика — около 10 см.

6. Крупное височное кольцо, используемое в качестве браслета. Изготовлено из витков спаянной серебряной проволоки, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соеди-

нены перемычкой. Диаметр — 7 см, высота — 2,5 см, толщина — 0,15 см (рис.10, 23).

7а. Три стеклянные бусины цилиндрической формы глухого стекла бежевого цвета. Размеры: 1,4x0,6 см, 1,5x0,8 см, 0,8x0,6 см (рис.10, 1–3).

7б. Три двухцветные бусины цилиндрической формы из белого и коричне-

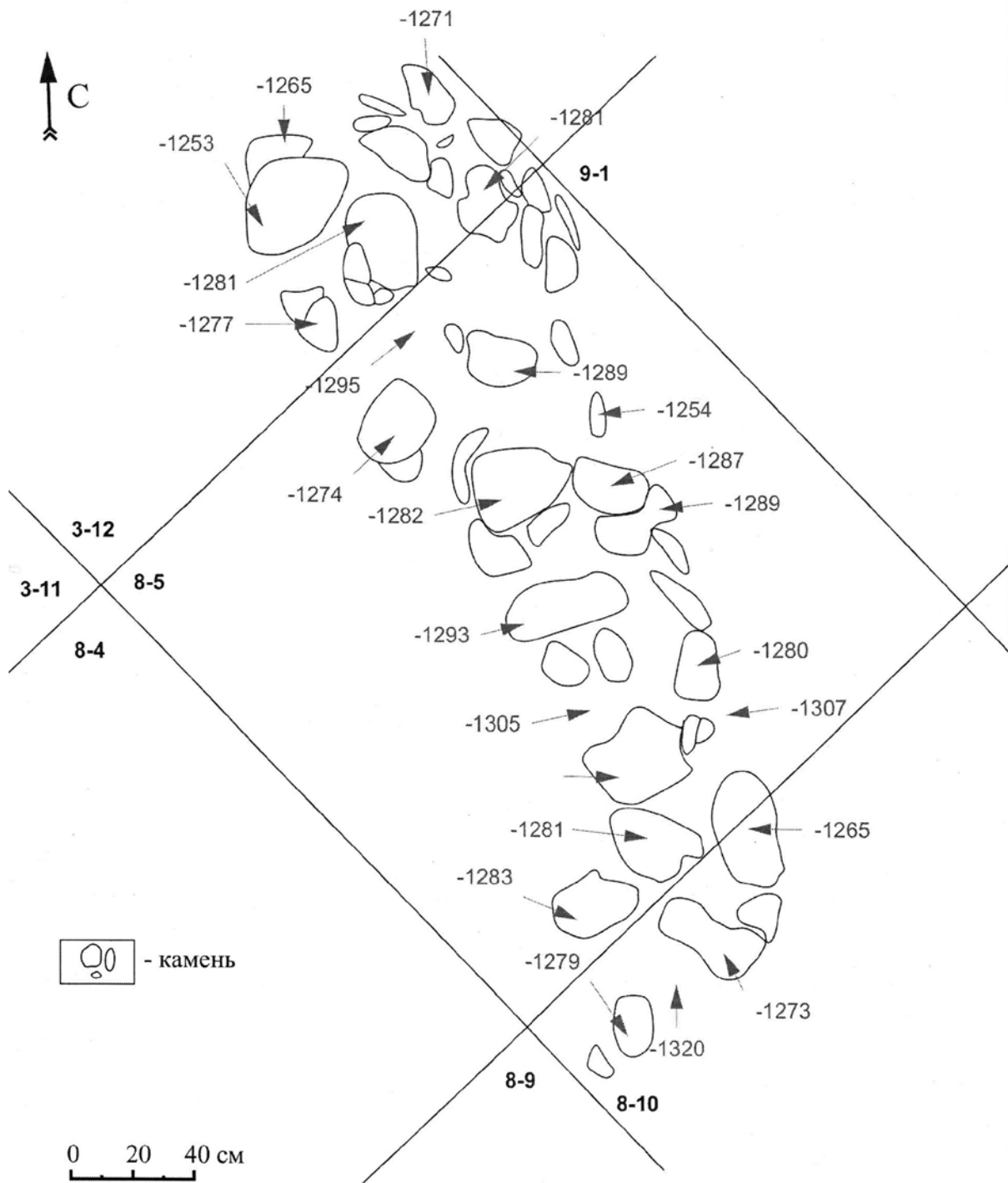

Рис. 2. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 1. План каменного перекрытия

вого прозрачного стекла. Размеры бус: 0,7x0,6 см, 0,9x0,6 см, 0,8x0,6 см (рис.10, 4-6).

8а. Бусы из глухого красного стекла кольцевидной формы (пять целых и фрагмент). Внутри находились колечки из бронзовой пластины для пришивания. Размеры бусин: 0,5-0,6x0,3 см. Диаметр колечек — 0,5 см (рис.10, 14-21).

8б. Семь бронзовых бляшек-пуговиц с округлым выпуклым щитком и петлей-

перекладиной. Шесть бляшек плакированы золотой фольгой, одна лишена плакировки. Диаметр бляшек — 1,2 см (рис.10, 7-12).

9. Височное кольцо, изготовлено из витков спаянной золотой проволоки, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соединены перемычкой. Диаметр — 3,5 см, высота — 1,2 см, толщина проволоки — 0,1 см (рис.10, 22).

10. Бляхи с ажурным щитком с тремя

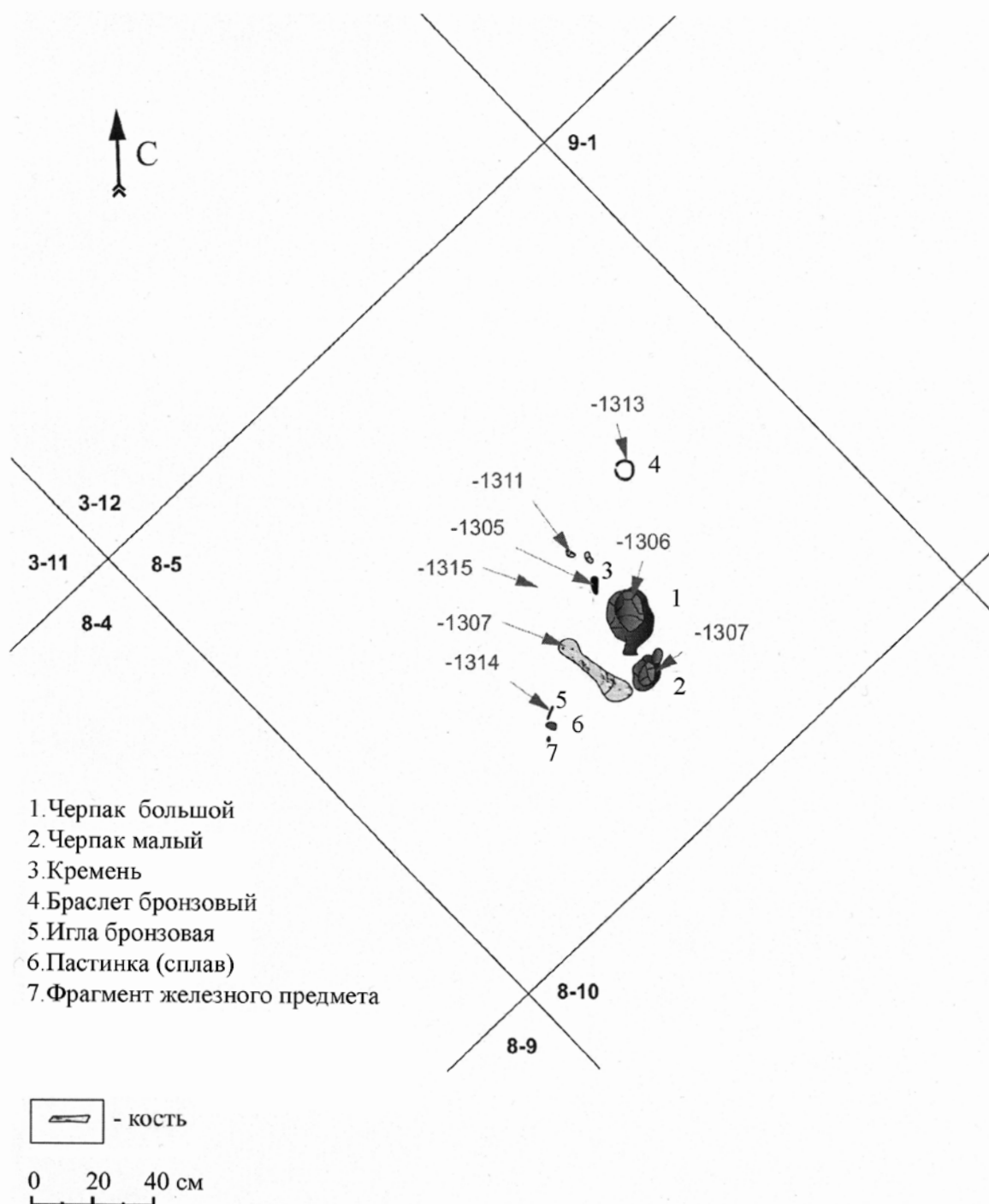

Рис. 3. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 1. Второй уровень расчистки

прорезьями и петлей на обороте. На щитке одной бляхи сохранился орнамент в виде насечек и рельефного трилистника в центре. Диаметр щитков блях — 2,5 и 2,3 см (рис.11, 2,3).

11. Бронзовая бляшка со щитком, состоящим из трех овалов, и петлей на обороте. Размеры щитка: 2,2 x 1,2 см (рис.11, 4).

12. Оселок из серого песчаника подтрапециевидной в плане (сужающийся книзу) формы и прямоугольный в сечении. В верхней части имеется отверстие для подвешивания, просверленное с одной стороны. Размеры: 11x3x1,2 см (рис.9, 5).

13. Кремневый отщеп овальной формы с ретушью по краям. Размеры: 4,5x1,8 см (рис.9, 6).

14. Бронзовый нож с относительно прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой. Размеры: 11x1,5 см (рис.9, 4).

15. Девять бронзовых черешковых наконечников стрел с обломанными лопастями. Два наиболее сохранных экземпляра можно отнести к «новочеркасскому» типу. Высота наконечников — от 2,5 до 4 см (рис.11, 5–13).

16. Биметаллический меч с бронзовой рукоятью и железным клинком. Округлая в сечении рукоять имеет грибовидное навершие и прямоугольное перекрестие. Клинок имеет форму в виде вытянутого треугольника. Общая длина меча — около 108 см, ширина клинка — 3,5–4 см. Высота рукояти — 11,5 см, ширина перекрестия — 8,7 см (рис.11, 1).

17. Сильно корродированный железный наконечник копья с цилиндрической втулкой и ромбовидным сечением пера. Длина наконечника — 25 см, ширина пера — 2,5–3,2 см, диаметр втулки — 3 см (рис.11, 14).

Погребение 4 (раскоп 4, погребение № 1, объект 1)

Погребение было обнаружено при вскрытии второго штыка в секторе 1 (юго-юго-западный угол раскопа 4).

Первоначально была расчищена каменная кладка из плит песчаника, вытянутая по линии север-северо-восток —

юг-юго-запад длиной 2,2 м и шириной 0,6–1 м (рис.12). После снятия кладки и дальнейшей расчистки обнаружены остатки погребения очень плохой сохранности (рис.13). В южной части обнаружены зубы лошади и сочленения конских ног. Здесь же были обнаружены бронзовые псалии (1). К северо-востоку от них обнаружены остатки зубов человека. Судя по ним и расположению инвентаря, можно предположить, что погребенный был положен скорченно головой на юго-запад. За головой погребенного между его зубами и костями лошади обнаружены два черпака (2,3). Рядом с зубами человека расчищены сердоликовые и гагатовые бусы и бронзовая пронизка (4). К северо-западу от зубов найден бронзовый нож (5), а к северо-востоку — браслет (6).

1. Бронзовые парные трехдырчатые изогнутые псалии черногоровского типа с грибовидными шляпками на концах. Отверстия овальные. Высота — 9,5 см (рис. 14, 1,2).

2. Лепной черпак с уплощенным дном, округлым туловом и отогнутым наружу венчиком. Сосуд имеет высокую петельчатую ручку, прогнутую в сечении ручку, крепящуюся одним концом к краю сосуда, другим к средней части тулова. Высота сосуда — 9,5 см (без ручки), диаметр по краю — 11,5 см. Диаметр дна — 6 см (рис. 15, 1).

3. Лепной черпак, однотипный предыдущему. Высота сосуда — 6 см, диаметр по краю — 8,5 см, диаметр дна — 5 см (рис. 15, 2).

4. Бусы и пронизка.

А. Две сердоликовые бусины кольцевидной формы. Размеры: 0,8x0,4 и 0,9x0,5 см (рис. 14, 6,7);

Б. Восемь гагатовых бусин округлой формы. Размеры: 0,6x0,3–0,4 см (рис. 14, 8–15).

В. Бронзовая пронизка-трубочка, ромбическая в сечении. Размеры: 1,0x0,3 см (рис. 14, 5).

5. Бронзовый нож со слабоизогнутой спинкой и относительно прямым лезвием.

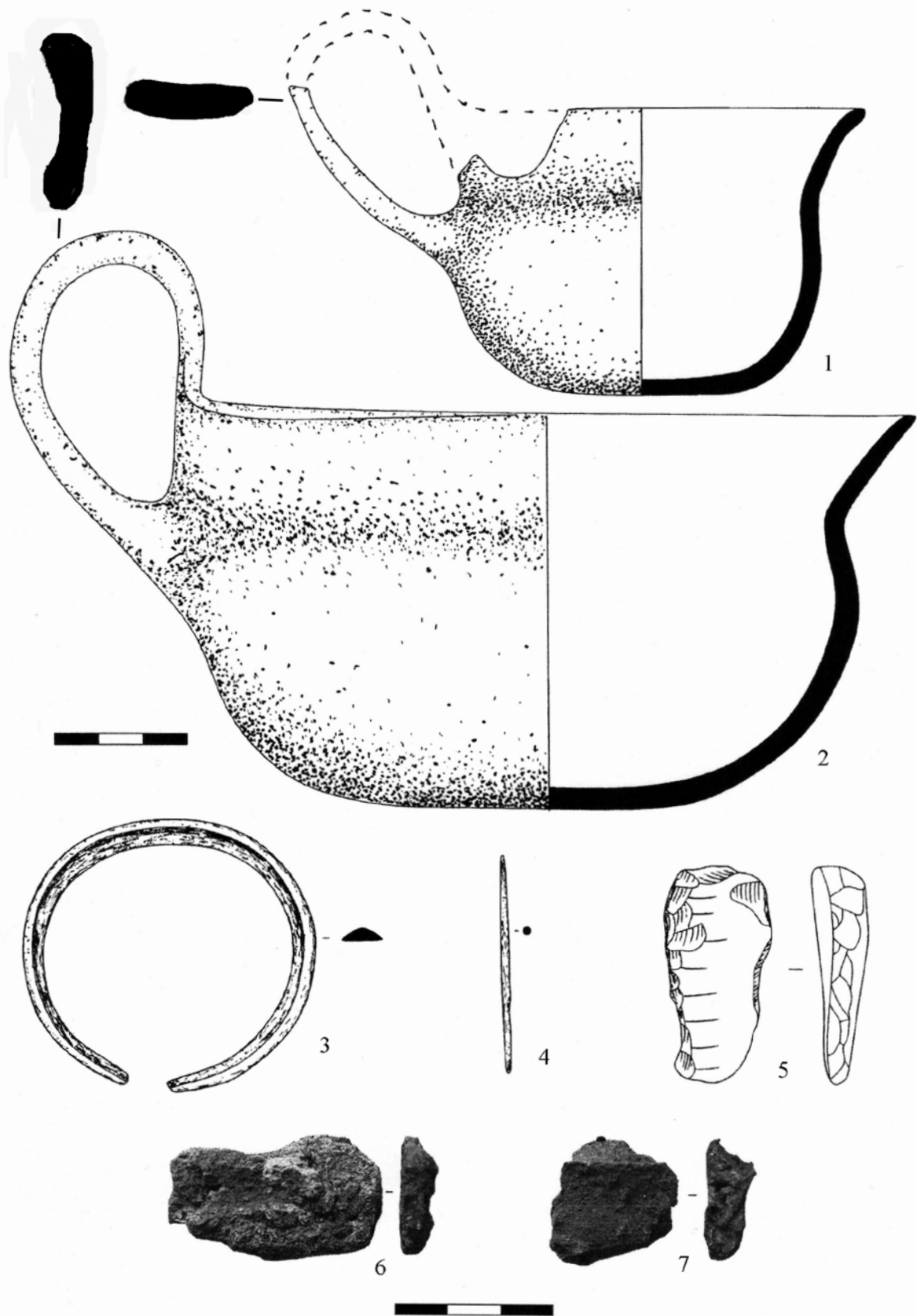

Рис. 4. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 1:
1, 2 — черпаки, 3 — браслет, 4 — игла, 5 — кремь, 6 — пластинка, 7 — предмет железный.
1, 2 — керамика, 3, 4 — бронза, 5 — кремь, 6 — сплав?, 7 — железо

Кончик ножа утрачен. Размеры: 5,0x1,0 см (рис. 14, 4).

6. Бронзовый браслет из пластины, треугольной в сечении, с сомкнутыми концами. Один из концов браслета приплюснут. Диаметр браслета — 6,0 см. Ширина пластины — 0,8 см (рис. 14, 3).

Погребальный обряд. В целом погребальный обряд обычен для протомеотской группы памятников. Обнаруженная в трех погребениях каменная вымостка в верхней части погребения в большей степени характерна для протомеотских погребений предгорного варианта (Фарс и Кочипэ). В двух погребениях найдены остатки конских черепов (шкура). Эта черта обряда в большей степени характерна для центрального варианта. В предгорном могильнике Фарс остатки шкур (чучел коня) встречены лишь дважды (Эрлих В.Р., 2007, с. 62, 65). Большая часть погребений ориентирована в южный сектор, лишь погребение 2 раскопа 3 — в северный. Меридиональная ориентировка характерна в целом для протомеотских погребений центрального и предгорного вариантов, с преобладанием в южный сектор.

На определенную близость погребального обряда к центральному варианту указывает также то, что в погребальном обряде отсутствуют корчаги, характерные для предгорных протомеотских памятников, а встречены исключительно черпаки. Пара черпаков, стоящая за головой погребенного (лишь в одном случае это один черпак — п.2), является характерной чертой этого могильника.

Обратимся к инвентарю данного могильника.

Керамика представлена исключительно черпаками. Встреченные здесь черпаки имеют кубковидную форму, округлое тулово, низкую шейку, отогнутый венчик, что позволяет отнести их к группе I протомеотских черпаков. Все они имеют высокую петельчатую ручку, лишенную выступов, что свидетельствует об относительно ранней стадии развития

этой категории керамики (Эрлих В.Р., 2007, с. 75). Четыре черпака из п. 1 раскопа 3 и п. 1 раскопа 4 лишены орнаментации, тогда как одиночный черпак из п. 2 весьма интересен. Он имеет кубковидную форму и высокое горло с «воротничком» и двумя валиками (рис. 7). В верхней части его тулова имеются четыре симметричных сосцевидных выступа. По форме оформления шейки он близок нескольким черпакам первой группы из могильника Фарс, с той лишь разницей, что имитация валиков на горле у них выполнена с помощью глубокой гравировки (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.109, рис.17,16; с.110, рис.18,4; с.111, рис.19,5; с.113, рис.21, 10,13; Эрлих В.Р., 2007, с.326, рис.134, 12–15). Сочетание имитации валиков, выполненной гравировкой, и парных сосцевидных налепов имеется у черпака из п.64 могильника Пшиш (Сазонов А.А., 2005, с.247; табл.2; Эрлих В.Р., 2007, с.329, рис. 137, 12). Нужно отметить, что формовка горла в виде валиков из жгутов глины характерна для постдольменного горизонта, где она широко представлена в материалах поселения археологического комплекса Шушук (Эрлих В.Р., 2018, с.179–281, рис.1,1,2; 2018а, с.16, рис.4,17,18). Подобная весьма редкая техника прослежена для формовки горла у двух сосудов из разрушенного поселения у хутора Грозного близ Майкопа, которое исследователи отнесли к протомеотскому времени (Черных Е.Н., Сазонов А.А., 2013, с.62, рис.13, 3,4). Авторы публикации приводят в качестве аналогий сосуды с рельефной орнаментацией венчика в виде трех уплощенных валиков из верхнего (протомеотского) слоя поселения Красногвардейское II (третий тип кухонной керамики, по Э.С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова Э.С., 1989, с. 52,53, 68; рис. 7, 3,5). Однако при описании подобной керамики нигде не упомянута особая техника формовки этой рельефной поверхности из жгутов.

Орнаментация в виде сосцевидных налепов достаточно редко встречается на

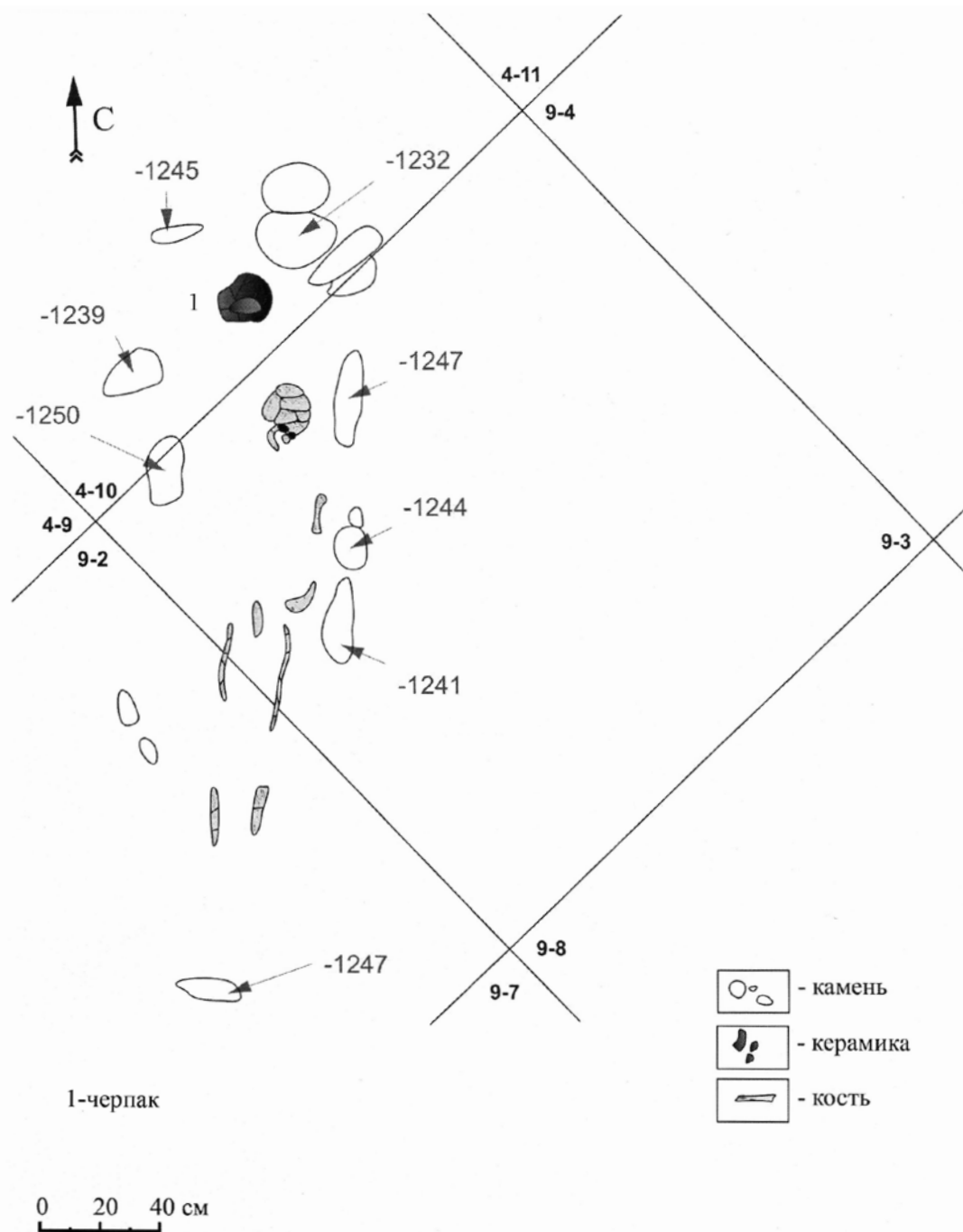

Рис. 5. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 2. Верхний уровень расчистки

черпаках. Кроме вышеупомянутого черпака из п.64 могильника Пшиш нам известен черпак из п. 106 этого же могильника (Сазонов А.А., 2005, с.247, табл.2). Гораздо чаще этот налестной орнамент представлен на других категориях керамики предгорного варианта протомеотских памятников — корчагах, горшкообразных сосудах и высоких мисках (Эрлих В.Р., 2007, с.324, рис. 132, 4; с.325, рис. 133, 5; с.334, рис.141, 4,5,9; с.337, рис.144, 11).

Вооружение

Биметаллический меч. Уникальной для протомеотской группы памятников является находка биметаллического меча из п. 3 раскопа 3 длиной около 108 см² (рис.11, 1). Он имеет грибовидное навершие, рукоять с круглым сечением и крестовидное перекрестие и по форме рукояти может быть отнесен к типу 1 первого отдела протомеотских мечей и кинжалов (Эрлих В.Р., 2007, с.85–87).

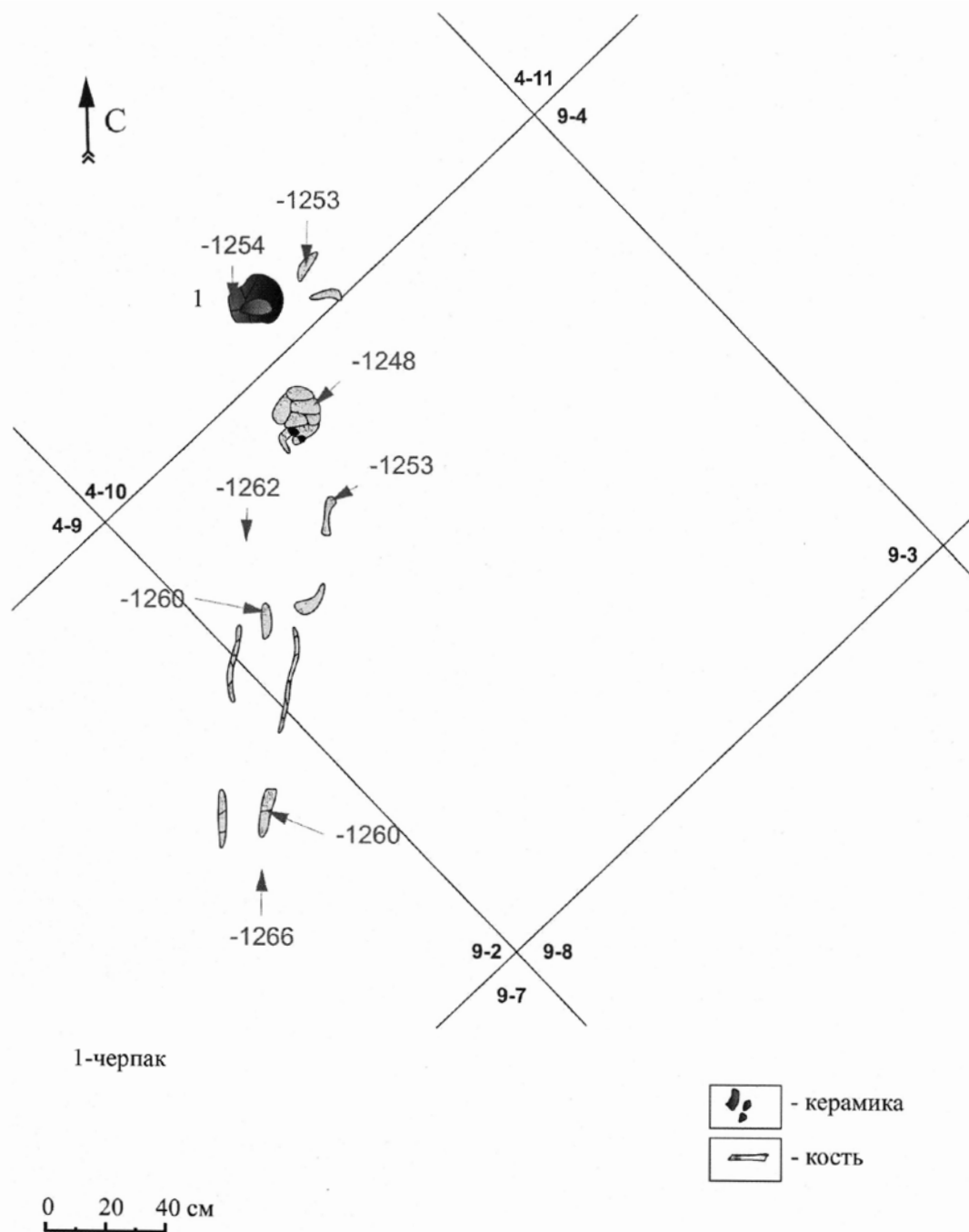

Рис. 6. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 2.
Нижний уровень расчистки

Отметим, что по своим пропорциям и размерам этот меч полностью совпадает с мечом из клада, обнаруженного в 1971 г. на Субботовском городище в Лесостепной Украине (Чигиринский р-н Черкасской обл.). Последний также имел общую длину 108 см, из них длина клинка составляла 94,8 см (Тереножкин А.И., 1976, с. 82, 83; рис. 49, 1; 50). Разница состояла лишь в характере рукояти, которая у субботовского меча имела ложновитую обмотку, ана-

логичную рукояти кинжала с хутора Чернышова в ареале протомеотской группы памятников (Эрлих В.Р., 2007, с. 86; Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002, с.139, рис. 6). Еще один меч, имеющий близкое сходство с мечом из погребения 3 поселения Улька-1, хранится в Киевском историческом музее (инв. № 3647) и предположительно происходит из Среднего Поднепровья. Он имеет несколько меньшие размеры: общая длина — 58,0 см, длина клинка — 45,4 см³.

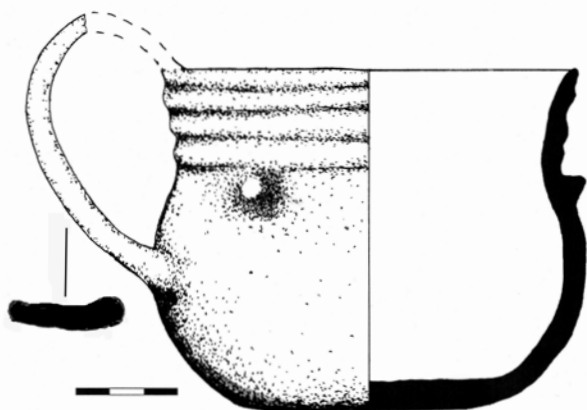

Рис. 7. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 2. Черпак

У него гладкая рукоять и чуть меньшие размеры перекрестия (Тереножкин А.И., 1976, с. 81, рис. 47, 3; 48, 1). Известны мечи с рукоятями этого типа с других территорий, однако они более короткие, не превышающие 50 см в длину. Это меч около Билярска (Халиков А.Х., 1969, рис. 1, 1) и меч из Лейбница в Австрии (Podborsky W., 1970, p. 156, abb. 26. 1).

Железный наконечник копья из погребения 3 (рис. 11, 14) предположительно имел остролистую форму пера с ромбическим сечением и может быть отнесен к типу 2 железных протомеотских наконечников. Подобные наконечники копий происходят из могильников Фарс, Кубанский и Пшиш. Отметим, что все эти наконечники имеют сравнительно небольшую длину, и наконечник копья из могильника Улька-1, имеющий длину 25 см, пока является самым длинным наконечником этого типа (Эрлих В.Р., 2007, с.98, 99; рис.160, 1–10).

Наконечники стрел. Девять бронзовых двухлопастных наконечников стрел найдено в погребении 3 раскопа 3 (рис.11, 5–13). Большинство из них плохой сохранности, у них утрачены лопасти и части втулки. Однако два наконечника стрел можно отнести к новочеркасскому типу. Один экземпляр имеет обломанную втулку и крупную овально-ромбическую головку с прокованными лопастями (рис.11, 12). Второй самый маленький наконечник (рис.11,13) имеет длинную втулку и небольшую овально-ромбическую головку.

Первый наконечник по форме головки близок наконечникам стрел, обнаруженных в кургане у ст. Некрасовской и в насыпи кургана 1 Уашхиту-I (Эрлих В.Р., 2007, с.351, рис.161, 4,5,8,9), а второй, с маленькой головкой — некоторым наконечникам из кургана у хутора Обрывского (Тереножкин А.А., 1976, с. 137, рис. 12–14).

Уздечные принадлежности

Удила. Пара однотипных бронзовых однокольчатых удил (рис. 9, 1,2) с гладкими стержнями встречена в погребении 3 раскопа 3. Эти удила относятся к типу 2 классификации бронзовых удил А.А. Иессена и В.Р. Эрлиха (Иессен А.А., 1953, с.52; Эрлих В.Р., 1991, с.34) или к типу I подотдела 2 группы I классификации С.Б. Вальчака (Вальчак С.Б., 2009, с. 26, 27). Удила имеют гладкие стержни, что более характерно для протомеотских памятников центрального варианта (Эрлих В.Р., 2007, с. 117). Наиболее близкой аналогией нашим удилам являются удила из п.31 (1959 г.) Николаевского могильника, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Адыгея (Эрлих В.Р., 2007, с. 358, рис. 171, 6).

Псалии. Обнаруженные в погребении 4 псалии (рис. 14, 1,2) относятся к типу IIIA отдела II (трехдырчатая схема) протомеотских псалиев (Эрлих В.Р., 2007, с. 127). Псалии этого типа впервые были выделены А.И.Тереножкиным и названы черноговоровскими по эпонимному комплексу из Черноговоровского кургана (Тереножкин А.И., 1976, с. 150, 151, рис. 36). По типологической схеме С.Б. Вальчака они также относятся к типу 1 «Черноговорка» (отдел 1, группа 2, подгруппа 1 симметричных стержневидных псалиев) (Вальчак С.Б., 2009, с. 58). Среди протомеотских псалиев подавляющее большинство этого типа происходит из протомеотских могильников центрального варианта, где сконцентрировано не менее 50% всех находок псалиев этого типа, обнаруженных в Восточной и Центральной Европе (Эрлих В.Р., 2007, с. 127).

Пропеллеровидная застежка (рис. 9, 3). Обнаружена с одной парой удил в погребении 3. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Это достаточно редкий тип застежки, который впервые встречается в

ареале протомеотских памятников. Наиболее близкими аналогиями им являются две пропеллеровидные застежки из кургана у пгт Слободзеи в Приднестровье. Основным отличием является то, что лопасти застежек из Слободзеи несколько длиннее и имеют рельефное утолщение по краям. Необходимо отметить, что при пу-

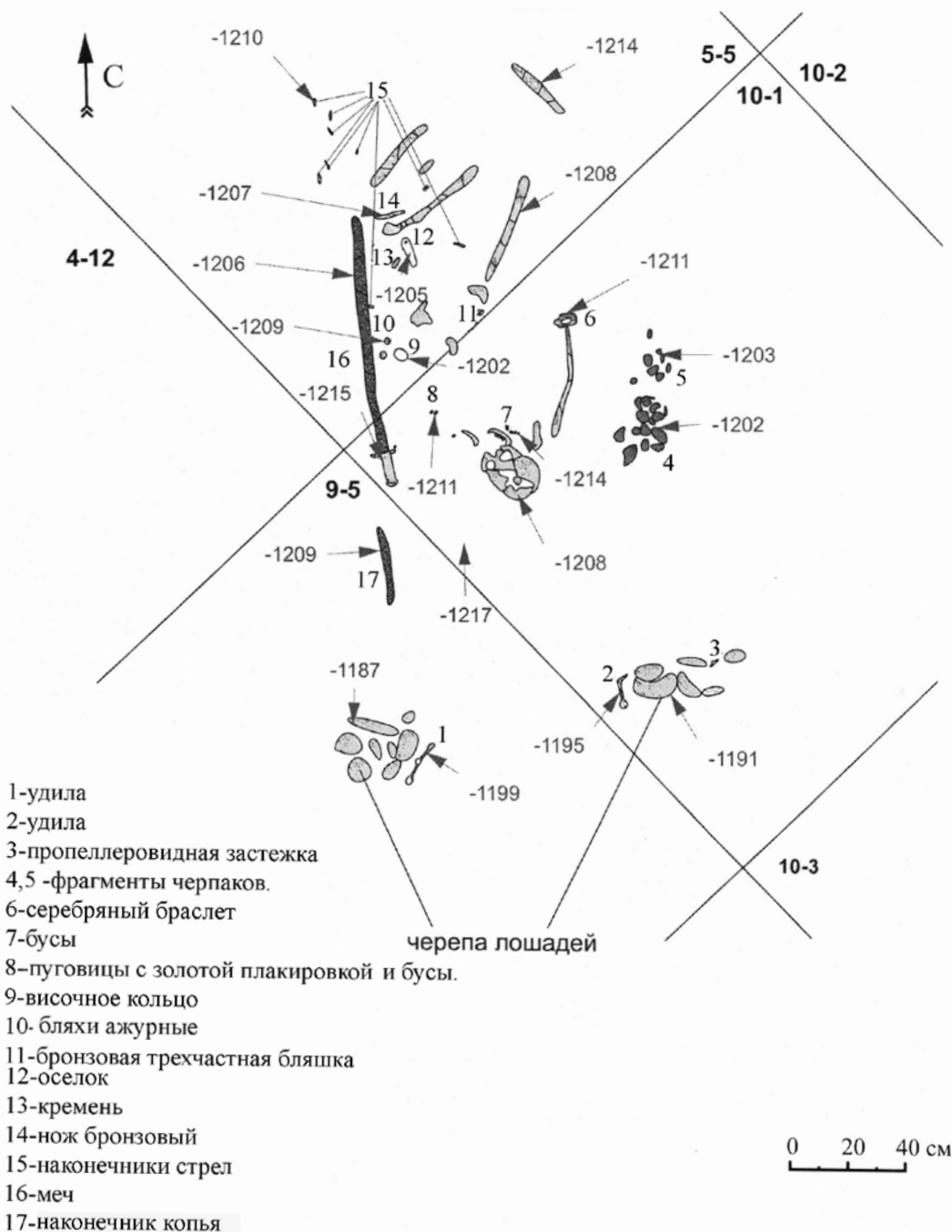

Рис. 8.

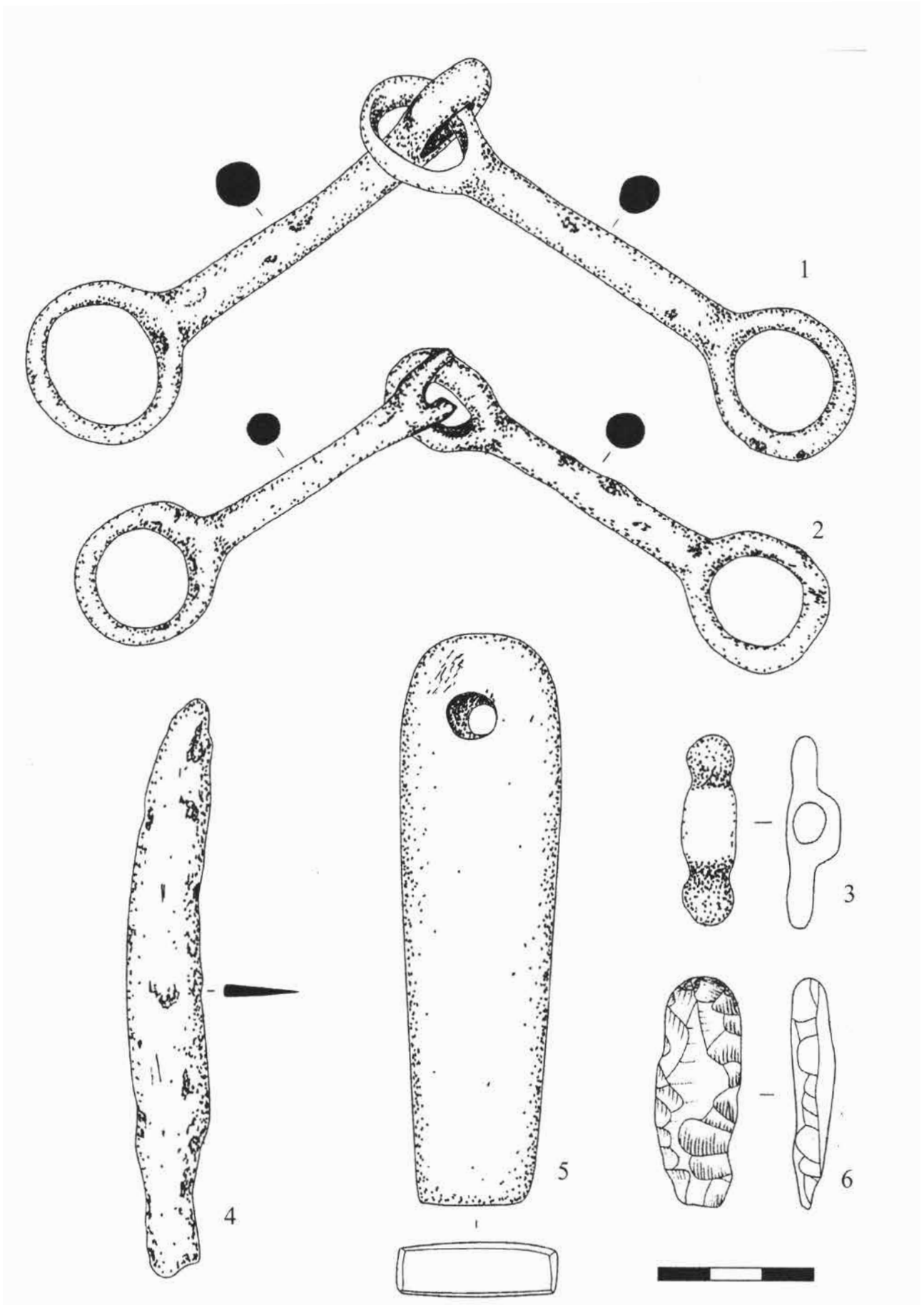

Рис. 9. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 3:
1-4 – бронза, 5 – песчаник, 6 – кремнь

бликации комплекса из Слободзеи авторы затруднились привести аналогии этим застежкам (Яровой Е.В. и др. 2002, с.301, рис. 9, 13,14; с. 318).

Уздечные бляхи. К деталям узды или предметам многофункционального назначения можно отнести две ажурные бляхи с тремя прорезями (рис. 11, 2,3). Полных аналогий они не имеют. Как правило, ажурные бляхи, встреченные в ареале протомеотских памятников, имеют четыре прорези и форму мальтийского креста, вписанного в круг (тип 13 схемы В.Р. Эрлиха) (Эрлих В.Р., 2007, с. 380, рис. 201). В то же время в ранней группе могильника Фарс встречены ажурные бляшки-пуговицы диаметром 2,4 см с тремя трапециевидными и одним центральным отверстием, которые могут считаться одним из прототипов блях с солярной розеткой и «мальтийским крестом» (тип 5) (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, рис.12, 5; Эрлих В.Р., 2007, рис. 196, 6; цв. вклейка, рис. 28, 1–4). В отличие от фарсовских встреченные в могильнике Улька-1 трехпрорезные бляхи имеют в центре не отверстие, а выпуклый трилистник и также могут считаться прототипом классических блях с «мальтийским крестом» новочеркасского периода.

Орудия труда

Бронзовые ножи были найдены в погребении 3 и в погребении 4 (рис. 9, 4; 14, 4). Все они однотипны, имеют слабо-изогнутую спинку и относительно прямое лезвие. Переход от лезвия к черенку оформлен уступом, а сам черенок имеет подпрямоугольную форму. Эти ножи могут быть отнесены к варианту 2 протомеотских бронзовых ножей. Наибольшую близость ножи из могильника Улька-1 находят с ножами из Николаевского могильника (Эрлих В.Р., 2007, с.152; 389, рис. 213, 1–5).

Оселок с подпрямоугольным контуром и прямоугольным сечением (рис. 9,5) может быть отнесен к наиболее распространенным протомеотским оселкам первого типа (Эрлих В.Р., 2007, с.154).

Однако необходимо указать на некоторую особенность его формы: в верхней части, где отверстие, он несколько шире, чем в нижней, что, возможно, объясняется его сработанностью.

Украшения и детали костюма

Пластинчатые браслеты. В погребениях 1 и 4 встречены пластинчатые браслеты с треугольным сечением и заостренными концами. Они достаточно типичны для протомеотской группы памятников и могут быть отнесены к варианту 2 типа I протомеотских браслетов. Наиболее близки им по своей форме браслеты из Николаевского могильника (Эрлих В.Р., 2007, с.157, 393, рис.218, 1,2).

Височные подвески. В погребении 3 были обнаружены однотипные височные подвески типа «Шаренград» в виде раздвоенных ребристых трубочек с загнутыми краями и дужкой для подвешивания. Одна из них, серебряная, диаметром 7 см (рис. 10, 23), обнаружена в районе руки погребенного и использовалась в качестве браслета. Другая — золотая, диаметром 3,5 см (рис. 10, 22) — была обнаружена в районе пояса. Отметим, что обе подвески отличаются крупными размерами и могут относиться к варианту больших подвесок этого типа. Этот вариант впервые встречается на юге Восточной Европы. Находки маленьких подвесок шаренградского типа концентрируются в пределах центрального варианта протомеотских памятников (10 случаев находок, по данным А.А. Сазонова) (Сазонов А.А., 1995, с. 90) и происходят из могильника Пшиш I: погребение № 3 (золото), погребение 124 — 2 экз. (золото); подъемный материал — 2 экз. (золото), из погребения 5 Николаевского могильника (серебро) — 2 экз. (Анфимов Н.В., 1961, табл.IV, 6). Пять экземпляров, по данным А.А.Сазонова, обнаружены на территории Псекупского могильника. На остальном Северном Кавказе они встречены лишь один раз: в с. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии (Козенкова В.И., 1990, с.79, рис. 8, 30; 2004, рис. 7,1). Триж-

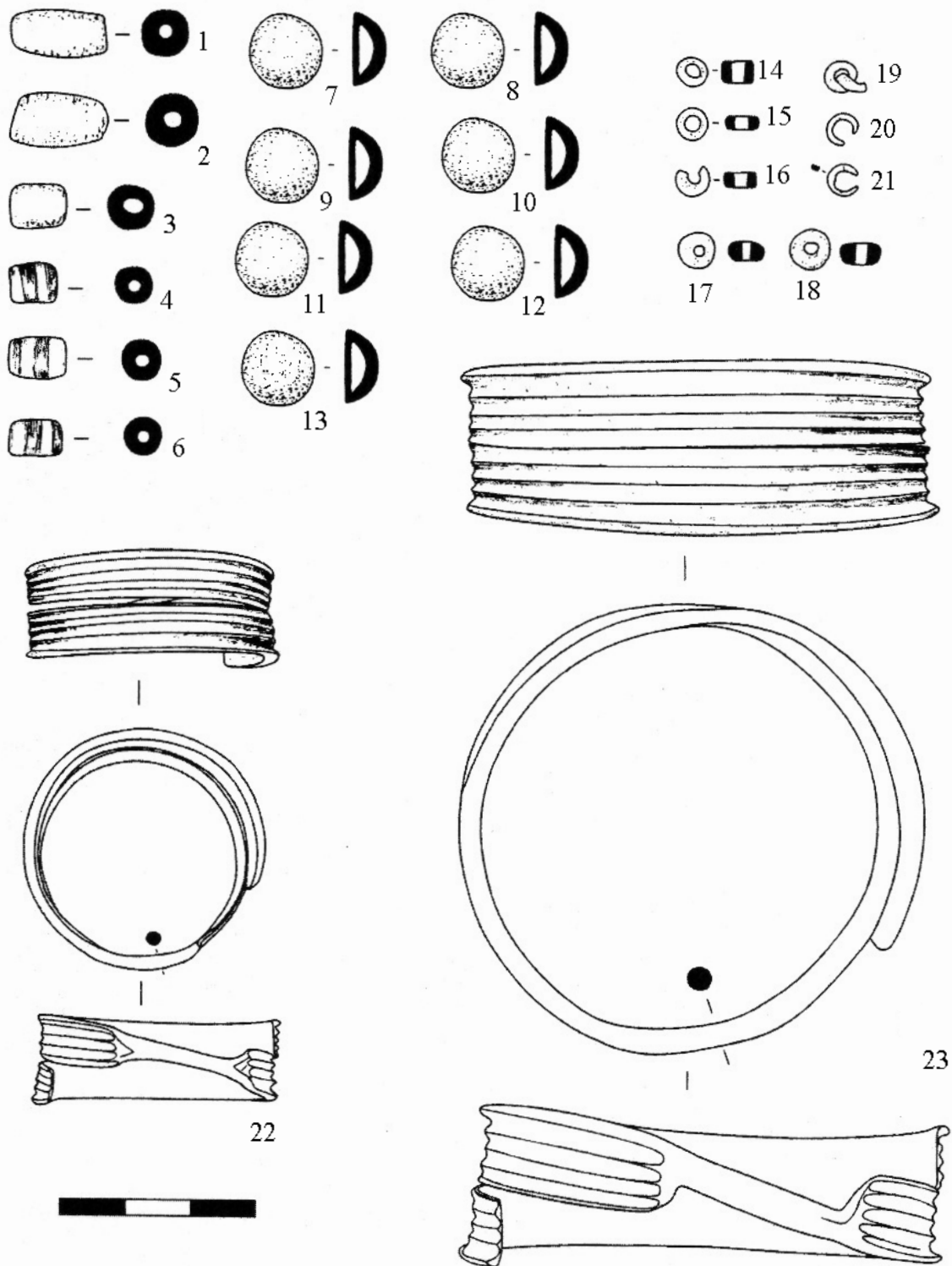

Рис. 10. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 3:
 1-3 — фаянс, 4-6 — стекло, 7-12 — бронза с золотой фольгой, 13, 20, 21 — бронза,
 14-18 — стекло, 19 — стекло с бронзой, 22 — золото, 23 — серебро

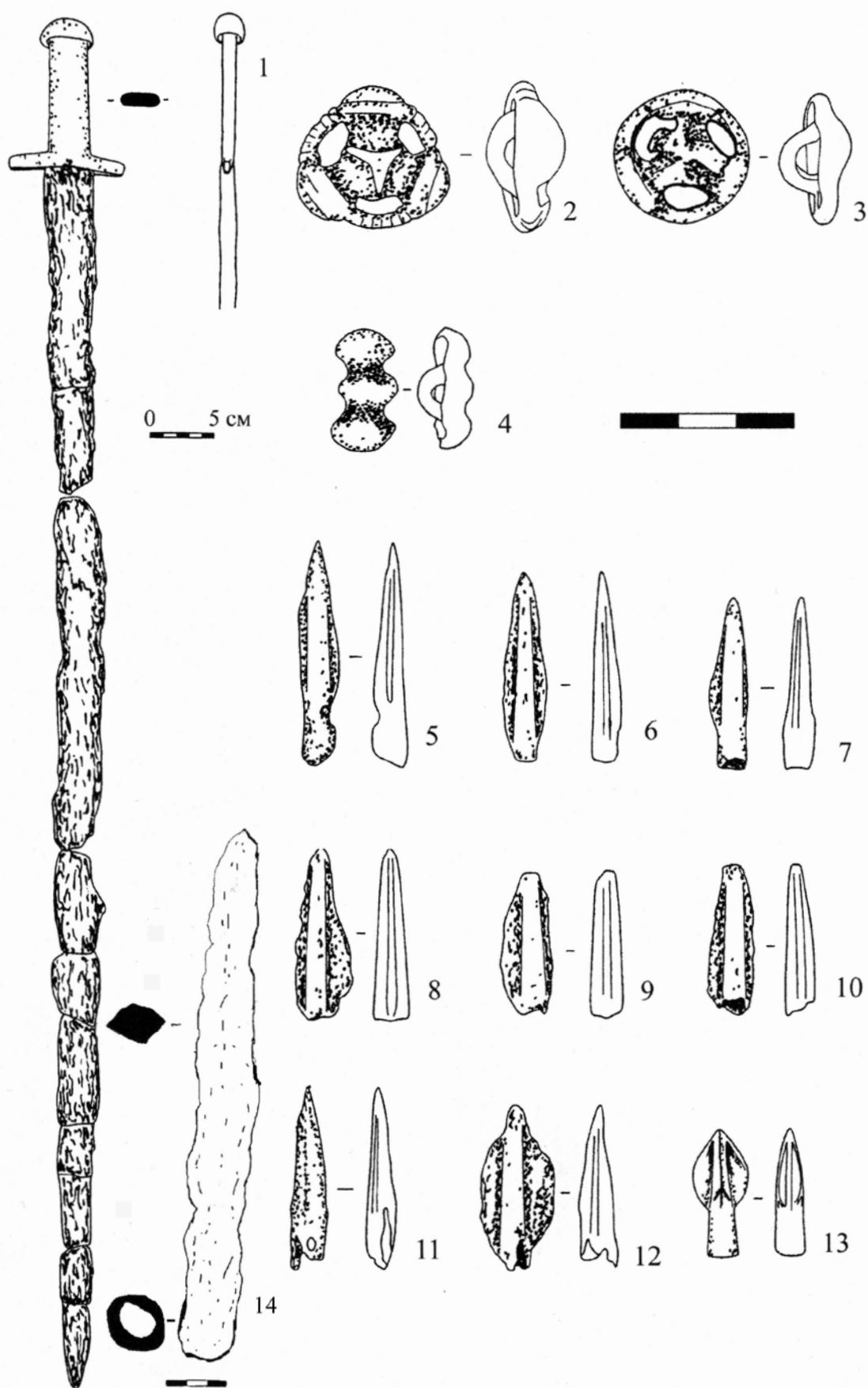

Рис. 11. Поселение Улька-1. Раскоп 3. Погребение № 3:
1 — бронза с железом, 2-13 — бронза, 14 — железо

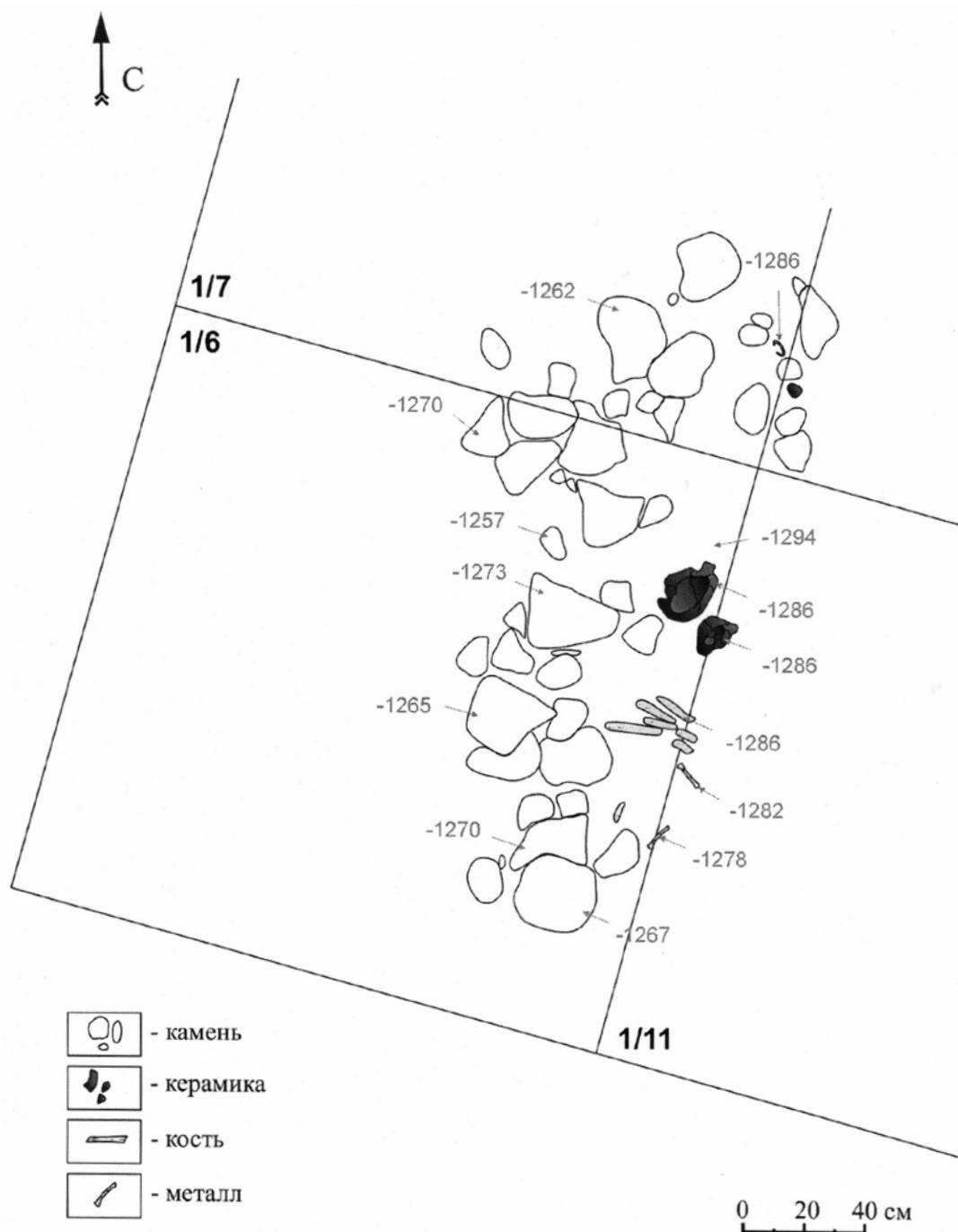

Рис. 12. Поселение Улька-1. Погребение № 4 (раскоп 4, погребение № 1).
Верхний уровень расчистки

ды они обнаружены в степи, на Нижнем Дону и в Саратовской области: Балабинка, к. 10, п.13; Новониколаевка II, к.2, п.7, Фриденберг, курган 1А (Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996, с.104, рис. 1, 1,2; Потапов В.В., 1999, с.65, рис. 3,4).

Пять пунктов находок этих подвесок двух вариантов (больших и маленьких) приходится на Среднюю Европу (Šarengrad 6 сл., Dalj Busija — 2 находки; Szeged-Othalom; Sirok-Akasztymány, Hrtkovci-

Gomolava) (Chochorowski J., 1993, S. 71–72; Abb. 31B; S.28, Abb. 48, 15, 17; S. 233, Abb. 49, 46,47; Metczner-Nebelsick S., 1996, S. 300, Abb.10). Поскольку на юге Восточной Европы до находок в могильнике Улька-1 встречался только один вариант этих подвесок (маленький), а в Средней Европе они имеются в двух вариантах — большие и маленькие, один из авторов этой статьи предположил, что форма подобных подвесок попала в равнинное Закубанье

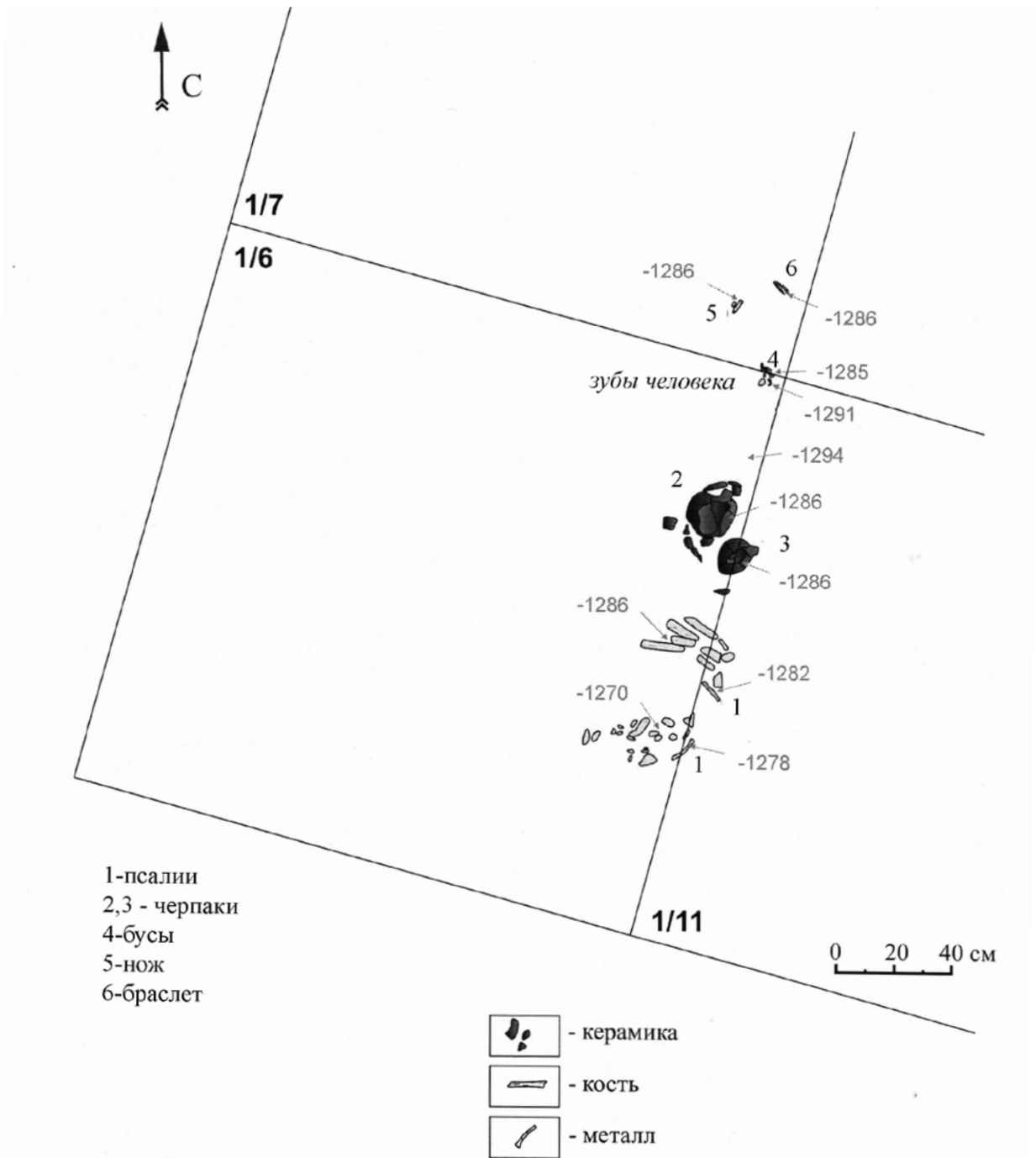

Рис. 13. Поселение Улька-1. Погребение № 4 (раскоп 4, погребение № 1).
Нижний уровень расчистки

из Средней Европы (Эрлих В.Р., 2007. с. 162,163, рис. 222). Однако необходимо отметить, что находок этих подвесок из драгоценных металлов на Востоке намного больше, чем на Западе, и публикуемые нами находки лишь увеличивают эту диспропорцию. Тем не менее оснований для пересмотра концепции, что подобные подвески являлись импортом из Средней Европы, на наш взгляд, пока нет. Косвенным свидетельством этому является использо-

вание височных подвесок не по назначению в богатых мужских погребениях, что наглядно демонстрирует погребение № 3.

К близкому мнению пришла и Карола Метцнер-Небельсик, которая полагала, что ситуация с этими подвесками иллюстрирует тесные связи района устья р. Дравы (притока Дуная) и Северного Кавказа (Metczner-Nebelsick С., 2002, S. 439). Она также обратила внимание и на то обстоятельство, что если в Средней

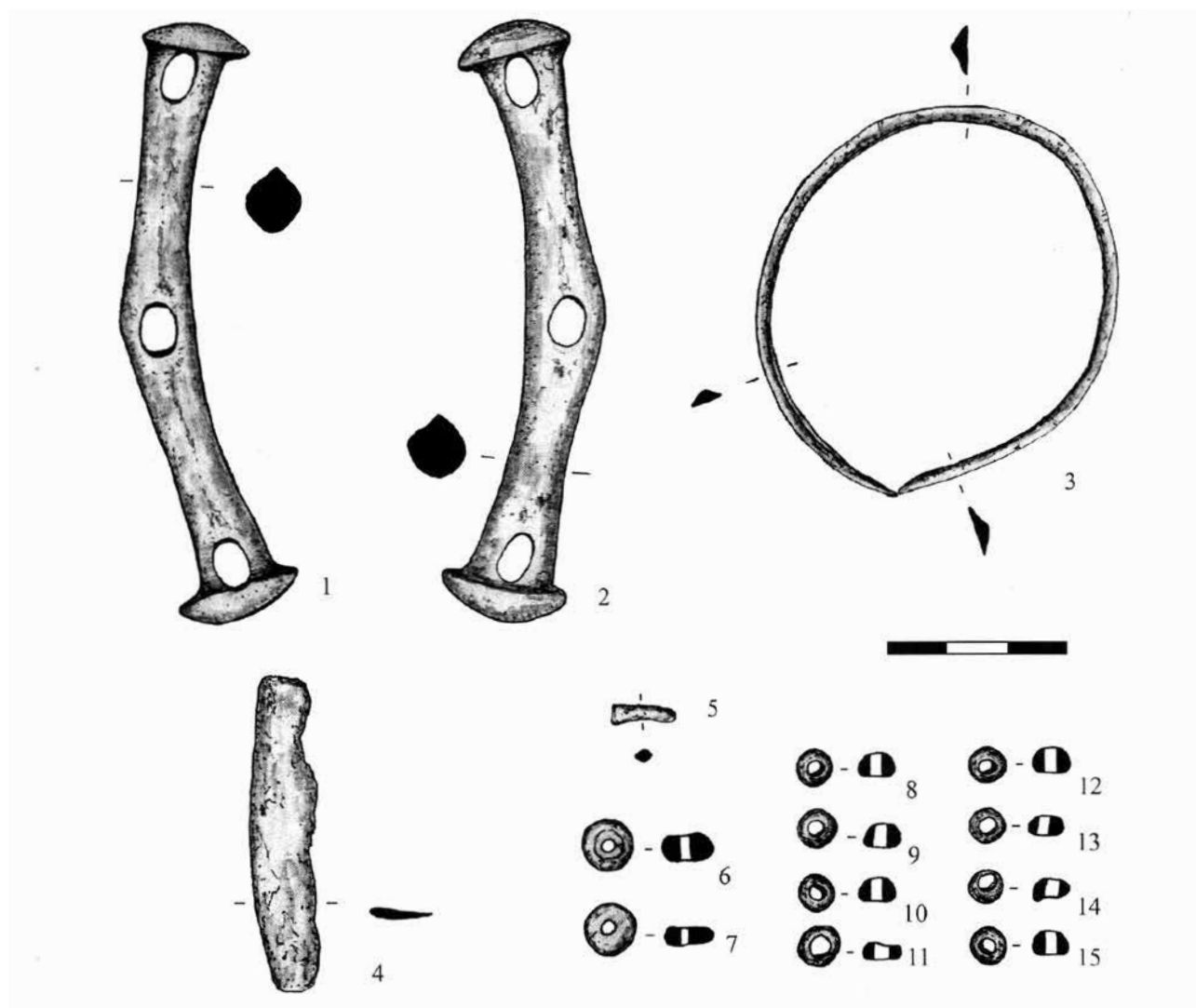

Рис. 14. Поселение Улька-1. Погребение № 4 (раскоп 4, погребение № 1):
1–5 — бронза, 6, 7 — сердолик, 8–15 — гагат

Европе эти подвески в комплексных находках встречаются исключительно в женских погребениях, то в погребениях Северного Причерноморья они встречаются и в комплексах, однозначно связанных с мужским инвентарем (например, Балабинка на Нижнем Дону) (Metczner-Nebelsick С., 2002, S. 441,442). Следует согласиться также с мнением О.Р. Дубовской и В.А. Подобеда, что в черногоровскую среду эти подвески попадают уже из Закубанья (Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996, с.105). Очевидно, что эти вещи доставлялись в Степь наряду с металлической уздой.

Бусы. Бусы встречены в двух погребениях могильника: погребениях № 3 и 4. Они выполнены из камня, стекла и египетского фаянса.

Каменные бусины выполнены из сердолика и гагата. Сердоликовые бусы найдены в погребении № 4. Они имеют неправильную кольцевидную форму (рис. 14, 6,7). Сердоликовые бусы уже встречались в протомеотских памятниках. Они найдены в погребениях 3 и 23 могильника Фарс, в погребении № 13 Николаевского могильника и погребении № 5 могильника Пшиш (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.61,9,16; Анфимов Н.В., 1961, табл. IV, 1; Сазонов А.А., 1990). Они имели неправильную шаровидную форму и диаметр от 0,5 до 1,7 см. Встречаются сердоликовые бусы и в синхронных могильниках кобанской культуры (Флеров В.С., Дубовская О.Р., с.294, рис.2, 19; Козенкова В.И., 1982, с.60; Техов Б.В., 1977, с.178–181, рис.117, 1–21).

Гагатовые бусы. Найдены в погребении 4 (рис. 14, 8–15). Это первая находка гагатовых бус в протомеотских памятниках. Единичные находки бусин из гагата известны на соседних территориях: могильник Терезе, гробница 1, в Центральном Предкавказье (Козенкова В.И., 2004, с. 129; табл. 45, 24–27), а также в предгорьях Закубанья в могильнике финала эпохи бронзы⁴.

Стеклянные бусины цилиндрической формы, выполненные из двуцветного стекла — белого и коричневого, обнаружены в погребении 3 (рис. 10, 4–6). Они также пока уникальны для протомеотских памятников, где пока зафиксированы только монохромные стеклянные бусы и стеклянный бисер (Эрлих В.Р., 2007, с.165). В то же время полихромные бусы, очевидно закавказского происхождения, встречаются в памятниках кобанской культуры (Козенкова В.И., 2004, с.130).

Бусы из фаянса либо глухого стекла бирюзового цвета бочонковидной формы обнаружены в погребении 3 раскопа 3 (рис.10, 1–3). Бусы из фаянса также до сих пор не встречались в протомеотских памятниках. В то же время отдельные украшения — бусы и пронизи из фаянса — на территории Северного Кавказа и в Закубанье, в частности, известны в эпоху средней и финальной бронзы (Марковин В.И., 1978, с.272, рис.11–23; Shortland A. et al., 2007, р.269–273; Эрлих В.Р. и др., 2010, с.182, 183, рис.7, 2; 8; Эрлих В.Р., 2018, с.14, 18, рис.3, 3,6–9). Бисер и бусы различной формы из фаянса встречены в кобанских могильниках (Козенкова В.И., 2004, с.129, 130; Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2015, с.272).

Детали костюма

Круглые бляхи-пуговицы. Очевидно, с костюмом связаны обнаруженные в погребении 3 семь блях-пуговиц полушарной формы с петлей-перекладиной (рис. 10, 7–12). Шесть из них были плакированы золотой фольгой. В ареале протомеотских памятников эти пуговицы встреча-

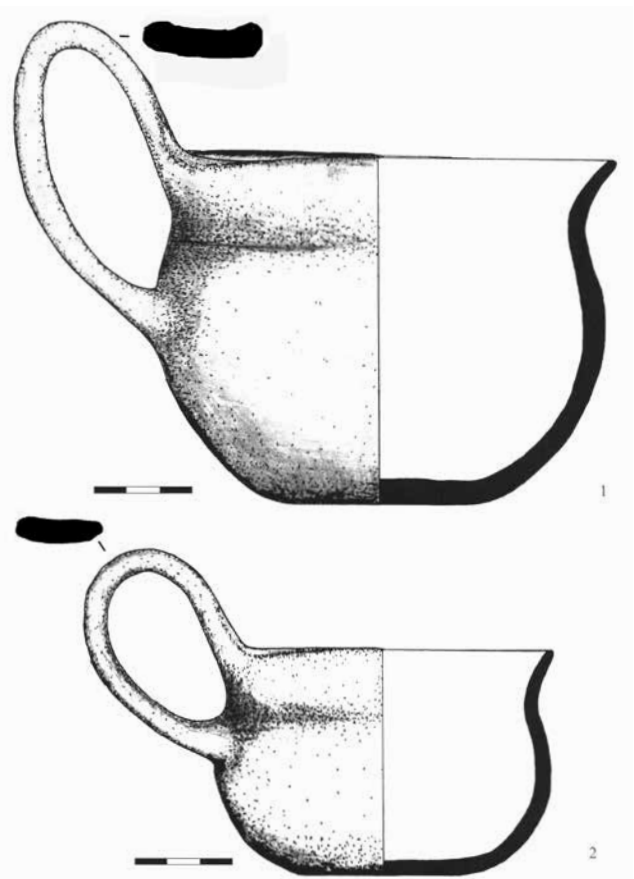

Рис. 15. Поселение Улька-1. Погребение № 4 (раскоп 4, погребение № 1).
1, 2 — черпаки, глина

ются не часто. Они были обнаружены в погребении 16 могильника Фарс и в Геленджикских дольменах (4 экз.) (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, рис. 17, 7; Аханов А.А., 1961, с. 145–146, рис.6,6; Эрлих В.Р., 2007, рис. 196, 1,5).

Подобный тип пуговиц гораздо в большей степени характерен для кобанской культуры (тип II, вариант 1), подавляющее их большинство происходит из могильников VIII–VII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1998, с. 36, 37). В Степи пуговицы этого типа встречены в погребении 3 (черногородского времени) кургана 1 Ильевского могильника (Мамонтов В.И., 1986, с. 62, рис. 2). В Лесостепи подобная пуговица происходит из клада, открытого в 1971 году на Субботовском городище (Тереножкин А.И., 1976, с. 85, 87, рис. 52). Известны подобные пуговицы и в Средней Европе, например, в погребении № 78 могильника Клентнице (Stegmann-

Rajtar S., 1992, Taf.18,2). Скорее всего, появление этих пуговиц в Закубанье следует связывать с соседней кобанской культурой. Отметим, что традиция плакировки бронзовых изделий не уникальна в ареале протомеотских памятников. В фондах Краснодарского музея хранится комплекс уздечных блях различных типов, плакированных золотом, а в одном случае — серебряной фольгой (Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1998, с. 4–11, рис.1, 1–6; 2, 1–5; 3, 1–3).

Трехчастная бляха-пуговица. Полные аналогии бляшке со щитком из трех овалов и петель на обороте (рис. 11, 4) в ареале протомеотских памятников и за его пределами нам не известны. Несколько близка бляшка-пуговица из Абинского могильника, состоящая из пяти частей (Эрлих В.Р., 2007, с.398, рис. 223, 19). В погребении № 15 могильника Сиалк В имела бляшка с трёхчастным щитком, состоящим из двух овалов, разделенных планкой (Ghirshman R., 1939, Pl. LVI; Иванчик А.И., 2001, с.169, рис.89, 9). В Средней Европе известна большая серия бляшек со щитками из двух овалов, входивших в комплекс из села Голиграды на Западной Украине (Chochorowski J., 1993, S.198, Abb.42, 4–50).

Хронология и место могильника Улька-1. Судя по общему плану (рис.1), раскопы 3 и 4 поселения Улька-1 затронули очень небольшую и компактно расположенную группу погребений протомеотского могильника, который, скорее всего, развивался к востоку. В целом эта группа из четырех погребений выглядит достаточно гомогенной по обряду и обладает признаками предновочеркасского/черногоровского горизонта протомеотских древностей. К этим признакам мы отнесем следующие:

1) ранняя кубковидная форма черпаков и отсутствие у них «рогатых» выступов на ручках;

2) относительно ранние встреченные здесь уздечные наборы, которые представ-

лены однокольчатыми удилами с гладкими грызлами и черногоровскими псалиями;

3) в погребениях встречены исключительно бронзовые ножи, что также является ранним признаком в протомеотской группе;

4) височные подвески типа «Шаренград» также пока зафиксированы исключительно в комплексах черногоровского этапа.

Более сложное по своему составу элитное воинское погребение № 3 в то же время содержит некоторые более поздние признаки при преобладании ранних. В нем присутствуют наконечники стрел, которые мы можем отнести только к новочеркасскому типу (рис. 11, 12, 13). До сих пор все известные параллели этим наконечникам стрел встречены в комплексах времени Новочеркасского клада. Кроме того, на дату этого комплекса может указать и время погребения № 3, кургана III у пгт Слободзея, в котором имеются единственные параллели пропеллеровидной застежке из п.3 и однотипные удила. Эти застежки встречены вместе с застежкой-обоймой, которые получают широкое распространение среди принадлежностей гальштатских повозок времени НаС (Яровой Е.В. и др., 2002, с. 301, рис. 9, 15). В комплексе Слободзеи встречена и пара трехпрорезных цилиндрических колесничных пронизей, аналогии которым имеются исключительно в комплексах классического «новочеркасского» периода (Яровой Е.В. и др., 2002, с.301, рис.9, 2,3), что позволило нам датировать этот комплекс временем, близким в рубежу VIII–VII вв. до н.э. (Эрлих В.Р., 2005, с.175, 178; 2007 с.150). Подобные «новочеркасские» параллели некоторым предметам, обнаруженным в погребении 3 лишней раз свидетельствуют в пользу «короткой» хронологии позднейшего предскифского периода.

Таким образом, более правильно на сегодняшнем уровне исследования предложить широкую дату публикуемым комплексам — конец IX — рубеж VIII–VII вв. до н.э.

Отметим важность открытых погребений для установления границ между центральным и предгорным вариантами протомеотских памятников. В 7–9 км от могильника Улька-1 к юго-западу в пределах современного Майкопа находился могильник Кочипэ, обладающий всеми признаками памятников предгорного варианта. В то же время большинство признаков погребального обряда, а также инвентарь могильника Улька-1 находят гораздо больше параллелей с могильниками центрального варианта протомеотских памятников. В погребальном обряде с предгорным вариантом связывает толь-

ко наличие каменных закладов в заполнении могильных ям. Остальные признаки обряда: отсутствие корчаг, помещение в погребение «шкуры» лошади, а не целых костяков коней — более характерны для центрального варианта. То же можно сказать об инвентаре, прежде всего конской узде, который находит основные аналогии среди памятников центрального варианта: Николаевский, Пшиш и др. Таким образом, можно полагать, что граница между центральным и предгорным вариантами проходила в районе выхода из предгорий в равнину, т. е. к северу от современного г. Майкопа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы, полученные в ходе исследования поселения Улька-1, переданы на хранение в Национальный музей Республики Адыгея.

2. До этого нам была известна только одна находка меча длиной около 70 см из могильника Кочипэ, однако относящегося к типу 2 второго отдела (Эрлих В.Р., 2007, с.91, 342, рис.150, 9).

3. Именно эти размеры приводит в своей книге Я.П. Гершкович для меча из Субботовского клада: общая длина — 58,0 см, длина клинка — 45,4 см, очевидно, перепутав их с размерами сходного беспаспортного меча из Киевского исторического музея (Гершкович Я.П., 2016, с. 117).

4. Могильник Шушук, объект 42, раскопки В.Р.Эрлиха в 2017 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.*, 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. — Вып. II. — Майкоп.
- Аханов А.А.*, 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. — № 1. — М.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л.*, 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. — Ставрополь.
- Вальчак С.Б.*, 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. — М.
- Гершкович Я.П.*, 2016. Субботовское городище. — К., 2016. — 508 с.
- Дубовская О.Р., Подобед В.А.*, 1996. Об одном типе украшений черноголовского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы международной конференции. — Ч. II. — Донецк.
- Иванчик А.И.*, 2001. Киммерийцы и скифы. — М.
- Иессен А.А.*, 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР. — СА, XVIII. — М.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.*, 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. — М.
- Козенкова В.И.*, 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. — Вып. В2-5. — М.
- Козенкова В.И.* 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. — № 3. — М.

- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. — Вып. В2-5. — М.
- Козенкова В.И., 2004. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. — МИАР. — № 6. — М.
- Козенкова В.И., 2004а. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. — М.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. — М.: Наука. — 328 с.
- Мамонтов В.И., 1986. Погребение VIII в. до н.э. из Ильевского курганного могильника // КСИА. — Вып. 186. — М.
- Потанов В.В., 1999. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. — № 1. — Ростов-на-Дону.
- Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1998. Комплекс деталей конской узды предскифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах. — Вып. 4. — Армавир — М.
- Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. — Майкоп.
- Сазонов А.А., 2005. Керамика протомеотских могильников Пшиш-I и Фарс (к сопоставлению лепных ковшей) // IV Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. — Краснодар.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. — Киев.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2002. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. — М.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. — М.
- Флеров В.С., Дубовская О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клинь-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. — Вып. I. — М.
- Халиков А.Х., 1969. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками // Древности Восточной Европы. К семидесятилетию А. П. Смирнова // МИА. — Вып. 169. — М. — С. 276–280.
- Черных Е.Н., Сазонов А.А., 2013. Курган и поселение у хутора Грозного // Историко-археологический альманах. Вып. 12 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. — Армавир — Краснодар — М.: ИП С.А. Дедкова. — С. 47–89.
- Шарафутдинова Э.С., 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа // Меоты — предки адыгов. — Майкоп.
- Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991.
- Эрлих В.Р., 2005. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. — М.: Наука. — 430 с.
- Эрлих В.Р., 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. — Вып. 250. — М. — С. 7–24.
- Эрлих В.Р., Маслов В.Е., Вальчак С.Б., 2010. Курган 2 могильника Уашхиту-I: к проблеме стратиграфии // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. — Луганск: Глобус, 2010. — С. 172–189.
- Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.А., 2002. Киммерийский курган у пгт Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь.

- Chochorowski J.*, 1993. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Srodkowej. Krakow.
- Ghirshman R.*, 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934–1937. — Paris.
- Metzner-Nebelsick C.*, 1996. Die Urnfelder — und Hallstattzeit in Südostpannonien — eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenlandish-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposiums. — Budapesht.
- Metzner-Nebelsick C.*, 2002. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnfelder — und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf.
- Podborsky V.*, 1970. Südmähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle zur Eisenzeit. — Brno.
- Shortland A., Shishlina N., Egorcov A.*, 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relation avec le Proche-Orient / ed. B. Lyonnet. — Paris: CNRS Éditions. Paris. — P. 269–283.
- Stegmann-Rajtár S.*, 1992. Spätbronze — und früheisenzeitliche Fundgruppen des mittleren Donaugebietes // BRGK. — № 73. — Mainz am Rhein.

А.А. КАДИЕВА, С.Б. ВАЛЬЧАК, С.В. ДЕМИДЕНКО

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С КОЛЧАННЫМ НАБОРОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Могильник Заюково-3 близ села Заюково (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики) известен археологам с 1930-х гг., когда его обнаружила экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Иессена (Иессен А.А., 1941, с.14). Впоследствии памятник не подвергался археологическим раскопкам, но в начале 2000-х годов был обнаружен грабителями, уничтожившими существенную часть некрополя. В 2011 г. нальчикскому краеведу В.Н. Котлярову удалось сфотографировать у грабителей часть находок. Фотографии он передал С.Л. Дудареву, который ввел изображенные на них предметы в научный оборот (Дударев С.Л., 2012). Кроме того, В.Н. Котляров по грабительским отвалам собрал некоторые пропущенные находки и передал их в Государственный Исторический музей. Среди этих предметов выделяются фрагменты бронзовых шлемов, опубликованные одним из авторов предлагаемой вниманию читателя работы (Вальчак С.Б., 2016, с.130, рис.2, 5,6).

В 2014 г. на могильнике Заюково-3 начала планомерные работы Объединенная северокавказская археологическая экспедиция ГИМ, КБГУ и ИА РАН под руководством А.А. Кадиевой. Основное внимание исследователей было сосредоточено на неразграбленной части некрополя, где за четыре полевых сезона было исследовано 113 погребений VIII в. до н.э. — VII в. н. э. Раскопки показали, что на памятнике в предскифское время существовал отдельный воинский участок, который не только осваивался в древности более поздним населением, совершавшим здесь свои погребения, частично или полностью разрушая более ранние, но и практически полностью был уничтожен современными грабителями. На исследованном нашей экспедицией участке основная масса погребений VIII–VII вв. до н.э. принадле-

жала женщинам, детям и невооруженным мужчинам. На сегодняшний день здесь известно только одно мужское захоронение с набором бронзовых наконечников стрел. Это погребение № 60, которое в северо-западной части было частично перерезано могильной ямой погребения № 62.

Погребение № 60 было осуществлено в грунтовой яме, размеры которой составляют 1,92x0,65 м, глубина — 0,41 м. Погребённый был положен вытянуто на спине головой на северо-запад. Верхняя часть скелета, за исключением фрагмента плечевой кости левой руки, сохранилась только в виде костного тлена. В нижней части скелет сохранился до шеек бедренных костей.

Под тленом от черепа, вероятно под нижней челюстью, были обнаружены три трубчатые витые пронизи (рис.2, 6, 12). На груди погребённого устьем вверх стояла керамическая миска (рис.1, 5). С левой стороны у пояса лежал округлый предмет из мягкого слоющегося камня с просверленным в центре отверстием (рис.1, 3). У левого колена с внутренней стороны лежал каменный оселок с отверстием (рис.1, 2; 2, 15). У правого колена погребённого с внешней стороны была обнаружена костяная ворворка (рис.1, 4; 2, 13). Кроме того, под тазовыми костями лежал железный нож (сохранился небольшой фрагмент — рис.2, 14). К югу от костей стопы правой ноги было обнаружено скопление бронзовых наконечников стрел, возможно, изначально лежавших в колчане (рис.2, 1–15; 7–11). Четыре черешковых наконечника-площадки лежали друг на друге в шахматном порядке. Под ними был обнаружен втульчатый двухлопастный наконечник подромбовидной формы.

Инвентарь погребения достаточно представлен. Прежде всего обращает на себя внимание набор наконечников стрел (рис.2, 1–15, 7–11).

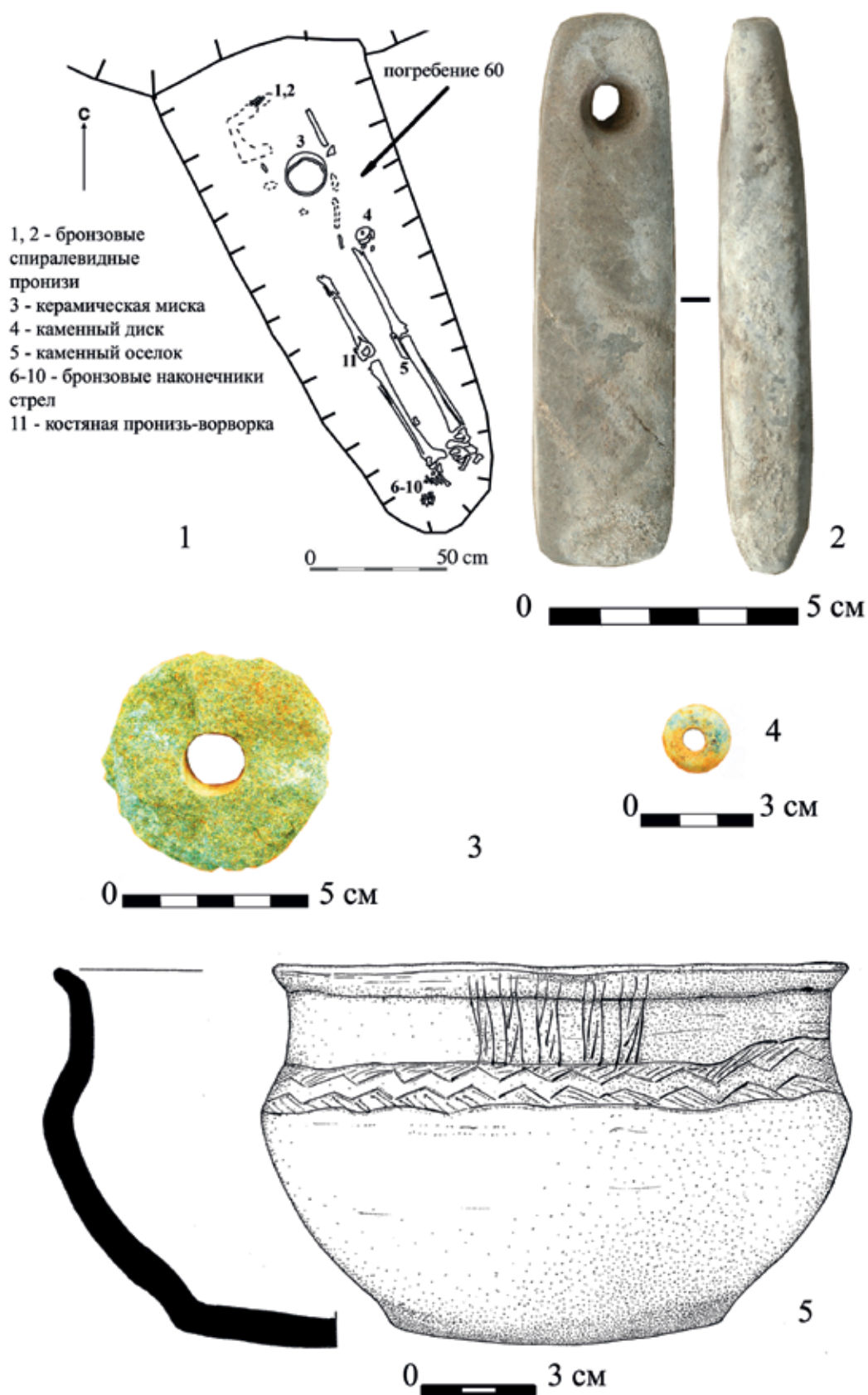

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение № 60:
 1 – план погребения (чертеж А.М. Конаковой); 2 – оселок; 3 – навершие булавы (?);
 4 – ворворка; 5 – миска (2, 3 – камень, 4 – кость, 5 – керамика)

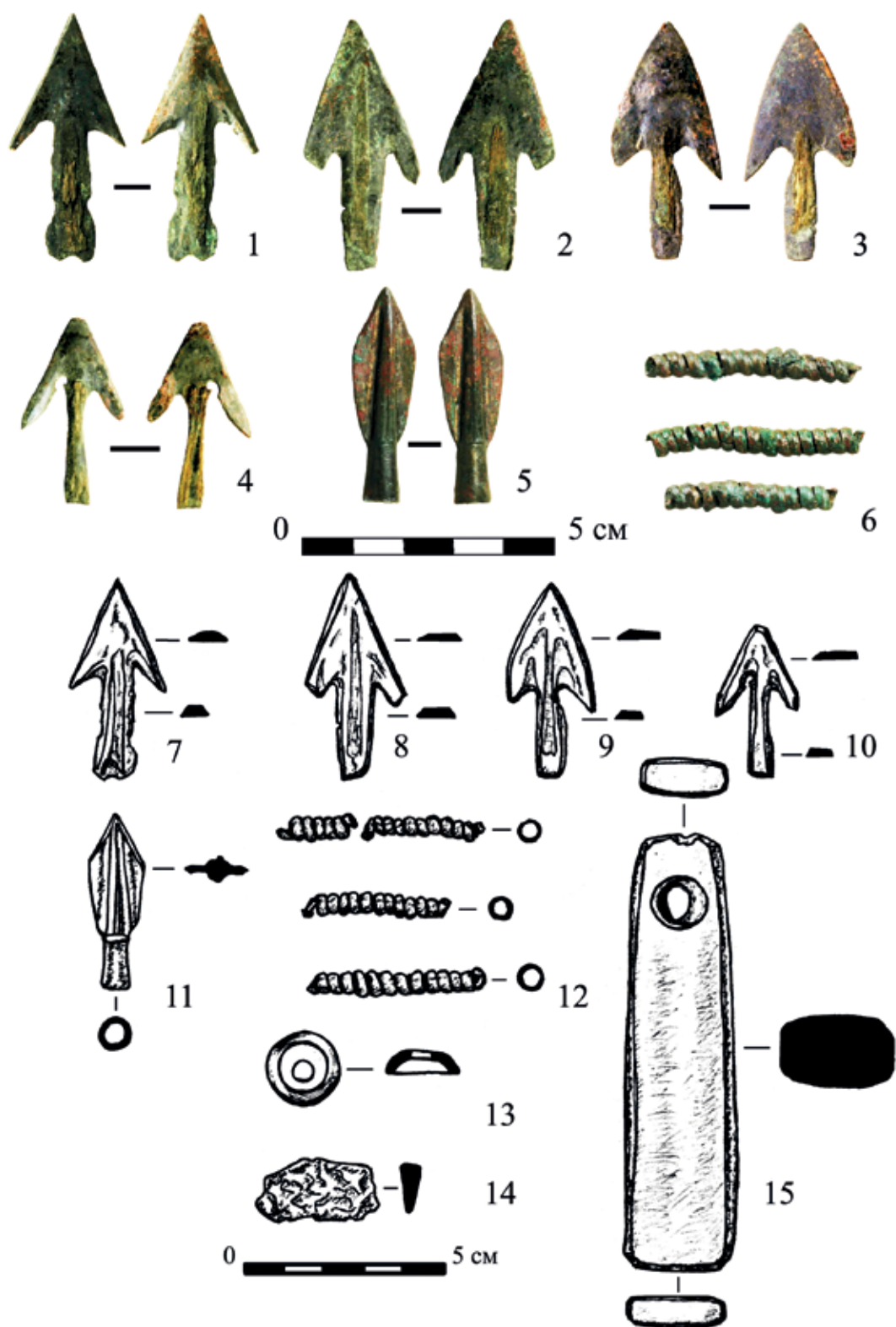

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение № 60:
 1-5, 7-11 – наконечники стрел; 6, 12 – спиральные пронизи;
 13 – ворворка; 14 – нож; 15 – оселок (1-12 – бронза, 13 – кость, 14 – железо, 15 – камень)

Бронзовые наконечники-площики из погребения № 60 могут быть отнесены к варианту 2 типа I по В.И. Козенковой: «массивные черешковые, литые бронзовые наконечники стрел с подтреугольной головкой, оканчивающейся двумя острыми шипами, опущенными книзу», которые были отлиты в открытой форме (Козенкова В.И., 1995, с.8). Каждый из наконечников отличается индивидуальной конфигурацией пера и черешка, которые имеют трапециевидное сечение. Грани пера односторонне заточены по всей длине с выпуклой стороны. Заострённые нижние края лопастей асимметричны, имеют разную длину. На каждом из наконечников с двух сторон сохранился тлен от расщеплённого деревянного древка стрелы, которое, утончаясь по ширине и длине, доходило практически до острия наконечника, что наглядно демонстрирует способ соединения древка стрелы и её наконечника. Следы обмотки органическими материалами этого соединения не сохранились, но они должны были быть обязательными для прочного соединения (Вальчак С.Б., Мошинский А.П., 2000, с.6, рис.2, 3,4).

Ближние аналогии этим наконечникам стрел имеются в погребении № 297 могильника Клин-Яр III, в инвентаре которого также присутствовали втульчатый наконечник стрелы из бронзы (рис.3, 5–9), железный нож, каменный оселок, кроме того, бронзовый уздечный комплект и фалар (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001, с.67, рис.4, 4,5; 5). По конструкции уздечного комплекта погребение из Клин-Яра III было датировано второй половиной VIII в. — началом VII в. до н.э. (Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998, с.159) или не позднее рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001, с.81). Имеются и другие комплексы с единичными находками подобных черешковых наконечников-площиков. Например, можно упомянуть погребение № 135 того же могильника, которое кроме наконечника стрелы содержало каменный молот и железный нож (Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993, с. 271, рис.6,

10–14; 3, 1–4), а также находки в богатой инвентарём гробнице 1 могильника Терезе (рис.3, 10,11), погребении № 63 Агачевского могильника (рис.3, 13) и в окрестностях Кисловодска (рис.3, 12) (Козенкова В.И., 1995, с.8, 9, табл.1, 18,22,24,29).

Наибольший интерес для датировки комплекса вызывает **двухлопастной наконечник стрелы с короткой втулкой** и пером подромбовидной формы, точнее, с неправильным трапециевидным контуром каждой из лопастей (рис.2, 5,11). Этот наконечник, несомненно, занимает своё место в совокупности разнообразных по форме наконечников стрел «цимбальской серии» предскифского периода (Вальчак С.Б., 2008, с.265–267). Наиболее близкими находками по абрису лопастей можно считать некоторые наконечники стрел из Малой Цимбалки (рис.4, 1,2), Зимогорья (рис.4, 5–7), Соколово-III, к.5, п.9 (рис.4, 3), Пионерского, к.3, п.1 (рис.4, 4), вероятно, ещё один наконечник из Малой Цимбалки, часть наконечников из Первомайского, к.1, п.2 и Гумарово, к.1, п.3 (Вальчак С.Б., 2006, рис.1, 2,3,5; 2; 3, 1; Дубовская О.Р., 1985, рис.2, 1,2,4; Махортых С.В., 2005, рис.145, 13; Гаврилюк Н.О., Красильников К.И., 2006, рис.16). Учитывая, что на многих экземплярах различных типов наконечников «цимбальской серии» прослеживаются следы проковки края лопастей перед заточкой аналогично наконечникам новочеркасского типа (Вальчак С.Б., Дворниченко В.В., 2005, с.84), лопасти после окончательной обработки могли приобретать и треугольную форму, как в Малой Цимбалке, Зимогорье, Высокой Могиле, п.5 (Тереножкин А.И., 1976, рис.7) и других комплексах, или вообще быть асимметричными (рис.4, 8–19). Следовательно, считать этот факт признаком типологическим пока нет оснований.

По всем своим морфологическим признакам втульчатый наконечник из рассматриваемого погребения может быть датирован (в широких рамках) второй половиной VIII в. до н.э., но не позднее ру-

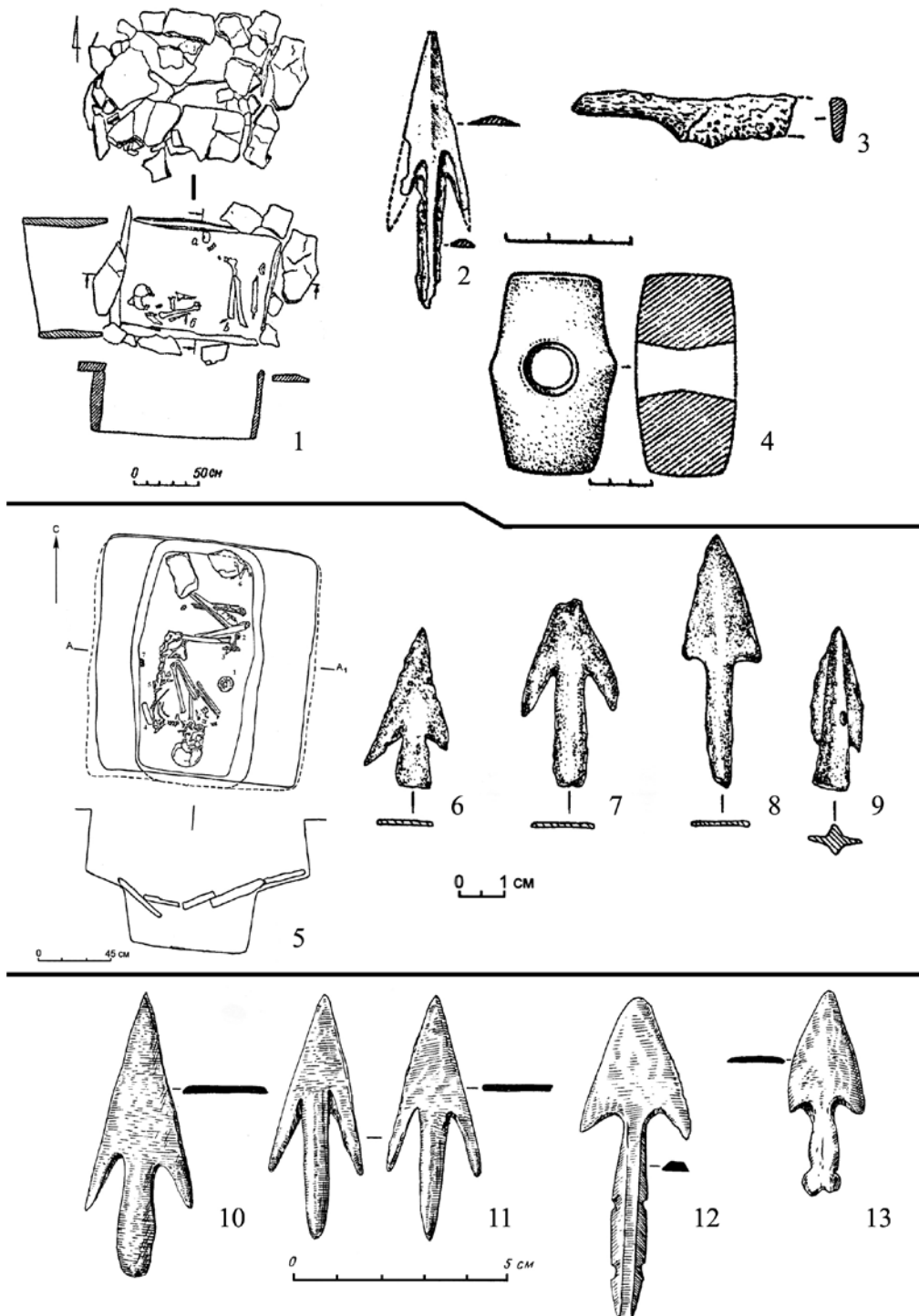

Рис. 3. Находки наконечников стрел на Северном Кавказе:

- 1–4 – могильник Клин-Яр III, погребение № 135 (по: В.С. Флёров, О.Р. Дубовская, 1993);
 5–9 – могильник Клин-Яр III, погребение № 297 (по: А.Б. Белинский, С.Л. Дударев, 2001);
 10, 11 – могильник Терезе, гробница 1; 12 – окрестности Кисловодска;
 13 – могильник Агачевский, погребение № 36 (по: Козенкова, 1995)

бежа VIII–VII вв. до н.э. (Вальчак С.Б., 2006, с.270).

Бронзовые витые пронизи (рис.2, 6,12). Длина — 3,3–4,2 см, диаметр — 0,5–0,6 см. Пронизи обнаружены в виде скопления под подбородком погребенного. Они располагались вдоль шеи под углом к истлевшей нижней челюсти, при этом одна из пронизей была обнаружена под двумя другими. Такие предметы на могильнике Заюково-3 обычно встречаются среди нагрудных женских уборов (Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2017, с.166, фото 3). В данном же случае, возможно, мы имеем дело с украшением бороды, ожерелья или ворота костюма.

Миска, обнаруженная на груди погребенного (рис.3, 2), относится к разновидности «л» по В.И. Козенковой (Козенкова В.И., 1998, с.98), которую исследовательница относит к VIII–VII вв. до н.э. Миска серолощенная, высокая, с округлым плечом и плавно отогнутым венчиком. Дно широкое, устойчивое. Стенка при переходе в дно имеет плавный прогиб вовнутрь. По плечу миски идет пояс нарезного орнамента из двух рядов заштрихованных треугольников, направленных вершинами друг к другу. Линия орнамента неровная. Между этим орнаментальным поясом и венчиком сосуда расположены две группы орнамента, состоящие из пяти вертикальных полос с диагональной штриховкой. Максимальный диаметр миски в районе плеча составляет 15,6 см, диаметр венчика — 15,2 см, дна — 8,7 см. Высота миски — 10 см. Особо интересным является не стандартное для погребального обряда кобанской культуры расположение миски на груди погребенного. По орнаментальному оформлению миска близка похожим предметам из могильника Клин-Яр III (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2012, рис.227, 4,5; 228, 7,8; 230, 1), однако в Клин-Яре III полностью аналогичных по форме мисок не обнаружено.

Каменный предмет с просверленным отверстием в центре (рис.1, 3), обнаруженный у пояса погребенного, вероятнее всего,

является навершием церемониального жезла-булавы, поскольку камень, из которого был сделан предмет, очень хрупкий, его боевое применение маловероятно. Очевидно, что он имел исключительно парадное назначение. Диаметр навершия — 6 см.

Оселок подпрямоугольной формы с небольшим расширением книзу и просверленным отверстием на верхнем конце (рис.1, 2; 2, 15). По следам сверла видно, что отверстие было сделано с двух сторон, так как каналы сверления не вполне совпадают. Размеры оселка — 11x3x1,4 см. Оселок относится к типу II по В.И. Козенковой (1998, с.24) и является одной из самых распространенных находок в мужских погребениях предскифского периода.

Костяная ворворка (рис.1, 4; 2, 13) имеет форму полой усеченной полусферы с отверстием в центральной части. Диаметр ворворки — 1,6 см, высота — 0,5 см. Судя по местоположению у левого колена погребенного, ворворка могла скорее служить застежкой несохранившегося мешочка, чем элементом одежды.

В кобанской культуре в предскифское время в мужских погребениях горной зоны Северного Кавказа доминирует обряд захоронения в скорченном положении на правом боку. Однако на могильнике Заюково-3 наблюдается иная картина. Из 29 исследованных в могильнике на сегодняшний день погребений данного периода времени 7 (из них одно парное) были совершены вытянуто на спине, 5 — скорченно на правом боку и 2 — на левом боку. Девять погребенных подверглись постпогребальному разрушению. Также из выборки были исключены 7 детских костяков.

Более 30 лет назад В.И. Козенкова сделала вывод, учитывая мнение К.Ф. Смирнова, что такое положение погребенных — вытянуто на спине — совершенно «несвойственно для раннекобанских погребений», и включила их в «ритуал ингумационных захоронений третьего периода развития кобанской культуры (середина VII в. — IV в. до н.э.)» западного вари-

анта этой культуры, приведя 5 подобных случаев. Особенно важен вывод Валентины Ивановны Козенковой, что «наиболее уверенно можно связывать со степным влиянием лишь вытянутую на спине позу, с вытянутыми, скрещенными или ромбовидно раскинутыми ногами». Впрочем, имея в то время ограниченное число комплексов с подобным обрядом погребения, исследовательница осторожно датировала их (в рамках третьей группы) «не ранее серединой — второй половиной VI в. до

н.э.» (Козенкова В.И., 1989, с.83, 84, табл. XXXVI, 4,6,8–10).

Исходя из результатов современных раскопок могильника Заюково-3, мы можем согласиться с выводом В.И. Козенковой о том, что происхождение обряда захоронения в положении на спине является новацией для кобанской культуры Северного Кавказа и никак не связано с традициями предшествующих культур эпохи бронзы Кавказа, но существенно удревнить время его эпизодического возник-

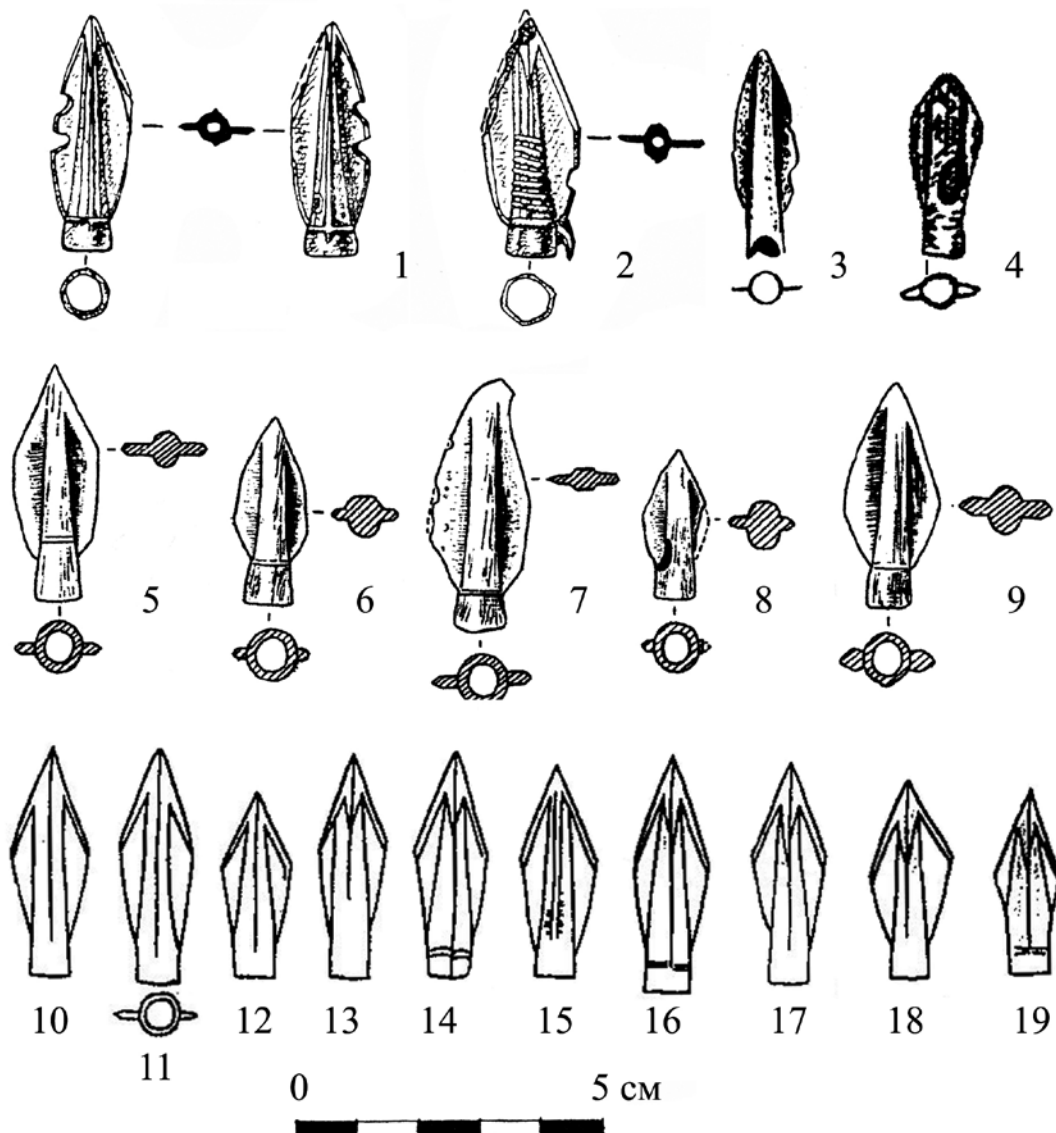

Рис. 4. Находки наконечников стрел в Северном Причерноморье:

- 1, 2 — курган Малая Цимбалка, погребение «А» (по: С.Б. Вальчак, 2006);
- 3 — могильник Соколово III, курган 5, погребение № 9 (по: С.В. Махортых, 2005);
- 4 — могильник Пионерское, курган № 3, погребение № 1 (по: Н.О. Гаврилюк, К.И. Красильников, 2006);
- 5–9 — могильник Зимогорье, курган, погребение № 5 (по: О.Р. Дубовская, 1985);
- 10–19 — курган Высокая Могила, погребение № 5 (по: А.И. Тереножкин, 1976)

новения. Можно предположить лишь заимствование обряда у экспансировавших воинов-всадников степного региона, но и в нём положение погребённого достаточно разнообразно.

Комплекс погребального инвентаря захоронения 60 указывает на период второй половины VIII в. — рубежа VII в. до н.э., возможно, в эпоху киммерийских походов. Расположение погребения в непосредственной близости от разграбленного воинского участка могильника Заюково-3, а также присутствие среди погребального инвентаря набора наконечников стрел и

жезла-булавы позволяют отнести погребённого к воинскому сословию местных племен, но, судя по отсутствию клинкового или ударно-рубящего оружия, не к самым высшим его слоям. Хотя следует заметить, что принципы подбора погребального инвентаря в начале раннего железного века и степень отражения им социального статуса погребённого пока остаются дискуссионными. Одновременно остаются дискуссионными и вопросы хронологии открываемых экспедицией комплексов, которые помогут решить дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998.* Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и азиатские параллели // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* — Вып. I. — Ставрополь.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001.* К характеристике наконечников стрел из могильника Клин-Яр III (по неопубликованным материалам раскопок 1988–1991 годов) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* — Вып. II. — М.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железного века. М. — Ставрополь.
- Вальчак С.Б., 2006.* Комплекс впускного погребения «А», колчаный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода // *Древности скифской эпохи.* МИАР. — №7. — М.
- Вальчак С.Б., 2016.* Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // *Revista Arheologică, serie nouă, vol. XII, nr. 1–2.*
- Вальчак С.Б., Дворниченко В.В., 2005.* Некоторые находки эпохи раннего железного века из Астраханского Заволжья // *Вопросы археологии Западного Казахстана.* — Вып. 2. — Актобе.
- Вальчак С.Б., Мошинский А.П., 2000.* Несколько предметов вооружения и узды из Северной Армении // *ИАА.* — Вып. 6. — Армавир — М.
- Гаврилюк Н.О., Красильников К.И., 2006.* Похоронения передскифского часу біля сс. Піонерське, Передільське і Кіровське у Північному Приазов'ї // *Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр.* — Вып. 8. — Київ — Запоріжжя.
- Дубовская О.Р., 1985.* Погребение лучника раннего железного века // *СА.* — №2.
- Дударев С.Л., 2012.* Новые данные о шлемах ассирийского типа на Северном Кавказе // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации* // XVII Крупновские чтения. Тезисы докладов. — Махачкала.
- Иессен А.А., 1941.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение памятников республики) // *Материалы и исследования по археологии СССР №3.* Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. — М. — Л.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2017.* Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Ка-

- бардино-Балкарская республика) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. — №2.
- Козенкова В.И., 1989.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. — В 2–5. — М.
- Козенкова В.И., 1995.* Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. — В 2–5. — М.
- Козенкова В.И., 1998.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. — В 2–5. — М.
- Махортых С.В., 2005.* Киммерийцы Северного Причерноморья. — Киев.
- Тереножкин А.И., 1976.* Киммерийцы. — Киев.
- Флёров В.С., Дубовская О.Р., 1993.* Мужские погребения кобанского могильника Клинь-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. — Вып. 1. — М.

ЭЛИТНОЕ ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В МОГИЛЬНИКЕ МЕЗМАЙ-1

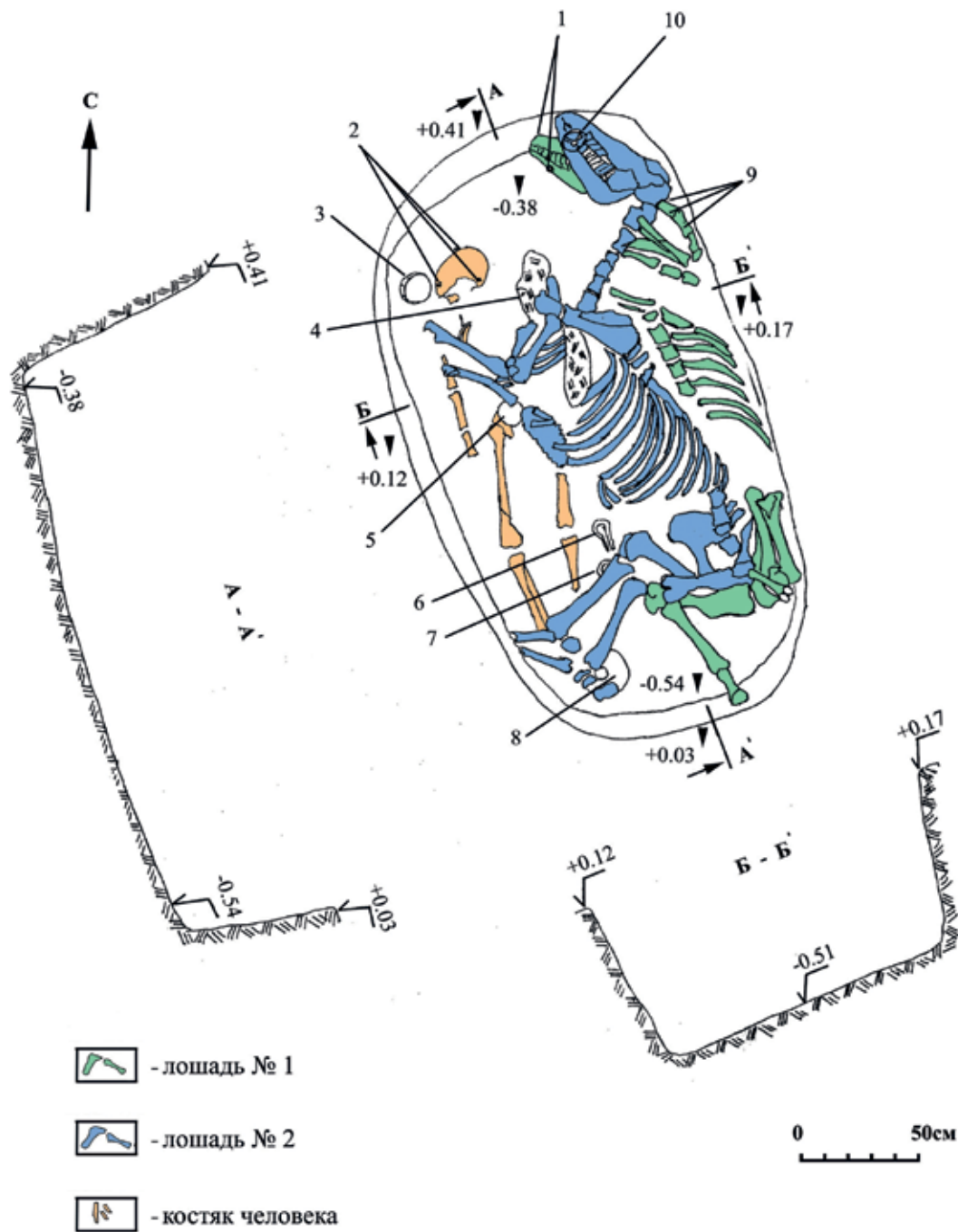
Грунтовый могильник Мезмай-1 входит в круг меотских древностей Западного Кавказа, выявленных в горной лесной местности на высотах до 800 метров над уровнем моря и поэтому мало исследованных (рис. 1). В настоящее время известно несколько подобных памятников, разрушающихся грабительскими раскопами, но регулярные исследования проводились только на одном из них. Могильник Мезмай-1 расположен на южном склоне Гуамского хребта, на правом берегу реки Курджипс. Административно это территория поселка Мезмай Апшеронского района Краснодарского края. По результатам работ памятник определен как дружинный некрополь, включающий серию

воинских погребений, сопровождаемых захоронениями лошадей, многочисленными тризнами и культовыми площадками (Шевченко Н.Ф., 2014, с. 294). Большинство захоронений уверенно датируются II в. до н.э. При этом в ряду близких по хронологическому и гендерному признакам комплексов зафиксирован один, явно выпадающий из общего ряда. Он представляет собой элитное женское захоронение римского времени, публикации которого посвящена настоящая работа.

Погребение 11 (рис. 2). Могильная яма имела форму неправильного овала, вытянутого по линии ССЗ – ЮЮВ. Размер 2,35 x 1,30 м. Стенки неровные, слабо покатые, глубина от поверхности до 0,80 м.

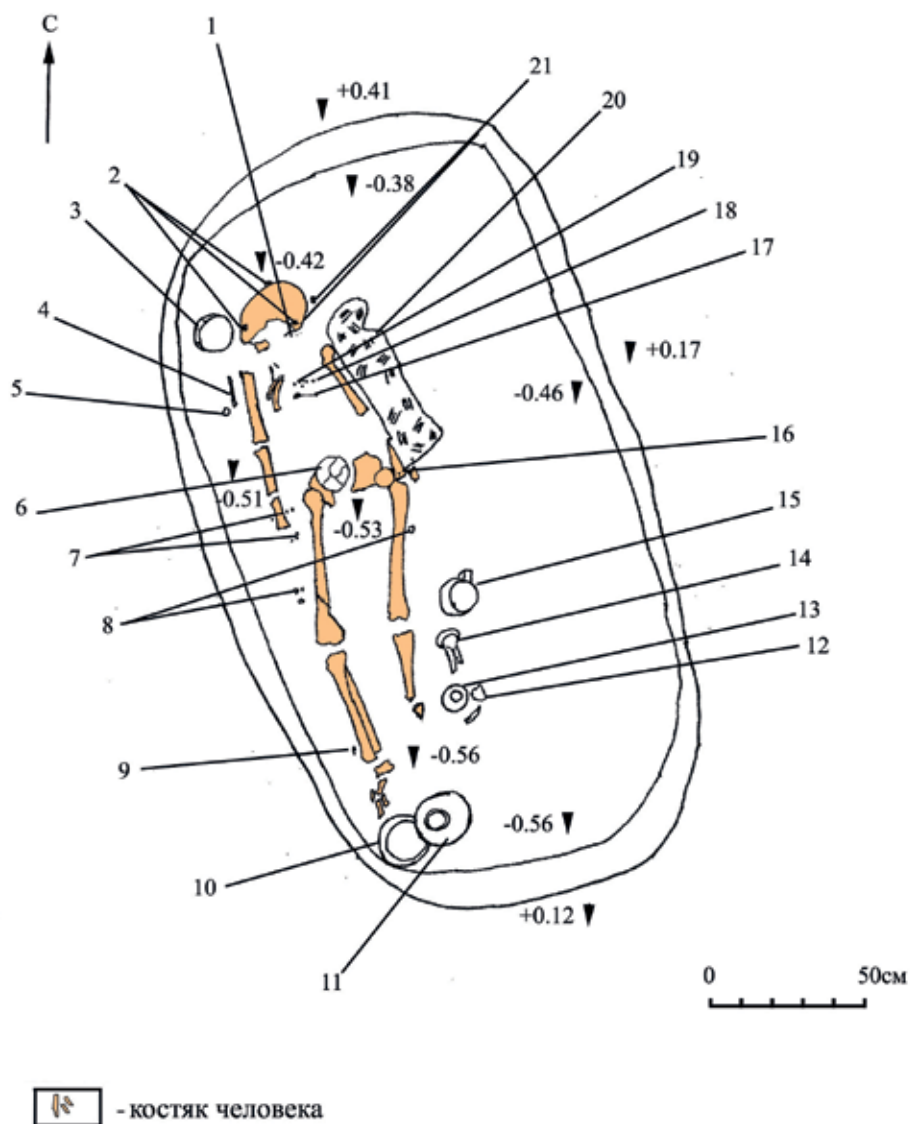

Рис. 1. Карта Краснодарского края с указанием места расположения могильника Мезмай-1

1. бусы золотые
на сбруе лошади № 1	9. бусы на сбруе лошади № 1
2. пластины золотые	10. удила железные лошади № 2
3. чаша стеклянная	
4. кольчуга железная	
5. зеркало	
6. ножницы железные	
7. фиала стеклянная	
8. кувшин	

Рис. 2. Погребение 11. План и разрезы

1. бусы ожерелья	12. фрагмент предмета бронзового
2. пластины золотые	13. фиала стеклянная
3. чаша стеклянная	14. ножницы железные
4. игольница бронзовая	15. кружка кружальная
5. фрагмент цепи железной	16. бусы
6. зеркало бронзовое	17. заковка золотая
7. бусы	18. фибула-брошь золотая
8. фольга золотая	19. подвески золотые
9. фрагмент железного ножа	20. кольчуга железная
10. миска кружпльная	21. серьги золотые
11. кувшин кружальный	

Рис. 3. Погребение 11. План на уровне человеческого костяка

Заполнение состояло из мелкого щебня с желтой материковой глиной и включениями гумуса. В захоронении открыты костяк человека, лежавший вдоль западной стенки ямы, и два костяка взрослых особей лошади, один поверх другого, под восточной стенкой. При этом кости ног верхней лошади частично перекрывали человеческий скелет.

Костяк принадлежал женщине старше 50 лет, имевшей зубочелюстную патологию с прижизненной утратой всех, или почти всех, верхних зубов, так как челюсть деформирована¹. Сохранность костей слабая, отсутствуют кости плечевого пояса, позвонки, часть ребер и кости левой голени. Череп раздавлен и завален на правый висок. Погребенная лежала вытянуто на спине головой на ССЗ (рис. 3). Тело было незначительно сдвинуто на правый бок, что произошло в результате помещения в яму туши нижней лошади.

Находки

На черепе и под ним были найдены пять **золотых пластин**, расположенных по кругу на уровне лба. Пластины, вероятно, были нашиты на головной убор.

Место расположения пластин на черепе:

- 1 — лоб,
- 2 — правая часть лба,
- 3 — правый висок,
- 4 — область правого уха (ближе к затылку),
- 5 — левый висок,
- 6 — затылок².

Пластины прямоугольной формы, изготовлены из тонкого золотого листа. В центре оттиснуто изображение лежащего барана вправо. По углам круглые отверстия для пришивания. Все изображения сделаны одним штампом. Пластины грубо вырезаны и незначительно отличаются пропорциями. Толщина листа около 0,7 см. Средний размер 2,2 x 1,8 см (рис. 5, 8; 9, 4).

У основания черепа найдены две **золотые серьги**. Вероятно, изначально они находились в области висков, но при развороте черепа сдвинулись с места. Серьга золотая

пустотелая двусторонняя, выполнена в виде двух геральдически расположенных конских протом с подвесками. К холке одной головы припаяна витая дужка, к другой — кольцо для её крепления. К мордам лошадей и нижней части базы припаяны шесть колец, за которые крепились подвески. Подвески представляли собой цепочку с плоским диском на конце. Звенья в цепочке сделаны из двух проволочек, загнутых в виде восьмерки. Туловища и шеи лошадей украшены ромбами и треугольниками из зерни. Внешний контур серьги выделен гладким валиком между двумя рядами зерни. Сбруя подчеркнута одним рядом зерни. Размер без скобы и подвесок — 3x1,5 см. Высота от скобы до дисков на подвесках около 6 см (рис. 5, 1; 9, 1).

В области шеи были найдены **семь бусин**, входивших в состав ожерелья:

1. Бусы янтарные дисковидной формы. 4 шт. Размеры: 1,0 x 0,4; 1,3 x 0,5 см (рис. 6, 29–32).

2. Бусина халцедоновая круглой формы. 1 шт. Д = 1,2 см (рис. 6, 33).

3. Бусы округло-уплощенной формы из горного хрусталя. 2 экз. Размеры — 0,8 x 1,2; 0,8 x 0,7 см (рис. 6, 34, 35).

В области груди найдена **золотая заколка**, представляющая собой иглу с полым шаром, выполненным из двух полушаров с поперечным швом спайки. Полюса шара охвачены муфтами со следами полустертой зерни. По «экватору» шара проходит орнаментальный пояс в виде двух параллельных проволочек, между которыми заключен ряд зерни. К боковой поверхности шара припаяны четыре кольца, за которые крепились подвески в виде цепочек с полыми шариками на концах. Размеры: L общая = 7,5 см, Д шара = 1,5 см, Д шарика подвески = 0,4 см (рис. 5, 2; 9, 2).

В 3 см к СВ от заколки расчищена золотая восьмерковидная **фибула-брошь**. Поле броши сделано из трех спаянных проволочек, при этом средняя — витая или ложновитая. В центре броши на лицевой стороне расположен шарик в обрамлении псевдозерни. На оборотной

стороне припаяны кольцо для крепления иглы и иглоприемник в виде загнутой с двух сторон узкой пластины. Игла отломлена в древности, и брошь, вероятно, была нашита на одежду. Размер — 2,2 x 1,2 см (рис. 5, 7; 9, 3).

Между заколкой и черепом, т.е. в верхней правой части грудной клетки, были найдены **шесть золотых подвесок и две золотые пронизи**. Все вещи лежали вне определенного системного порядка. Скорее всего, они были нашиты на одежду, складки которой смешали композицию.

1. Три золотые подвески в виде полового шарика с петелькой на цепочке. Длина двух подвесок — 2,2 см; длина одной — 1,7 см (рис. 5, 4).

2. Подвеска золотая в виде шишечки или стилизованной виноградной грозди с петелькой на цепочке. Длина — 2,3 см (рис. 5, 5).

3. Две золотые подвески в виде полового биконуса с пятью шариками зерни на нижнем конце и цилиндрическим выступом с петелькой для крепления цепочки на верхнем. Длина = 2 см (рис. 5, 3).

4. Две трубчатые рифленые пронизки, свернутые из тонкого золотого листа. Длина — 0,8 и 0,7 см. Д отверстия — 0,3 и 0,2 см (рис. 5, 6).

С внешней стороны правой бедренной кости открыты сильно разрушенные **обломки тонкой золотой фольги**. На некоторых кусках сохранились круглые отверстия для пришивания. Аналогичные фрагменты фольги найдены возле левого бедра.

На костях запястья правой руки расчищены **семь бусин**:

1. Бусы халцедоновые овально-уплощенной формы. 2 экз. Размеры: 1,9 x 1,0 и 1,7 x 1,0 (рис. 6, 36, 37).

2. Бусина янтарная дисковидной формы. 1 экз. Д = 1,6 см (рис. 6, 38).

3. Бисер стеклянный круглой формы темно-зеленого цвета. 4 экз. Д = 0,4 см (рис. 6, 39).

На костях запястья левой руки расчищены **12 бусин**:

4. Бусина янтарная цилиндрической формы. 1 экз. Размер — 1,0x0,6 см (рис. 6, 43).

5. Бусина пастовая овальной формы. Цвет синий с черной поперечной полосой на белом фоне. 1 экз. Размер — 1,7 x 0,7 см (рис. 6, 44).

6. Бисер стеклянный округлой формы темно-зеленого цвета. 6 экз. Д = 0,4 см (рис. 6, 45).

7. Бусина стеклянная округлой формы черного цвета. 1 экз. Д = 1,3 см (рис. 6, 51).

8. Бусы халцедоновые округлой формы. 3 экз. Д = 1,9; 1,7; 1,4 см (рис. 6, 52–54).

На правом крыле таза лежало **литое билоновое зеркало** круглой формы. Диск плоский, с очень качественной полировкой. Край диска неровный, заостренный, слабо отогнутый, без следов обработки после литья. Вероятно, зеркало было оправлено в деревянную рамку. На металле прослежены остатки органического (кожаного ?) тлена. Д диска = 13 см, В = 0,1 см (рис. 6, 1).

Возле черепа стояла **стеклянная литая чаша**. Дно плоское, венчик высокий, слабо отогнутый наружу, тулово орнаментировано вертикальными валиками. Цвет стекла матовый желто-зеленый. С внутренней стороны по тулову чаши нанесены резцом две глубокие параллельные борозды. Аналогичная борозда проведена по внутренней поверхности венчика. Н = 7,5 см, Д венчика = 11,5 см, Д донца = 5,5 см (рис. 4, 5; 8, 2).

Вдоль плечевой кости правой руки лежала **бронзовая игольница**. Футляр трубчатый, закругленный на конце. Крышка притертая, по внешнему диаметру почти не отличается от футляра. L общая = 10,4 см, L крышки = 2,4 см, Д внешний футляра = 0,7 см (рис. 6, 3).

Рядом с игольницей найдено изделие, представляющее собой уплощенное **железное кольцо**, сквозь которое проде- ты два аналогичных кольца. Д кольца = 2,5 см (рис. 6, 2).

С внешней стороны костей голени правой ноги находился сильно окислен-

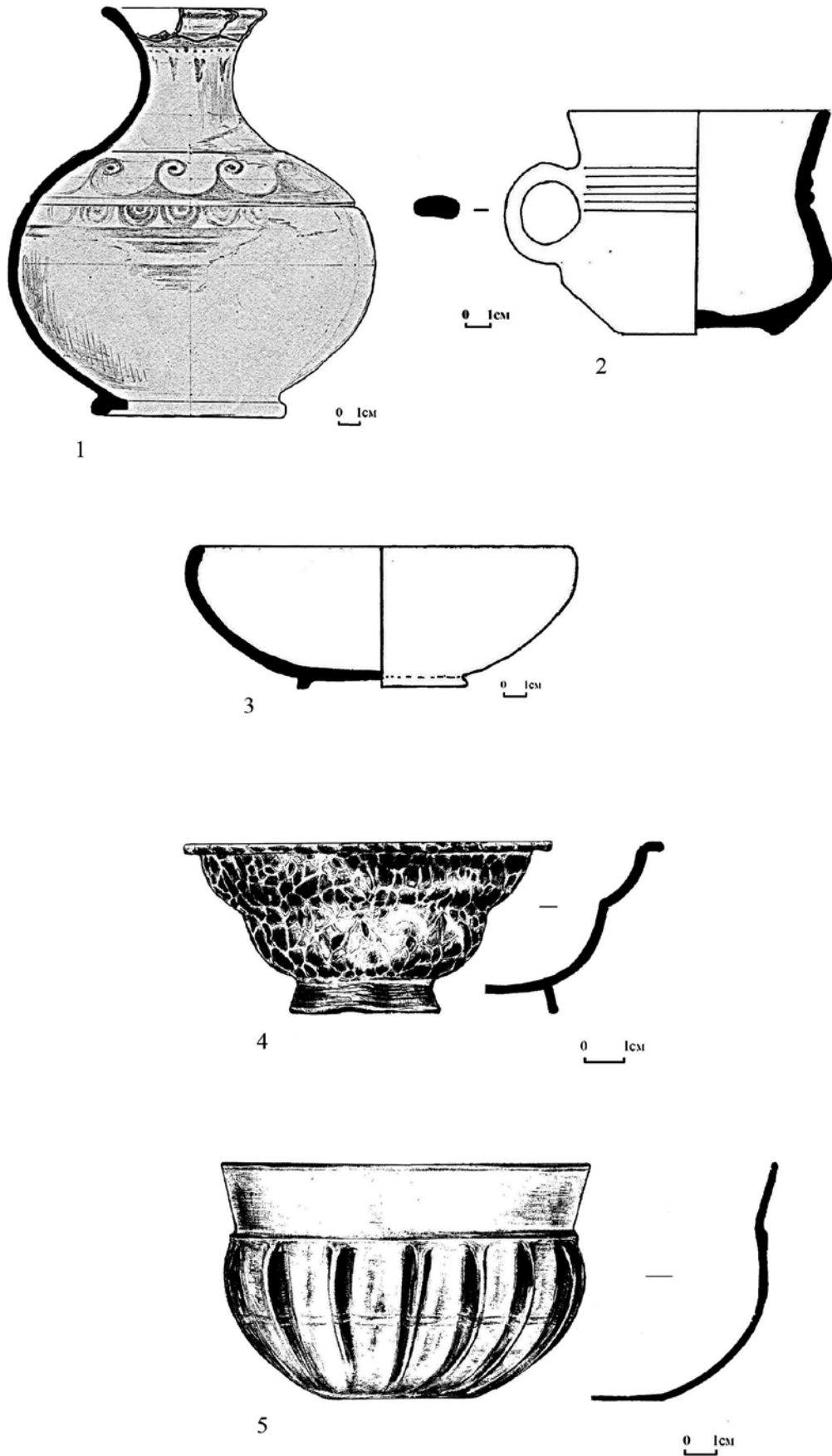

Рис. 4. Погребение № 11:

1 — кувшин кружальный керамический; 2 — кружка кружальная керамическая; 3 — миска кружальная керамическая; 4 — чашка стеклянная мозаичная; 5 — фиала стеклянная реберчатая

ный **фрагмент лезвия железного ножа**. L около 2 см (не сохранился).

В юго-западном углу могильной ямы стояла **кружальная миска**. Донце оформлено в виде кольцевого поддона. Тулово закругленное, плавно переходит в загнутый внутрь венчик. Тесто плотное, светло-коричневого цвета, с примесью мелкого речного песка. H = 6 см, D венчика = 17 см, D донца = 7,4 см (рис. 4, 3).

Рядом с миской стоял кружальный **узкогорлый кувшин** на кольцевом поддоне. Тулово шаровидное, плавно переходит в воронковидное горло. На поверхности сохранились следы светлого покрытия типа ангоба, поверх которого темно-коричневой краской нанесен орнамент. Основание горла выделено уступом, в верхней трети тулова проведен горизонтальный желобок. Плечики украшены фризом в виде бегущей волны. Ниже расположен пояс с рядом повторяющихся «мишеневидных» полукружий. В центре тулова видны следы как минимум трех горизонтальных полос. Под венчиком расположены узкая и широкая полосы краски. Ниже полос нанесены горизонтальный ряд темных точек и бутонovidные изображения. Тесто плотное, в изломе светло-коричневого цвета, h = 19,2 см, D венчика = 7,7 см, D донца = 9 см (рис. 4, 1).

С внешней стороны коленного сустава левой ноги расчищен ряд предметов:

1. **Чашка стеклянная**, выполнена в мозаичной технике миллефиоре. Поддон кольцевой, состоит из горизонтальных полос многоцветного стекла. Тулово рельефное, венчик резко отогнут наружу. На красно-коричневом фоне расположены прозрачные вставки из зеленого стекла с желтым обрамлением. На ощупь стекло шершавое. Чашка слабо деформирована, H = 4,2 см, D венчика = 9 см, D донца = 3,6 см (рис. 4, 4; 8, 1).

2. Фрагмент тонкой **бронзовой кованой пластины**. Форма изделия не восстанавливается. Размер сохранившейся части — 3,5 x 3 см.

3. **Ножницы** железные пружинные. Лезвие сильно окислено и сломано. L сохранившейся части = 11,3 см (рис. 6, 4).

4. **Кружка** кружальная с вертикальной уплощенной ручкой. Донце оформлено в виде ложнокольцевого поддона. Тулово приземистое биконическое, изгибом переходит в высокое раструбное горло, орнаментированное в основании тремя горизонтальными желобками. Тесто плотное, в изломе темно-серого цвета, без лощения. H = 8,5 см, D венчика = 10,3 см, D донца = 6,2 см (рис. 4, 2).

Вдоль костей левой руки лежала свернутая железная **кольчуга**. Металл спекся в сильно окисленный монолит, детали не прослеживаются. D кольца = 4 мм, вес кольчуги с окислами = 16 кг (рис. 7, 1).

Лошади

Лошадь № 1 (рис. 2). Лежала вдоль восточной стенки могильной ямы головой на ССЗ. Туша была уложена в положении на спине с поднятыми и подогнутыми ногами. Шея вытянута, череп находился на правом виске. У обеих ветвей нижней челюсти открыты две **парные полые бусины** овальной формы, изготовленные из тонкого золотого листа. Полюсные отверстия обрамлены гладкими валиками, которые служат центрами четырехлепестковых тисненых розетт. Экваториальное ребро оформлено в виде параллельных гладких валиков с внутренним заполнением в виде псевдозерни, обрамленных рядами точечных наколов. Размер — 3,2 x 2,3 см (рис. 7, 3; 9, 5). В области левой передней ноги лошади расчищена россыпь из **14 различных бусин**. Нога лежала поверх шейных позвонков, и бусы, вероятно, были вплетены в гриву или украшали поводья.

1. Бусина пастовая круглой формы. Цвет темно-синий с желтыми глазками и белыми полосами D = 1,6 см. 1 экз. (рис. 7, 2a)

2. Бусина аметистовая уплощенно-овальной формы. Размер — 1,6 x 1,0 x 0,4 см. 1 экз. (рис. 7, 2з).

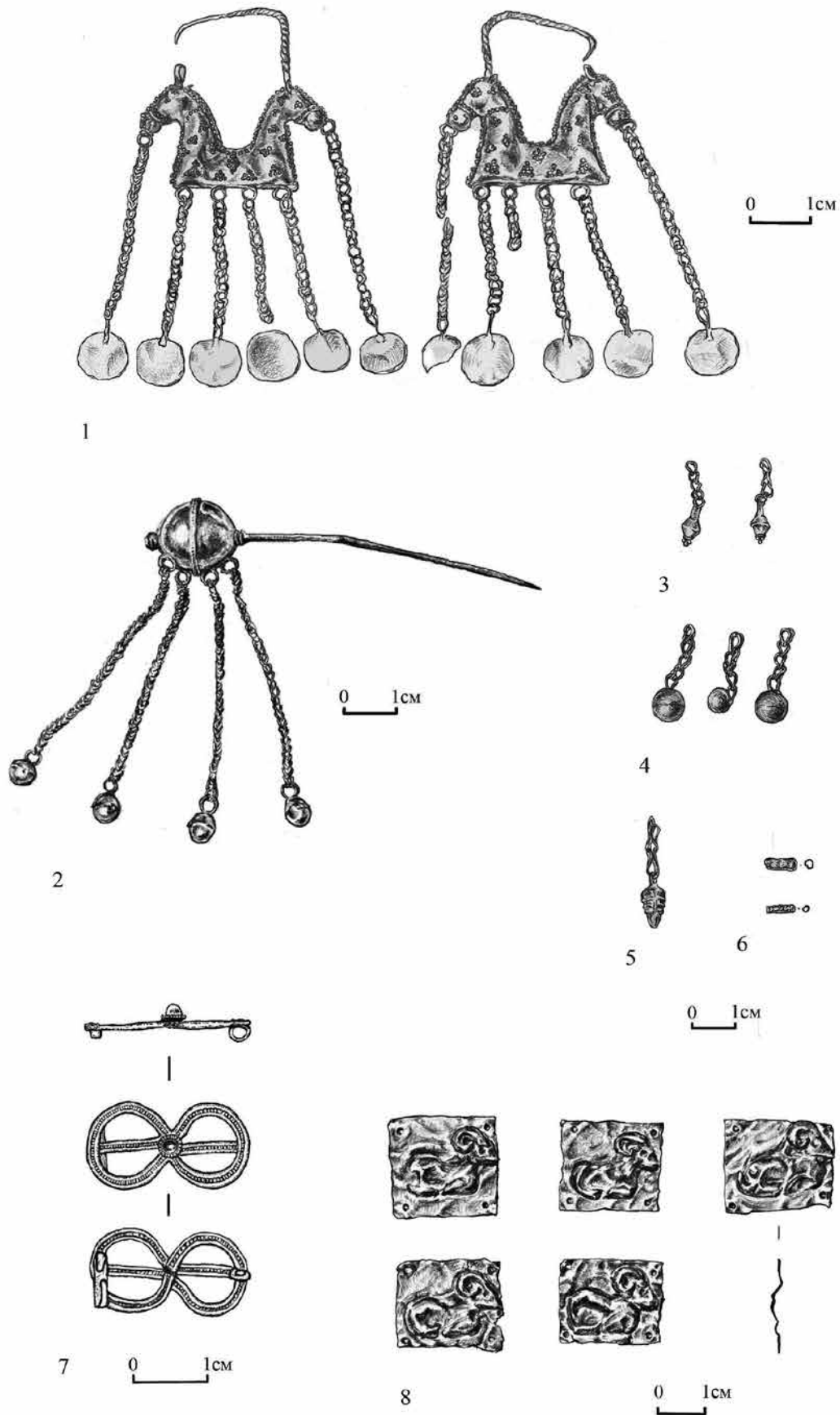

Рис. 5. Погребение № 11:

1 – серьги золотые; 2 – булавка золотая; 3, 4, 5 – подвески золотые; 6 – пронизь-трубочка золотая; 7 – фибула-брошь золотая; 8 – пластины нашивные золотые

3. Бусы халцедоновые округлой формы. Обработаны грубо, на некоторых сохранились следы молочно-белой корки. Д около 1,5 см. 5 экз. (рис. 7, 2и).

4. Бусина янтарная дисковидной формы. Д=1,5 см. 1 экз. (рис. 7, 2ж).

4. Бусина пастовая с сине-белыми выступающими глазками. Размер — 1,4 x 0,8 см (рис. 7, 2б).

5. Бусина стеклянная синего цвета. Размер — 1,4 x 0,7 см. 1 экз. (рис. 7, 2в).

6. Бусина пастовая, овальной формы, черного цвета, с белыми спиральными полосами. Размер — 0,8 x 0,5 см² (рис. 7, 2д).

7. Пронизь пастовая, синего цвета, веретенообразной формы. 1 экз. Размер — 1,5 x 0,5 см (рис. 7, 2г).

8. Бисер стеклянный, темно-зеленого цвета, округлой формы. 4 экз. Д=0,4 см (рис. 7, 2е).

Лошадь № 2 (рис. 2). Была уложена в могильную яму поверх лошади № 1. Туша лежала на правом боку головой на север. Передние и задние ноги были подогнуты и перекрывали костяк человека. Сохранность костей хорошая. В зубах лошади открыты фрагменты железных двусоставных кольчатых удил с колесовидными псалиями. Д кольца псалия 9,2 см (рис. 7, 4).

Тризна. В заполнении могильной ямы, практически с поверхности на глубину до 0,30 м, встречались фрагменты керамики и кости животных, определенные как остатки тризны. За границами ямы следы тризны не прослеживались. В общей сложности обнаружено 63 фрагмента керамики, 20 фрагментов костей взрослой особи лошади:

посуда кружальная — 15 фрагментов,
посуда лепная — 48 фрагментов.

Обряд

В могильнике Мезмай-1 исследовано только одно погребение римского времени, поэтому невозможно сравнить его с синхронными комплексами. Однако оно явно находится в русле погребальной традиции, зафиксированной на этом памятнике в могилах II в. до н.э., и вписывается в груп-

пу элитных захоронений, совершенных в больших ямах³ (Шевченко Н.Ф., 2014, с. 294). Устойчивая северо-западная ориентировка погребенных, характерная для меотских памятников и, вероятно, отражает нюансы локальных верований, формировавшихся в среде замкнутых горных сообществ. Однако в первые века нашей эры в могильниках Закубанья широко распространяется западная ориентировка погребенных (Тахтамукаевский, Ленино-хабльский). В Штурбинском некрополе северо-западное направление составляет 75% (Фризен О.И., 2016, с. 294). В Тенгинском могильнике выделено 9 воинских комплексов с ориентировкой в СВ сектор, и 6 из них надежно датируются серединой I в. до н.э. — II в. н.э. (Беглова Е.А., 2010, с. 149). Большие ямы, культовые площадки, разные виды тризн, лошади как в мужских, так и в женских захоронениях находят широкие аналогии на территории Закубанья в эллинистическое и раннеримское время.

Анализ вещевого материала

Фиала и чашка (рис. 5, 4, 5), открытые в комплексе, находят ближайšie аналогии в наборе стеклянной посуды из погребения № 51 некрополя Горгиппии, которое датируется рубежом — первой половиной I в. н.э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 74; Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007, с. 60 и сл., табл. 65). Стеклянная реберчатая чаша относится к форме За по Айсингс (Isings С., 1957, р. 17–21). Целые формы и фрагменты подобных изделий часто встречаются в материалах раскопок на территории Боспора (Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007, с. 57; Nina Kunina, 1997, cat. 54–56; Шевченко Н.Ф., 2004б, рис. 10, 2) и в захоронениях Прикубанья (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2003, с. 110–111). Находки чашек с орнаментом в мозаичной технике миллефиоре в варварских погребениях Северного Причерноморья единичны и по морфологическим признакам, цветовым характеристикам и типу орна-

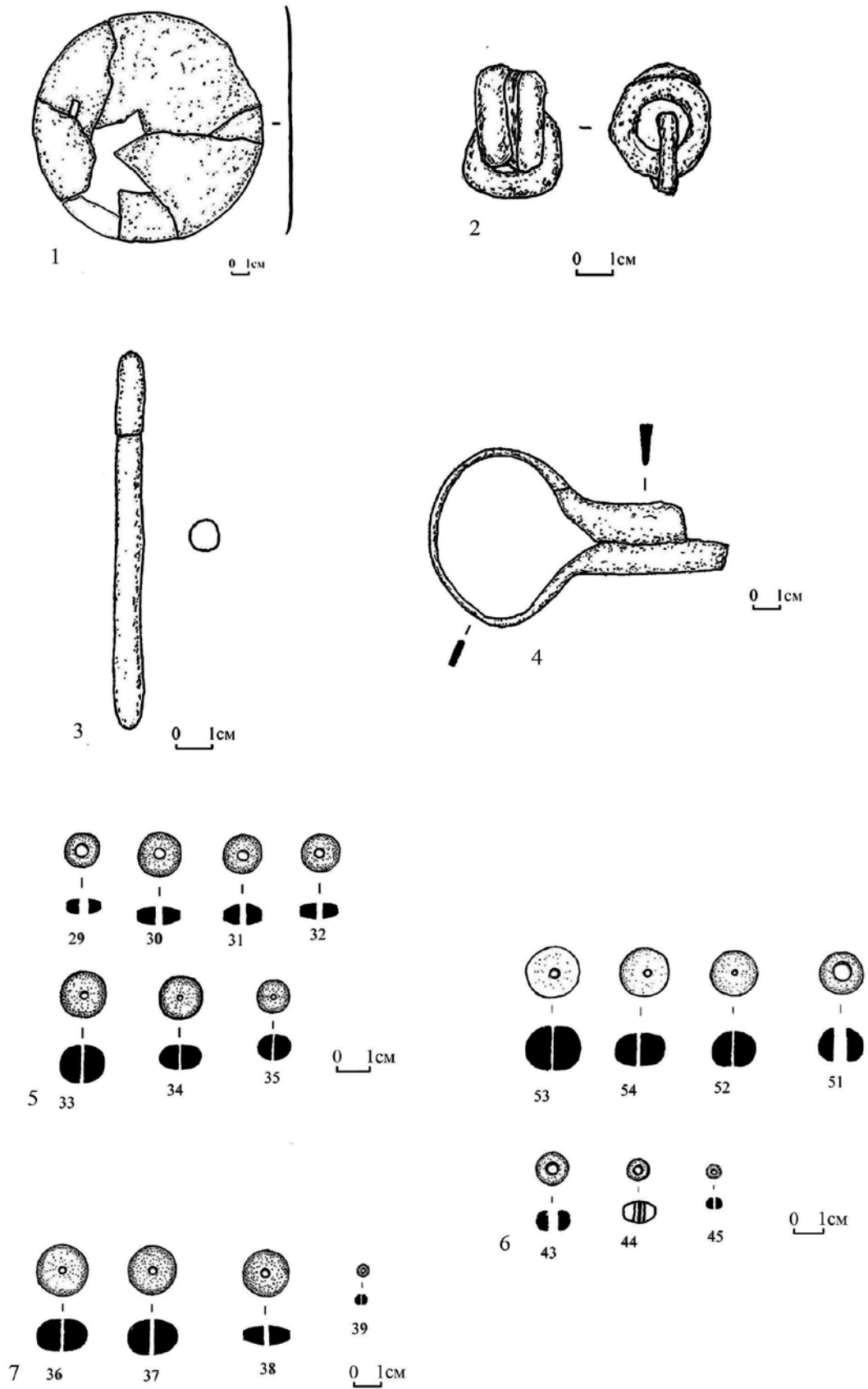

Рис. 6. Погребение № 11:

1 — зеркало билоновое; 2 — амулет железный в виде фрагмента цепи; 3 — игольник бронзовый; 4 — ножницы железные; 5 — бусы ожерелья; 6 — бусы с левой руки; 7 — бусы с правой руки

ментов отличаются от мезмайской чаши (Симоненко А.В., 2006, с. 125). Этот тип практически идентичен серии мозаичных чашек III группы, приведенных в каталоге музея искусств в Толедо, с датировкой в пределах второй четверти I в. н.э. (David Frederick Grose, 1989, с. 254), и близок чашке из Горгиппии (Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007, рис. 14).

Железные пружинные ножницы в погребальных комплексах рубежа эры на территории Прикубанья неизвестны, однако в кочевнических памятниках степной Евразии их наиболее ранние находки относятся к среднесарматскому времени (Кривошеев М.В., 2016, с. 128). На настоящий момент ножницы из Мезмая могут считаться наиболее ранними на Западном Кавказе (рис. 6, 4).

Серьга с парными конскими головками и подвесками на цепочках (рис. 5, 1) близка серьге из могильника Садовый (Беглова Е.А., 2007, с. 386). Несомненно сюжетное, морфологическое и технологическое сходство этих серег с фибулой из кургана № 2 у Зубовского хутора (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, табл. XIII, 136а). Вряд ли можно сомневаться, что зооморфные серьги и фибулы с подвесками составляют группу и характерны на территории Восточного Закубанья для погребений рубежа эры, часто определяемых как зубовско-воздвиженская группа (Воронятов С.В., 2012, с. 171). Подвески с парными конскими головками известны в произведениях колхидской торевтики, которая сыграла определенную роль в генезисе ювелирного стиля Прикубанья (Трейстер М.Ю., 2008, с. 517, рис. 10, 1, 2).

Золотая булавка с шаром на конце и подвесками на цепочках (рис. 5, 2) выполнена в том же стиле, что и серьги, и близка заколке из Хатажукаевского кургана. Комплекс, вероятно, датируется I в. н.э. (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, табл. III, 54, с. 88).

Подвески на цепочках (рис. 5, 3–5): скорее всего, являются деталями разного вида украшений, использованными для

декорирования парадной одежды. В набор входили две рифленые пронизи-трубочки, часто встречающиеся в качестве самостоятельных украшений (Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В., 2010, с. 26).

Золотая фибула-брошь (рис. 5, 7) находит аналогии среди брошей в виде восьмерки или «Герakлоva узла», верхняя дата бытования которых отнесена к середине II в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 31; Treister M.Yu., 2002, p. 40; Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 145). Фибула из настоящего комплекса позволяет уточнить датировку и говорить об использовании брошей этой серии, по крайней мере, до рубежа эры.

Особый интерес представляет набор из шести нашивных штампованных бляшек с изображением лежащего горного барана (рис. 5, 8). Бляхи зафиксированы залипшими вокруг черепа на уровне лба и, вероятно, были нашиты на головной убор или перевязь из ткани или кожи. Три бляшки находились в лобной части, две — в области висков и одна — на затылке. Подобные повязки с золотыми украшениями зафиксированы в аристократических погребениях у х. Песчаного и х. Пролетарского (Ждановский А.М., 1990, с. 105; Шевченко Н.Ф., 2008, с. 356). На Кавказе с кобанского времени фигурки, протомы, головки барана, воспроизведенные на разных изделиях, очень популярны, однако подобное полное изображение лежащего животного с подогнутыми ногами не известно. Близким является изображение козла или горного барана из Зивие (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 138). В сарматское время образ барана в памятниках Центрального Кавказа подвергается стилизации (Вольная Г.Н., Найфонова Ф.Т., 2016, с. 19), в том числе на нашивных бляшках (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 14 и сл.). В закубанских погребениях зубовско-воздвиженской группы хорошо известны зооморфные изделия, в том числе фибулы в виде фигурки лежащего барана, которые могут служить ближайшими по времени параллелями для

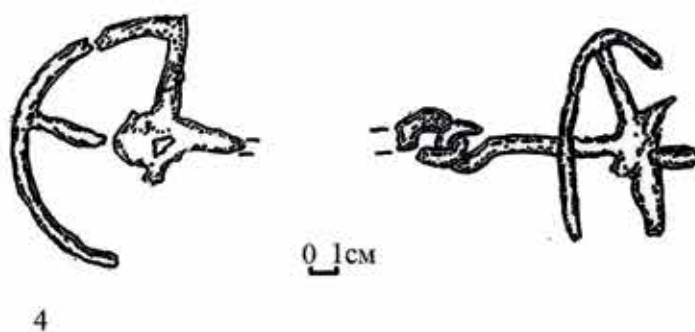
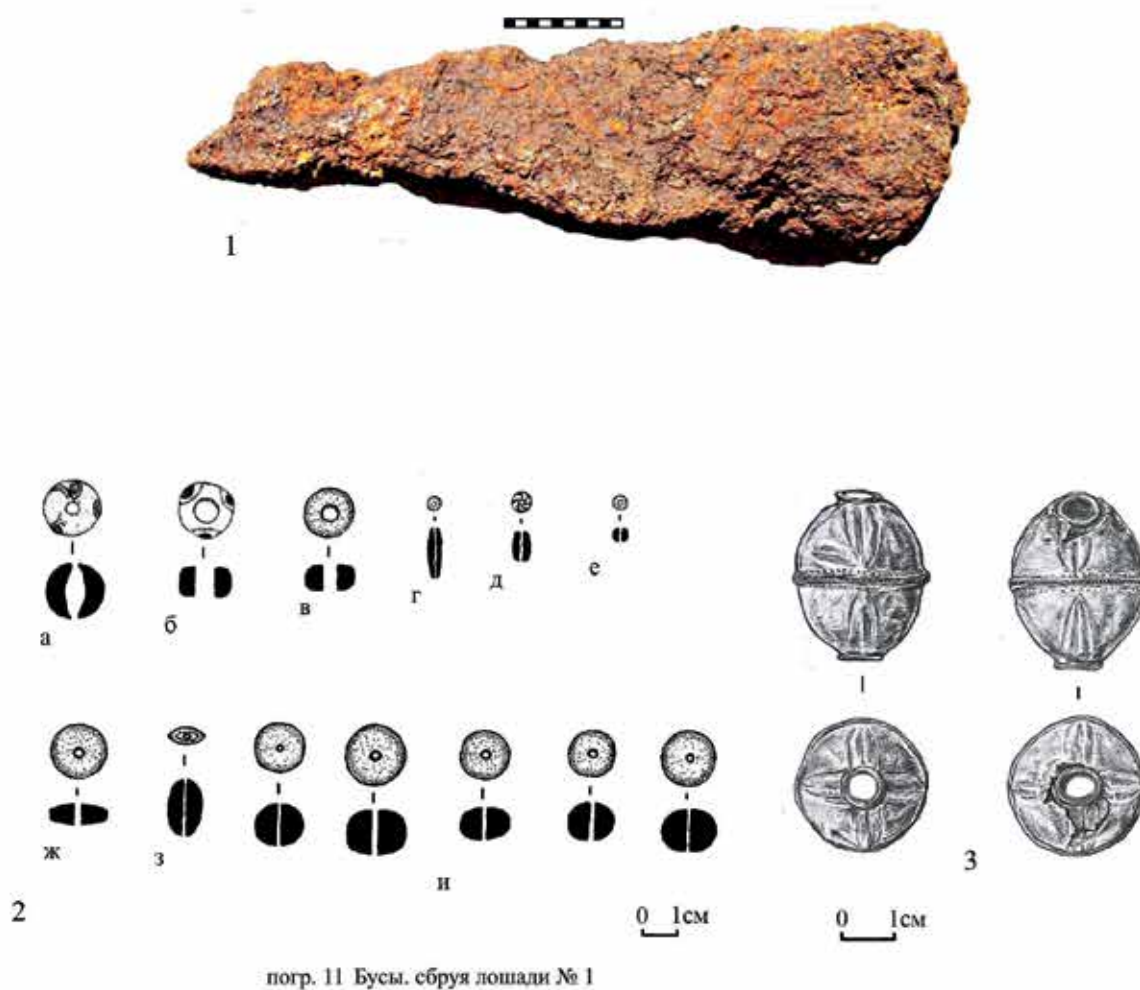

Рис. 7. Погребение № 11:
 1 — кольчужный доспех железный; 2 — бусы, найденные в области шеи лошади № 1;
 3 — бусы золотые от упряжи лошади № 1; 4 — удила железные лошади № 2

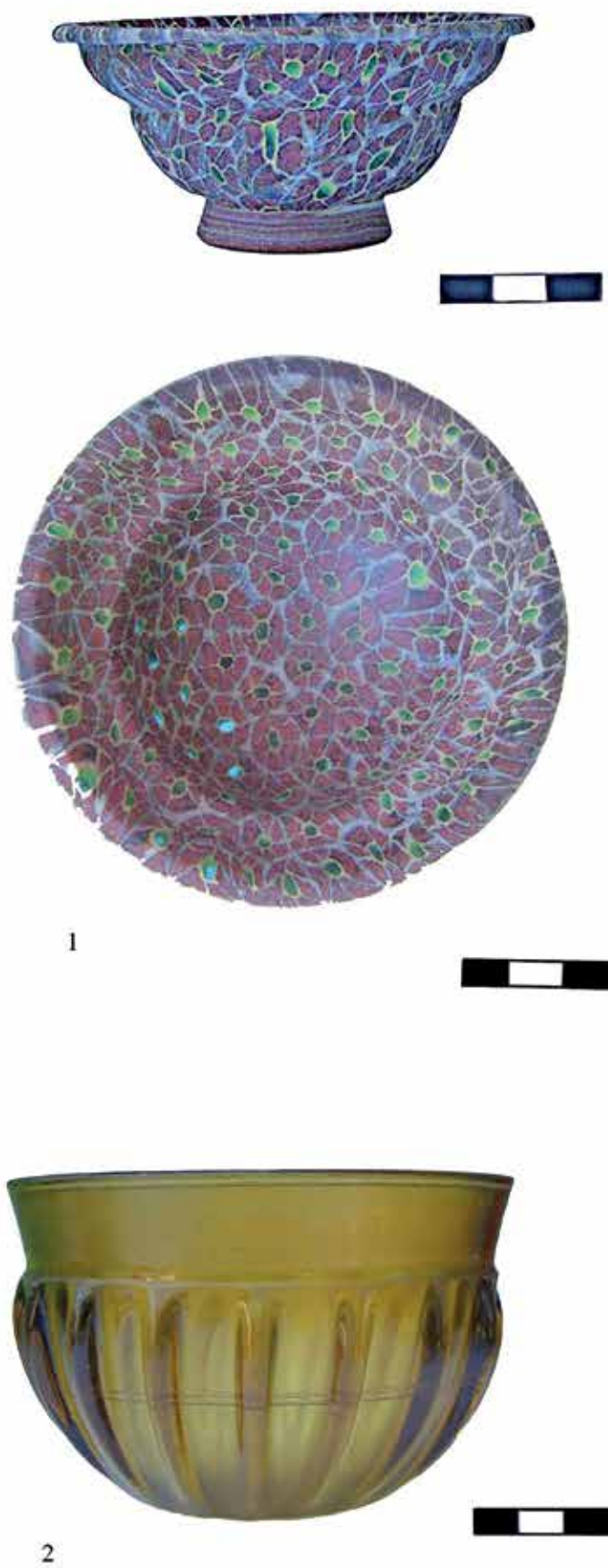

Рис. 8. Погребение № 11.

Фото: 1 – чашка стеклянная мозаичная; 2 – фиала стеклянная реберчатая

изображений на мезмайской диадеме (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, табл. XIV, 72, 84).

Орнаментальные мотивы на коричнево-глиняном кувшине (рис. 4, 1) близки сосуду из некрополя крепостного городища, который датируется авторами концом I в. до н.э. — началом I в. н.э. (Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2013, рис. 1, 4, с. 261). Похожий сосуд происходит из кургана № 1 могильника Камышевахский IV (Волынец Б.К., 2017, рис. 10, 1).

Кружка (рис. 4, 2) имеет специфическую угловатую форму с широким раструбленным горлом и может быть сопоставлена с некоторыми образцами, выделенными в материалах Тенгинского могильника в тип 3 (Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 141). Ближайшей аналогией является сосуд из сарматского погребения I в. н.э. под Армавиrom (Шевченко Н.Ф., 2004а, рис. 1, 2).

Находки свернутого в пакет кольчужного доспеха неоднократно отмечены как в могильнике Мезмай-1, так и в других некрополях в районе п. Мезмай и ст. Темнолесской, подвергающихся массовому разграблению. По большой массе металла грабители с помощью металлодетектора выходят на погребение, а потом бросают тяжелые комки окисленного железа в отвале. Исследованные в некрополе дружинные захоронения относятся к эпохе эллинизма, и кольчуги в них являются наиболее ранними на территории Прикубанья (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 142). Кольчуга из погребения 11 имеет вес, почти вдвое превышающий средние нормы для подобного доспеха, что может быть связано с наличием рукавов и подола, характерных для II–III вв. н.э. (Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017, с. 52). Показательно, что кольчуга была положена в могилу без сопутствующих предметов вооружения (дротики, наконечники стрел), характерных для т.н. «амазонских комплексов». Вряд ли это случайно, и дорогой доспех в погребении немолодой женщины намеренно подчеркивал особый статус его владелицы.

Игольница трубчатая с притертой крышечкой относится к типу 2 в классификации И.С. Бацанюк (Бацанюк И.С., 2020, в печати).

Зеркало (рис. 6, 1) может быть сопоставлено с зеркалами V типа, вариант 1, по классификации И.И. Марченко с датировкой в пределах II — I вв. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 19).

Вещи из органических материалов, за исключением тлена на зеркале, в погребении не сохранились, но расположение некоторых украшений позволяет говорить о деталях одежды. Так, бусы зафиксированы в виде трех скоплений: в области шеи; предплечье правой руки; предплечье левой руки. Если бусы в верхней части груди и у шейных позвонков могут с высокой степенью вероятности сопоставляться с ожерельем, то бусы у предплечий, скорее всего, свидетельствуют об обшивании нижней части рукавов⁴. Фрагменты золотой фольги с отверстиями для пришивания, найденные на уровне бедренных костей, могли быть нашиты с лицевой стороны на полы запашной парадной или ритуальной одежды. На этой же одежде в области груди, возможно, были нашиты восьмерковидная фибула-брошь и подвески. Здесь же находилась золотая булавка, но она могла закалывать накидку или плащ. Зеркало, скорее всего, висело в кожаном футляре на поясе.

Интересен набор предметов, найденный с внешней стороны правой плечевой кости и включавший бронзовый игольник и железные кольца, соединенные, как в цепи, — вещи, которые могли иметь не просто утилитарное, но, судя по обширным этнографическим параллелям, особое культовое назначение и поэтому уложенные отдельно (Веселовский Н.И., 1921, с. 279; Карамышева Б.Х., 1986, с. 153; Керевов Б.М., 1984, с. 150; Чурсин Г.Ф., 1927, с. 61–106).

Туши лошадей были аккуратно уложены в яму рядом с телом человека, при этом особенно интересно, что животные явно предназначались для разного использования.

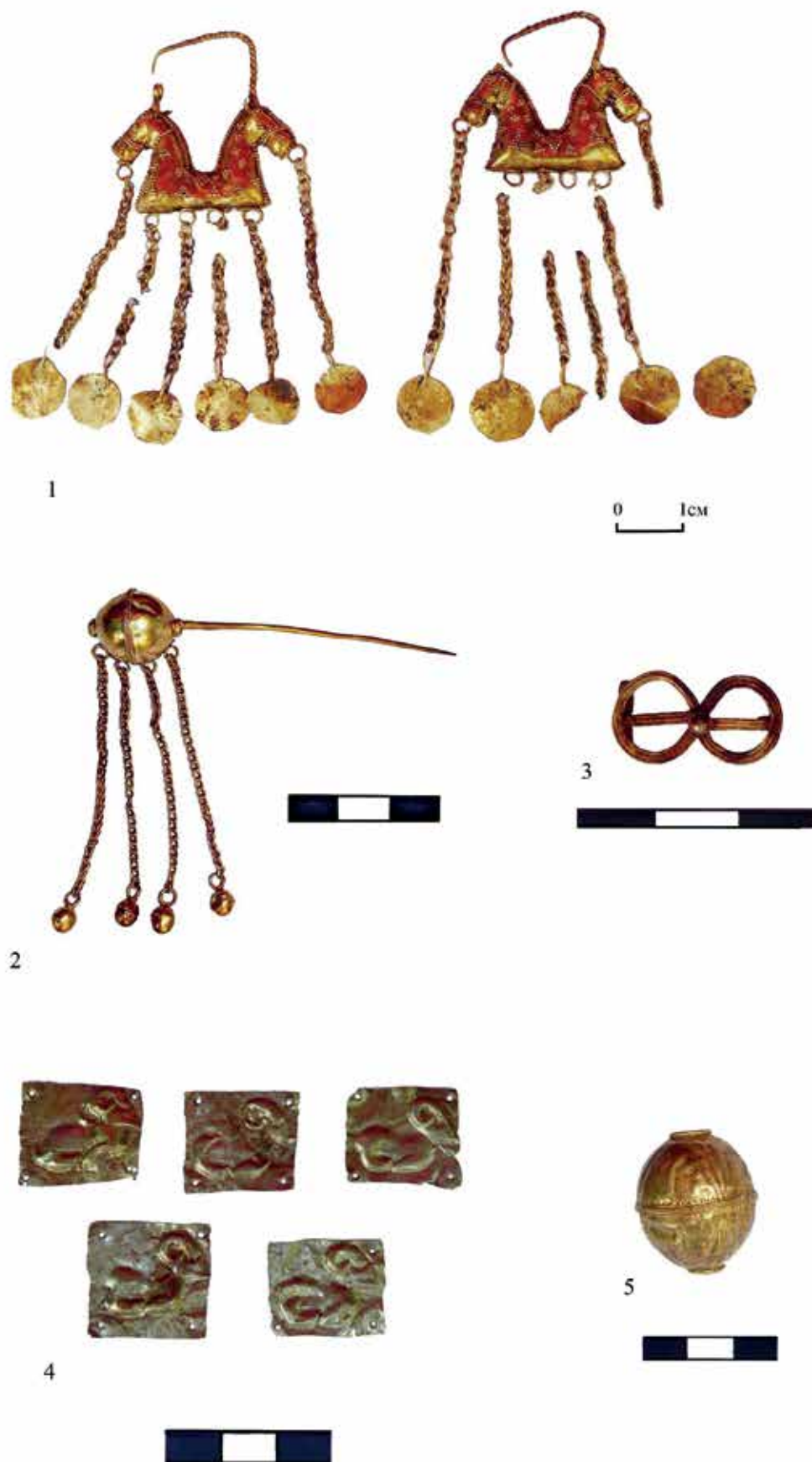

Рис. 9. Погребение № 11.

Фото: 1 – серьги золотые; 2 – булавка золотая; 3 – фибула-брошь золотая; 4 – пластины нашивные золотые; 5 – бусы золотые от упряжи лошади № 1

Лошадь № 1 (статусная) лежала рядом с костяком человека и была украшена вплетенными в гриву или нашитыми на поводья бусами из цветного стекла, аметиста, халцедона и янтаря. На ремнях оголовья по обеим сторонам морды были укреплены две полые золотые бусины. Подобные подвески бытуют в погребальных наборах конской упряжи на территории Прикубанья с I в. до н.э. по III в. н.э. (Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В., 2010, с. 25, 26), однако традиция использования крупных глазчатых бус в упряжи восходит к эллинистической традиции, зафиксированной в памятниках типа Новолабинская — Тенгинская (Симоненко А.В., 2012, с. 315).

Лошадь № 2 (ездовая) лежала поверх первой. В упряжи отсутствуют какие-либо украшения, в зубах зафиксированы фрагменты железных удиц с колесовидными псалями.

Лошади, сопровождающие мужские воинские погребения, являются обычной практикой у меотов Закубанья, но в женских захоронениях они сравнительно редки и могут входить в так называемые «амазонские комплексы» (Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 100, погр. № 218). Известен аристократический комплекс без оружия с богато украшенной лошадиной упряжью (Беглова Е.А., 2005, с. 166). Однако открытие в женской могиле двух взнузданных лошадей в разном уборе говорит о неординарном социальном статусе умершей.

Выводы

Женское аристократическое погребение в некрополе Мезмай-1 может быть датировано второй четвертью — серединой I в. н.э., хотя открыто среди группы ярких воинских захоронений эпохи эллинизма. Как уже неоднократно отмечалось, данный памятник относится к кругу меотских древностей и мог быть оставлен дружинами, которые контролировали горные торговые пути из степного Прикубанья в Закавказье и далее в Малую

Азию. Недавно была сделана попытка связать могильник с упомянутыми Страбонам племенами ахеев, зихов и гениохов (Дедюлькин А.В., 2016, с. 172), однако такая интерпретация вряд ли оправдана, так как он расположен на северных склонах Кавказа в долине р. Курджипис, притока Белой, и скорее тяготеет к памятникам группы Новолабинская — Тенгинская. Можно с большой долей уверенности говорить, что караванные пути через долины рек Лабы, Белой, Курджипис функционировали долго (Раев Б.А., 2006; Скаков А.Ю., 2006), в том числе с расцветом в среднесарматское время, что отразилось на формировании облика материальной культуры т.н. Зубовско-Воздвиженской группы. При сохранении стабильных источников дохода племена-бенефициарии по возможности сохраняли своё положение и традиционные устои, что характерно для населения замкнутых горных сообществ во все времена. Так, нюансы обряда погребения № 11 (ориентировка, захоронение лошадей, кольчуга) находят прямые аналогии в соседних, более ранних комплексах. Фибула-брошь в виде восьмерки тоже демонстрирует преемственность с предшествующим временем.

Однако это не снимает вопроса, почему одно женское захоронение представительницы высшей племенной аристократии римского времени оказалось в центре компактного дружинного некрополя эпохи эллинизма. Возникновение кажущейся парадоксальной ситуации связано с ошибочным определением размеров и внутренней топографии памятника. Могильник был зафиксирован на площадке заросшего горного склона, уступами спускающегося в ущелье с перепадом высоты почти в 200 м. Лишь позже выяснилось, что его территория кустами распространяется почти на весь склон и включает локальные участки с датировкой со второй половины III в. до н.э. как минимум до I в. н.э. В последнее время предметы I в. н.э. были зафиксированы в отвалах грабительских ям почти на границе поселка Мезмай.

Непрерывное существование здесь одной группы населения позволяет говорить о постепенном расширении некрополя вплоть до I века, а значит, практически исключить случайное попадание женского погребения на более древний участок с элитными воинскими могилами. Ситуация скорее указывает на осознанные

действия, связанные с особым статусом и неординарностью погребенной здесь пожилой женщины. Надо полагать, она сыграла значительную роль в гомогенном мужском сообществе и, вероятнее всего, находилась в кровном родстве с представителями племенной знати, погребенными в верхней части некрополя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антропологические определения выполнила с.н.с. Института аридных зон ЮНЦ РАН, к.б.н. Е.Ф. Батиева, которой автор приносит искреннюю благодарность.

2. Шестая пластина была обнаружена в залившем грунте при антропологическом определении костного материала.

3. При публикации кольчужного доспеха яма была ошибочно названа подбоем (Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017, с. 48).

4. Бусины лежат не в ряд, как бывает в случае с наборным браслетом, а хаотично разбросаны вдоль костей, что, вероятно, обусловлено положением складок ткани.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.*, 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. — Том II. — Краснодар.
- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П.*, 2007. Коллекция стекла античной Горгиппии (I–III вв). — М.
- Бацанюк И.С.*, 2020. Игольники в погребениях могильника Старокорсунского городища № 3 // XXXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. — Махачкала.
- Беглова Е.А.*, 2005. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. — Вып. 4. — М.
- Беглова Е.А.*, 2007. Погребения Зубовско-Воздвиженской группы из ст. Воздвиженской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сборник памяти М.П. Абрамовой. — М.
- Беглова Е.А.*, 2010. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. — Выпуск 5. — М.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р.*, 2018. Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. — М.
- Веселовский Н.И.*, 1921. Роль стрелы в обрядах и её символическое значение // ЗВО РАО. — Т. 25.
- Вольнец Б.К.*, 2017. Погребение сарматского времени из кургана № 1 курганного могильника Камышевахский IV // VII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологической конференции. — Краснодар.
- Вольная Г.Н., Найфонова Ф.Т.*, 2016. Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // Известия СОИГСИ. — Вып. 21 (60). — Владикавказ.
- Воронятов С.В.*, 2012. Погребение с «зубовско-воздвиженскими» чертами на Южном Буге. КЧ. XXVII.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М.*, 2013. Редкая парадная посуда Крепостного городища (г. Азов) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Третья Абхазская международная ар-

- хеологическая конференция. Посвящена памяти Г.К. Шамбы. — Сухум.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. — Вып. 70.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. — Санкт-Петербург.
- Ждановский А.М., 1990. Новые погребения сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. — Краснодар.
- Дедюлькин А.В., 2016. Шлемы аттического типа с козырьком и votивные клады III–I вв. до н.э. // Stratum plus (3). — Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса — Бухарест.
- Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017. Доспех из погребения рубежа эр могильника Мезмай 1. Кольчуги на Северном Кавказе // Stratum plus (4). Между лимесом и Поднебесной центра власти и производства. — Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса — Бухарест.
- Карамышева Б.Х., 1986. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии. — М.
- Керэфов Б.М., 1984. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени // Этнография и современность: Материалы Всесоюзной этнографической сессии, посвященной 60-летию образования СССР. — Нальчик.
- Кривошеев М.В., 2016. Ножницы в погребальном обряде сарматов // Материалы IX международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. — Оренбург.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. — Вып. 3. — Краснодар.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. — Краснодар.
- Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В., 2010. Сокровища древней Кубани. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. — № 4. — Симферополь. — Краснодар.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. — М.
- Раев Б.А., 2006. Святилище на р. Мзымте и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова: Материалы конференции. — Сухум.
- Симоненко А.В., 2006. Стекло миллефиори в сарматских погребениях. LIBER ARCHAEOLOGICAE: Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. — Краснодар.
- Симоненко А.В., 2012. Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. — Киев.
- Скаков А.Ю., 2006. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железного века // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематической научной конференции. — СПб.
- Трейстер М.Ю., 2008. Колхидские ювелирные украшения V–IV вв. до н.э. за пределами Колхиды. ДБ. — Т. 12.
- Фризен О.И., 2016. Штурбинский грунтовый могильник в Закубанье I–II вв. н.э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. — Оренбург.
- Чурсин Г.Ф., 1927. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского историко-археологического института. — Т. 5. — Тифлис.

- Шевченко Н.Ф., 2004а.* Новые сарматские погребения с территории Зубовско-Воздвиженской группы // МИАСК. — Вып. 4. — Армавир.
- Шевченко Н.Ф., 2004б.* Материалы исследований некрополя Горгипии в 2003 г. // МИАК. — Вып. 4. — Краснодар.
- Шевченко Н.Ф., 2008.* Погребения с фибулами из курганных могильников у х. Пролетарского // Древности Юга России: Памяти А.Г. Атавина. — М.
- Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И., 2011.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ). ВДИ 1.
- Шевченко Н.Ф., 2014.* Особенности социальной стратификации древнего общества (по материалам могильника Мезмай 1) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. — М.
- Isings C., 1957.* Roman glass from dating finds Groningen-Djakarte.
- David Frederick Grose., 1989.* The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass.
- Nina Kunina, 1997.* Ancient Glass in the Hermitage collection.
- Treister M.Yu, 2002.* Late-Hellenistic Bosphoran Polychrome Sphale and its Relation to the jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 8.

ЖЕНСКИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ САРМАТО-АЛАНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Среди находок в памятниках сарматских культур особое место занимают меловые статуэтки со схематично обозначенными антропоморфными чертами. Часть из них происходит с территории современной Волгоградской области. В насыпи кургана № 2 группы III у пос. Котлубань под перевернутым вверх глиняным горшком были обнаружены две меловые статуэтки длиной 7 и 3,5 см с частичной окраской красной краской (охра) (Скрипкин А.С., 1972, с. 213; Глухов А.А., Скрипкин А.С., 1999, с.134, 153, рис.11, 4,5). В насыпи кургана № 10 курганной группы у лимана Могут Волгоградской области также под перевернутым вверх дном горшком были обнаружены три куска мела. Два из них, более крупного размера, длиной 4,7 см, имели схематичные антропоморфные черты. В насыпи кургана № 5 у хут. Вертячего обнаружены развал горшка и две меловые статуэтки длиной 11 и 7,8 см. Как отмечается, такие формы горшков встречаются на протяжении всей сарматской культуры, но большинство аналогий найдено в прохоровских погребениях (Скрипкин А.С., 2010, с.73, рис.1, 6,7,8,9).

Одной из наиболее ранних находок, несмотря на некоторые эмоциональные возражения (Веселовский Н. И., 1910, с.9–11; 1910а, с.98–102), меловой антропоморфной статуэтки считают статуэтку длиной 9,5 см в левой руке погребенного, найденную в сарматском детском погребении №4 кургана I у с. Переездная в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (совр. Артемовский район, Донецкая область) (Городцов В.А., 1905, с.310; 1910, с.90,91; Вязьмитина М.И., 1986, с.215, рис.65). Погребение датируют последними двумя веками до н. э. — I в. н. э. Привлечение ее в контексте тюркской раннесредневековой скульптуры (Чхаидзе В.Н., 2014, с.105, 107, прим.3) было объективно ис-

правлено (Чхаидзе В.Н., 2017, с.424,425). Меловая антропоморфная статуэтка длиной 10,8 см зафиксирована с наружной стороны правой голени женщины в погребении у с. Заплавное Волгоградского Заволжья III–II вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1989, с.212, 374, табл.69, 53).

Меловая антропоморфная статуэтка длиной 8,3 см лежала у черепа погребенного ребенка в кургане № 16 I Кардаиловского могильника (Моргунова Н.Л., 1996, с.15, 35, рис.14, III, 2). Данную находку датируют в промежутке I в. до н.э. — I в. н.э. и по форме и размерам считают наиболее близкой бахмутской статуэтке (Богданов С.В., 1998, с.45, 48, рис.1, 2).

Статуэтка длиной 8 см лежала параллельно левой плечевой кости молодой женщины в погребении № 3 среднесарматского времени кургана № 5 могильника Быков-I (Смирнов К.Ф., 1960, с.181, 186, рис.6, 10), а другая статуэтка, длиной 11 см, — у ноги ребенка в погребении № 3 кургана № 2 группы Близнецы на р. Илек — III в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1975, с.51, рис.15, 8, 52). Допускается и более поздняя датировка: вплоть до конца I в. н. э. (Богданов С.В., 1998, с.44, 45, 48, рис.1, 1).

В сарматском погребении № 25 кургана № 27 у девочки 13–15 лет из Балабинского I могильника под Сальском II–I вв. до н.э. две женские, меловая и костяная, статуэтки зафиксированы у правой голени и правого плеча погребенной (Смирнов Ю.А., Узьянов А.А., 1977, с.121, 122; Мошкова М.Г., 1989, с.212, 384, табл.79, 14). У костяной статуэтки волосы переданы черной краской. Ее прямой аналогией считают костяную антропоморфную подвеску длиной около 4 см из детского погребения № 2 кургана № 13 могильника Покровка I (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.102, 120; Богданов С.В., 1998, с.45, 48, рис.1, 3). Меловая статуэтка, стилистически близкая

статуэткам, найденным в насыпях курганов у лимана Могута и хут. Вертячего, обнаружена в раннесарматском погребении кургана у г. Александровска Ворошиловградской области (совр. Луганская область) (Мошкова М.Г., 1989, с.374, табл. 69, 52).

Подобные меловые статуэтки представлены в сарматском погребении № 3 кургана № 74 у хут. Нового (Ростовская область) возле правой кисти погребенной и в погребении № 3 кургана № 132 того же могильника у правого плеча ребенка 5–6 лет (Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, с.84, 138, 139, рис.21, 39, 86; 34, 21). В погребении № 2 кургана № 10 могильника Танаберген II в верховьях р. Илек отмечена находка фрагмента каменной статуэтки, располагавшейся рядом с кусочком мела (Гуцалов С.Ю., 2006, с.73, 86, рис.9, 5).

Еще одна алебастровая статуэтка была обнаружена у правой ноги девочки 7–9 лет из погребения № 1 кургана № 3 I Нижнепавловского могильника бассейна р. Донгуз конца I в. до н. э. — начала II в. н. э. Отдельные части статуэтки раскрашены черной краской. Необычная по форме и исполнению статуэтка рассматривается как новый художественный стиль сарматов и в определенной степени сопоставляется (Богданов С.В., 1998, с.45, 46, 50, рис.3) с алебастровой статуэткой из Хазаринского могильника Среднеазиатского междуречья (Мандельштам А.М., 1992, с.110, 393, табл.43, 22).

Определение семантики находок изначально было затруднительно для исследователей (Maenchen-Helfen J.O., 1973, p.290–292). К.Ф. Смирнов по поводу находки из могильника Быково I, сопоставляемой им с меловой статуэткой из сарматского погребения у дер. Переездной на р. Бахмут, полагал справедливым давнее решение В.А. Городцова, автора второй находки, сопоставлявшего бахмутскую находку с каменными бабами. По его мнению, они предназначались для сопровождения покойника в загробный мир. Статуэтка

копировала и нижнюю часть каменных баб, предназначенную для вкапывания в землю (Городцов В.А., 1905, с.310–311; 1910, с.96). Быковская находка рассматривалась как указание на вероятное наличие у сарматов антропоморфного женского божества. Параллели ученый усматривал в деревянном изображении человеческой фигуры из Сусловского могильника, в каменной антропоморфной стеле из савроматской могилы V в. до н.э. кургана № 16 группы «Три брата» у г. Элисты, в двух сарматских стелах могильника у с. Заветное под Бахчисараем (Смирнов К.Ф., 1960, с.262).

В.Е. Максименко в целом определял балабинские статуэтки как культовые предметы (Максименко В.Е., 1983, с.141), указывая на сопоставимые образцы, иногда встречавшиеся в памятниках прохоровской культуры (Мошкова М.Г., 1963, с.47, рис.15, 1,2). В.И. Мамонтов и В.В. Матаев в отношении находки меловой статуэтки в женском погребении № 3 кургана № 4 могильника Усть-Погожье (Волгоградская область) полагают, что такие фигурки связаны с определенной ролью женщин в сарматской семье (Мамонтов В.И., Матаев В.В., 2017, с.107). М.Г. Мошкова полагала, что статуэтки связаны с культом предков-прародительниц (Мошкова М.Г., 1989, с.212).

В.С. Ольховский, отмечая находки в сарматских погребениях антропоморфных статуэток, изготовленных из мягких пород камня (известняк, мергель, алебастр), морфологически относимых к антропоморфным столбам, плоским и круглым скульптурам, а иконографически — к бюстам, полуфигурам и стоячим фигурам, считал их свидетельствами существования в сарматской среде собственной традиции создания небольших антропоморфных скульптур, что не исключало возможности инокультурных влияний, например, в контактных зонах эллинского или скифского, на развитие подобных традиций (Ольховский В.С. 2005, с.148, 280, ил. 153, 282, ил. 155). М.Г. Мошкова также полагала,

что со временем, очевидно, под влиянием античного искусства сарматские статуэтки приобретают все более реалистический характер исполнения (Мошкова М.Г., 1989, с.212).

Сопоставление находок из сарматских погребений со среднеазиатскими образцами соотносится с определением семантики среднеазиатских находок. Так, полагали, что они изначально связаны с культом предков, приобретая со временем некоторую трансформацию. Особо обращалось внимание на тюркский обычай «тул», в котором произошла контаминация представлений о содержании вечной души умершего в изображении с традициями культа предков. Он стоит в ряду с обычаями многих народов, но наиболее важным представляется осетинский обычай «сидения мертвецов», который, «... в сопоставлении с фактом помещения идолов в захоронения скифо-сарматского круга показывает, что какие-то обычаи такого рода существовали у древних ираноязычных кочевников, хотя конкретное содержание соответствующих верований выяснить пока не представляется возможным... находка в погребальном сооружении на Тепай-шах такого идола., по-видимому, свидетельствует о включении в состав местного населения каких-то групп кочевников, пришедших сюда с севера, и, во всяком случае, об идущих с севера сильных культурных влияниях» (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с.52,53).

В подобном контексте рассматривались и собственно осетинские этнографические материалы. Исследователи обратили особое внимание на упомянутый осетинский поминальный обряд «мæрдты бадæн» — «сидение мертвецов», когда изготовлялась специальная кукла-манекен. В нее, по представлениям осетин, на время вселялась душа покойника, в последний раз посещавшего родной дом для окончательного прощания с родными. Такая кукла являлась своего рода заместителем умершего, его знаковой моделью.

Обычай изготовления временного убежища для души покойного рассматривается как прямая осетино-среднеазиатская этнокультурная параллель. Инвариантом такой параллели признается осетинский обычай выставления кукол на могилах несовершеннолетних детей и незамужних девушек. У памирцев Верхнего Зерафшана существовал обычай выставления на длинном шесте над могилой куклы в виде мужчины или женщины. В целом данные обычаи восходят к древним представлениям о том, что инкарнированный в куклу покойник может оказывать живым всаческую помощь и содействие (Уарзиати В.С., 1987, с.74–77; 2007, с.211,212).

Среднеазиатские находки, включающие образец из кургана № 7 Хазаринского могильника, сопоставлялись с находками из сарматских погребений, а также со статуэтками из Северного Причерноморья, которые рассматривались как изображения богини, служительницами культа которой определялись сами погребенные женщины. На разных территориях такие богини носили различные имена. В Согде, например, это была богиня-покровительница Нана, образ которой слился с образом иранской богини Анахиты (Обельченко О.В., 1992, с.214,215).

Впоследствии вероятная семантика среднеазиатских находок на примере ферганских была расширена за счет привлечения дополнительных этнографических данных, перекликающихся с приведенными наблюдениями. Обращалось внимание на индивидуальные черты среднеазиатских статуэток середины I тыс. н. э., позволившие полагать в них изображения конкретных покойников. Находки связывались с погребальным культом и ритуалом.

Вновь указывалось на обычай «тул», ограниченный киргизским и казахским кругом в Средней Азии, но встречавшийся у народов Сибири. При сопоставлении с осетинским обрядом «мæрдты бадæн» справедливо указывалось на его отнесение к поминальным, а не к погребальным, как в случае с «тул». Обращалось внимание

на обычаи таджиков верховий Зерафшана, как и кяфилов Гиндукуша, выставлять на могилах юношей и девушек или нерожавших женщин траурный знак, увенчанный куклой женского или мужского пола, в зависимости от пола погребенного, одетой в платье покойного. В Южной Туркмении фиксировались схематичные антропоморфные надмогильные изображения. Они рассматривались как изображения покойного в память о нем или как его спутник или оберег. Данные материалы уже приводились без отмеченных выше осетинских параллелей.

Наконец обращалось внимание на двоякую роль еще одной группы антропоморфных изображений в погребальном обряде узбеков Ташкента и южных киргизов. Их клали под саван покойников, если при обмывании тело было мягким, что являлось признаком того, что умерший нуждается в спутнике и может призвать к себе кого-нибудь из оставшихся в живых. Куклу, чьи деревянные части заворачивались в ту же ткань, из которой был сделан саван, клали, если остались подвижными суставы и шея. Покойному говорили, что это его спутник, чтобы он не забрал с собой кого-то из членов семьи.

При отсутствии непрерывной традиции помещения в погребения антропоморфных изображений в Средней Азии в отличие от Сибири указывалось на приводившееся решение о культурном влиянии древних групп ираноязычных кочевников, пришедших с севера и влившихся в состав местного населения. У данного населения такие изображения были связаны с верой в то, что в них вселяются души умерших. Все ферганские статуэтки были найдены только в женских погребениях, что позволило рассматривать их как женские божества — обереги или семейные божества (Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н., 1995, с.78–81).

Кроме того, обращалось внимание на находку алебастровой статуэтки, сопровождавшейся богатым инвентарем, в кургане № 19 могильника Тура-Таш начала н. э.,

которая справедливо рассматривалась как аналогия с известными сарматскими статуэтками (Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с.47,48). Данная находка рассматривалась, на основании данных среднеазиатских эпоса и этнографии, как выражение представлений о спутнике погребенного или его заместителе (Скрипкин А.С., 2010, с.70).

Предложенные решения нашли свое развитие и в работах других исследователей. Было обращено внимание на каменные статуэтки, изображающие обнаженных женщин со сложенными на груди руками, в сарматских погребениях девочек. Отмечалось, что в упоминавшемся погребении № 25 кургана № 27 Балабинского I могильника I в. до н. э. такая статуэтка с несколько согнутыми ногами лежала на правом боку, обращенная лицом в ту же сторону, что и хозяйка. Поэтому было предложено возможным воплощение в статуэтке личного покровителя или души умершего. Одна из статуэток из данного могильника представлена в островерхой шапочке. Схожая с бахмутским образцом агатовая статуэтка отмечена в женской могиле из того же региона в погребении № 26 кургана № 1 у хут. Алитуб (Яценко С.А., 1992, с.200, 204, 213, табл.13, 4,6,10; 2000, с.268, прим.27).

Аналогии балабинскому ритуалу соответственно усматривали в женских погребениях Средней Азии, с которой во многом связан этногенез сарматов и аланов. Положение балабинской статуэтки сопоставлялось с положением крупной антропоморфной фигуры на правом боку, у которой отсутствовали правые рука и нога, в погребении № 2 в Тандыр-ауле (Таджикистан) эпохи бронзы. Типологически близкими балабинскому образцу признавались идольчики из женских погребений кочевников античной Ферганы, сделанные из алебаstra и расписанные краской.

В данном случае такие статуэтки связывались с представлениями, еще недавно бытовавшими в Средней Азии, у узбеков и киргизов, контактировавших с таджиками

о том, что при определенном состоянии трупа на момент похорон (мягкое тело) он мог увлечь с собой в могилу кого-то из близких родственников или друзей. Тогда под саван клали специальную куклу-спутника, чтобы предотвратить такое развитие событий (Яценко С.А., 1996, с.142,143; 2000, с.261).

В конечном итоге статуэтки-идольчики связывались с центральноазиатскими истоками. Они рассматривались как женские фетиши, в которые могли вселяться души умерших (Яценко С.А., 1992а, с.76, 82). В настоящее время цель помещения в некоторые погребения девочек и женщин антропоморфных фигурок из мела исследователь считает неясной (Яценко С.А., 2016, с.42).

Заметим, что попытка приложить центральноазиатские параллели и к статуэткам, найденным в меотских памятниках, вызвала к себе критическое отношение (Шевченко Н.Ф., 2013, с.39,40). Наличие подобных находок (Горбенко А.А., Косеняко В.М., 2016, с.85) нуждается в проведении отдельного анализа по образцам из меотских памятников, в том числе для последующего сравнения с сарматскими образцами. Конечно, в данном вопросе, в свою очередь, займет свое место и проблема давних тесных меото-сарматских связей, а в случае перемещения меотского населения на Дон и высказывавшегося исследователями решения о зависимости данной части меотов от аланов. Пока мы имеем интересные, но лаконичные замечания по меотским образцам, но уже привлекающие показательные сопоставления (Хачатурова Е.А., 1997, с.55,56). Как представляется, они имеют и более значимые перспективы (Шаров О.Б., 2017, с.226–231), действующие и важные для нас сопоставительные материалы.

Тем не менее заметим, что некоторые находки уже сегодня позволяют сделать краткие замечания. Так, находка меловой статуэтки, определяемой как воплощение образа богини, из погребения № 3 на улице Колонтаевской в г. Азове, к сожалению,

не сопровождается точными данными по условиям находки и описанием. Но опубликованный рисунок статуэтки, несмотря на замечание об отсутствии известных аналогий (Горбенко А.А., Косеняко В.М., 2018, с.187, рис.3, 2), позволяет указать на такую аналогию, хотя и имеющую некоторые отличные черты в лице упоминавшейся меловой статуэтки из погребения № 1 кургана № 3 I Нижнепавловского могильника, видимо, достаточно близкой и по времени (Богданов С.В., 1998, с.50, рис.3). Указанные для нее среднеазиатские параллели могут рассматриваться и в контексте аланской истории.

Некоторые находки в сарматских памятниках сопровождалась напутственной пищей. Их связь с погребальным культом представляется несомненной. Накрывание статуэток горшками сопоставляется с конструкцией могильных сооружений, предохранявших погребенных от засыпания земель. В целом погребения преимущественно датируются раннесарматским или среднесарматским временем. Там, где можно было определить пол погребенных, они оказались женскими, остальные погребения — детские. Также при возможности определения пола для статуэток все они оказались женскими. Сами погребения отличались относительным богатством могильного инвентаря. Статуэтки отличаются индивидуальные черты, а для парных находок предлагается связь статуэток большего размера с женщинами, меньшего — с детьми (Скрипкин А.С., 2010, с.69,70).

Заметим, что помещение двух меловых статуэток под перевернутым вверх глиняным горшком в насыпи кургана № 2 группы III у пос. Котлубань скорее позволяет рассматривать их как предметы, связанные с погребальным культом. Подобное переворачивание различного рода сосудов, мисок, котлов неоднократно фиксировалось в сарматских погребениях, возможно, связываясь с представлениями о магическом приеме «переворачивания», символизирующего замену одного пространства другим (Косарев М.Ф., 2003,

с.150,151), т. е. переходом, передачей в загробный мир неких объектов или душ.

А.С. Скрипкин, отмечая связь антропоморфных статуэток с погребальным культом у многих древних народов, о чем свидетельствуют погребения с различных территорий с эпохи энеолита, для среднеазиатского региона — с эпохи раннего железа, признает отождествление таких статуэток в погребениях со спутниками погребенного или его заменителем. Правомочность привлечения среднеазиатских (ферганских) аналогий для выяснения назначения сарматских статуэток определяется фактом участия в сложении культуры подбойно-катакомбных погребений среднеазиатских районов отдельных групп сарматских племен, у которых такие находки датируются более ранним временем (Скрипкин А.С., 2010, с.68, 69).

Ученый обращал внимание на данные «Авесты» о почитании древними иранцами духов дома, семьи — нманьи, изображавшихся в виде идолов. В «Авесте» духами умерших предков выступают фравашаи, которые обычно отождествлялись с существами женского пола. В находках статуэток под горшками в насыпях курганов предлагается усматривать символические погребения, связанные с теми же представлениями (Скрипкин А. С., 2010, с.66–72).

Заметим, что нманьи выступали конкретно духами домашнего очага. Они являлись еще дозорострийскими божествами, чей культ был весьма широко распространен. Образы фравашаи также связаны с нманьи. Первоначально они были душами обожествленных предков, почитавшимися потомками, которым они оказывали помощь. Они стали своего рода ангелами-хранителями, приставленными к каждому существу. Они живут в стране молчания, в могиле под землей, вблизи их прежнего дома.

Данные сопоставления, включающие известный круг научных наблюдений (Шаров О.В., 2017, с. 228–230), принимаются и другими исследователями, одно-

временно указывающими на образ богини, подательницы жизни (Досымбаева А. М., 2002, с. 84–86). Образ богини усматривают в меловых и алебастровых статуэтках первых веков н. э. из сарматских и среднеазиатских погребений и другие ученые (Терновая Г.А., 2008, с. 229–230). Заметим, что, и по осетинским представлениям, у каждого человека также есть свой ангел-хранитель.

В сарматском женском погребении № 2 кургана № 1 могильника Чугуно-Крепинка I–II вв. н. э. представлены поделки из известняка яйцевидной, шаровидной и антропоморфных форм. Надо полагать, что последняя поделка относится к интересующему кругу антропоморфных статуэток. Для двух первых образцов рассматривается символика яйца, связанная с плодородием, началом жизни и потомством. Находка антропоморфного образца в русле рассмотрения меловых статуэток как изображений предков-прародителей, оказывавших покровительство роду и обеспечивавших его продолжение, сопоставляется (Шепко Л.Г., 2018, с.290, 291, 292) с прежними традициями народов Средней Азии. Здесь в комплекс наряда невесты включали кожаную сумочку или серебряную коробочку, в которую некогда укладывали глиняного или деревянного божка. Ее вешали на бедра невесты, чтобы было много детей, а роды прошли легко (Борозна Н.Г., 1975, с.291–292).

По заключению С. В. Богданова, статуэтки обнаруживались в погребениях малолетних детей 5–12 лет и подростков 12–16 лет. При возможности определения пола погребенного он оказывался женским. Поэтому полагали, что погребения принадлежали девушкам, не достигшим брачного возраста. Статуэтки носили следы их долгого использования при жизни. Погребения со статуэтками помещаются в хронологическом диапазоне от конца II в. до н. э. до II в. н. э. (Богданов С.В., 1998, с.46). Однако заметим, что определение добрачного возраста представляется натянутым.

Исследователь полагает, что автохтонная раннесарматская традиция использования мела как символа чистоты и небесного света могла дополниться заимствованным из Средней Азии антропоморфизмом. Такие антропоморфные статуэтки изображали религиозно-мифологический женский персонаж, который мог служить и в качестве семейного или родового идола-кумира. Сам персонаж вслед за К.Ф. Смирновым связывается с образом женского божества сарматов, которому семантически соответствует эротическое божество ведийских ариев Ушас (Богданов С.В., 1998, с.47).

Находки меловых статуэток фиксировались не только в сарматских памятниках, но и, например, в раннеаланском катакомбном могильнике Байтал-Чапкан (Карачаево-Черкесия), датированном концом IV в. — V в., что ускользнуло от внимания большинства современных исследователей. К сожалению, погребение было вскрыто посторонними лицами. Первая статуэтка длиной 10 см имела грубо обозначенные антропоморфные формы, вторая, сохранившаяся в трех фрагментах, еще более примитивна и имеет конусовидную форму.

Ближайшей аналогией первого считают упоминавшийся бахмутский экземпляр. Отмечают и общие стилистические черты с каменным истуканом с городища Гиляч. Для второго отмечают находки в сарматских погребениях Нижнего Дона. Такой конусовидный кусок мела, например, представлен в женском погребении с деформированным черепом на р. Торгун. Кусок мела менее правильной формы фиксировался в сарматском погребении кургана № 2 у с. Абганерово на р. Аксай, в курганах № 35, 39, 47, 54 Сусловского могильника и т. д. (Минаева Т.М., 1950, с.231–233, рис.2а,б; 1956, с.252–253, 254, рис.12, 1 2). Подобные образцы ранее известны и по материалам других сарматских погребений (Смирнов К.Ф., 1959, с.255,256, рис.19, 11; 1975, с.51,52, рис.15, 8; 1984, с.88, рис.40, 3,88,89; Ильюков Л.С.,

Власкин М.В., 1992, с.210; Мамонтов В.И., Матаев В.В., 2017, с.100, 107, 113, рис.5, 12).

Примитивная конусовидная форма статуэток напоминает, например, более поздние находки подобных меловых конусов в постройках Маяцкого поселения (Винников А.З., Плетнева С.А., 1998, с.62, рис.20, 4–8), что, видимо, должно учитываться при поиске значения подобных находок и в погребальных памятниках. Подобные сарматским примитивным статуэткам глиняные образцы были также ранее найдены, например, в «Большом доме» Джеты-асара-3 в слоях первых веков н. э., вплоть до IV в. включительно, в помещениях на поселениях Крыма первых вв. н.э., когда такие статуэтки могли покрываться несколькими слоями извести, каждый из которых окрашивался в красный цвет (Кругликова И.Т., 1961, с.77, рис.30, 2а,б, 79, рис.32, 1,80,82; Левина Л.М., 1968, с.168, рис.1, 1,3; 1996, с.246; 2000, с.179, рис.35, 1,3). В связи с условиями находок вновь вспоминаются образы нманы.

Находка из Байтал-Чапкана справедливо рассматривалась как общесарматская черта погребального обряда (Алексеева Е.П., 1971, с.82, 84, 99), предполагая этническое родство (Минаева Т.М., 1950, с.233). Заметим, что некоторые материалы позволяют говорить о наличии в представлениях северокавказских аланов того времени образа богини домашнего очага, для воплощения антропоморфного образа которой местные мастера могли использовать персидские образцы изображений Анахиты (Jeroussalimskaaya A., 1989, p.901). Вместе с тем такой подход в определении семантики статуэток не должен служить поводом для субъективных построений.

Так, некоторые авторы, отмечая находки из Байтал-Чапкана в сопоставлении с иными сарматскими материалами, умозрительно сопоставляют их с неким культом Великой Матери-земли, олицетворением которой у сарматов якобы стала ближневосточная Астарта с деформированными черепами аланов и закладными белыми

мергелиевыми плитами «почти треугольной формы» из катакомб того же могильника Байтал-Чапкан (Мекерова М.Дж., 2008, с.128,129,131; 2010, с.169,170,173). Решение крайне субъективно, не имеет никакой опоры в археологических материалах. Допускается искажение информации даже по частным вопросам. Так, закладные мергелиевые плиты серо-голубого цвета не имели определенной формы, изготавливаясь в целях закрытия входов в камеры круглой или арочной формы, чем и диктовались их формы и размеры (Минаяева Т. М., 1956, с.237,240, рис.3, 1).

Примитивные формы статуэток из Байтал-Чапкана позволяют обратиться к некоторым другим материалам из северокавказского региона. Одним из них является находка, определяемая как антропоморфный амулет, изготовленный из белого известняка, согласно устной информации находившаяся у головы погребенного ребенка 3–5 лет в катакомбном погребении № 1 могильника Высокогорный 4 в Кисловодской котловине, датируемом началом III в. н. э. Погребение склонно относить к местному «субстратному» населению, имевшему связи с аланами. Находка сопоставляется с каменным амулетом антропоморфной формы из катакомбы № 65 Дмитриевского могильника VIII–IX вв., а также приводится информация о четырех глиняных предметах близких размеров в форме цилиндра с перехватом и углублениями с торцевых сторон, происходящих из района Цинандали в Грузии и хранящихся в коллекции ГИМ (Коробов Д.А., 2010, с.138, 139, 141, 142, 145, 147, рис.3, 3; 4, 6).

В указанной дмитриевской катакомбе представлены две меловые статуэтки (Плетнева С.А., 1989, с.99, рис.50, 1,2). Они лежали среди потревоженных костей ребенка 7–9 или 13–14 лет (Плетнева С.А., 1989, с.100; Сарапулкин В.А., 2017, с.144–151). Статуэтки являются поясными изображениями. По мнению С.А. Плетневой, одна статуэтка изображала мужчину с некоторыми монголоидными чертами, в

шапке с плоской тульей. От второй статуэтки сохранилась только голова, определяемая как женская, с большими глазами. Полагается, что на нее изначально надевалась матерчатая шапочка (Плетнева С.А., 1989, с.100).

Исследователи отмечают, что в других катакомбных памятниках салтово-маяцкой культуры подобные находки не известны, хотя не исключается использование, например, деревянных образцов. Полагается, что меловые статуэтки являлись атрибутом культа семейно-родственных покровителей, не связанным напрямую с погребальной обрядностью. Такие статуэтки аланы использовали в ритуальных целях и лишь в редких случаях помещали их в погребения. С.А. Плетнева не исключала, что обе статуэтки были простыми игрушками умершего ребенка, одновременно отмечая, что провести грань между обычной игрушкой и магической фигуркой-оберегом не представляется возможным (Плетнева С.А., 1989, с.100). В.А. Сарапулкин предположение об исполнении статуэтками роли игрушек посчитал неактуальным, т. к. они сопровождают и взрослые погребения. Таким образом, роль статуэток в погребальной обрядности аланов Подонья признается туманной (Сарапулкин В.А., 2017, с.151,152).

Сложно согласиться с параллелью для образца из могильника Высокогорный-4 в лице дмитриевских находок, т. к. они типологически резко отличны друг от друга. Следует также поправить заявление исследователей в отношении находок в Дмитриевском могильнике, что «упоминания о присутствии изваяний в катакомбных захоронениях кавказских аланов эпохи раннего средневековья нам не известны» (Сарапулкин В.А., 2017, с.151). Параллели и прямые аналоги дмитриевских образцов надежно представлены в аланских погребениях Северного Кавказа.

К ним следует отнести две каменные статуэтки, представляющие мужские антропоморфные образы, возможно, передающие европеоидный и монголоидный

антропологические типы, обнаруженные в дромосе входной ямы катакомбы № 42 Бесланского могильника (Северная Осетия). Само погребение, судя по сохранившемуся инвентарю, было женским и входило в группу, датируемую серединой — второй половиной III в. н.э. (исключая финал столетия). Одна из статуэток зафиксирована вместе с фрагментом бронзового зеркала под перевернутой глиняной миской, что логично сопоставляется с находками в сарматских погребениях под перевернутыми горшками. По мнению А.А. Кадиевой, бесланские находки сопоставимы с дмитриевскими образцами, которые при дополнительном исследовании можно было бы удреветить на два столетия. Они отражают традицию помещения в могилы антропоморфных статуэток, что еще раз подчеркивает связь «раннеаланской» культуры с сарматским миром (Кадиева А.А., Дзугцев Ф.С., 2012, с.109–111, 115, рис.2, 3; Сокровища Алании, 2011, с.158, ил.181, 182).

К данной группе относится и меловая статуэтка, приобретенная в 1897 г. у начальника Владикавказского округа Д.А. Вырубова. Не исключают, что она происходила из того же Бесланского или Брутского могильника (Кадиева А.А., Дзугцев Ф.С., 2012, с.111, 112, 114, рис.1). Отметим, что место находки может и не быть связанным с указанными могильниками. Коллекция была приобретена у Д.А. Вырубова в марте 1897 г., когда он уезжал из Нальчика во Владикавказ, сменяя пост начальника Нальчикского округа на пост начальника Владикавказского округа. Поэтому, скорее, статуэтка происходит с какой-то другой территории прежнего Нальчикского округа.

Прямой аналогией дмитриевских образцов является находка из заполнения входной ямы катакомбы № 1 Дагомского могильника (Северная Осетия), датированной второй половиной VI в. — первой четвертью VII в. (Шестопалова Э.Ю., 2016, с.108; 2018, с.258, рис.12, 63, 339, рис.88; Сокровища Алании, 2001, с.164, ил. 99,

239). В самой катакомбе были погребены знатный воин и две женщины, одна из которых явно происходила из социально зависимых слоев общества. Таким образом, северокавказские образцы определяют источник появления дмитриевских статуэток. Следует согласиться с заключениями исследователей о том, что данные антропоморфные статуэтки сопоставимы с дмитриевскими образцами, а условия их находок надежно отрицают рассмотрение статуэток как игрушек и связывают их с погребальным обрядом (Шестопалова Э.Ю., 2018, с.15, 180–182).

Одновременно в отношении бесланских статуэток к сопоставлению привлекались высокогорная и кишпекская находки (Кадиева А.А., Дзугцев Ф.С., 2012, с.111,112). Но данная линия сопоставления должна быть отвергнута, поскольку типологически бесланские находки резко отличны. В то же время действительно антропоморфный амулет, изготовленный из белого известняка из катакомбного погребения № 1 могильника Высокогорный 4, имеет ближайшую себе типологически, хронологически и территориально аналогичию в лице мергелиевой статуэтки из кургана № 13 могильника Кишпек (Кабардино-Балкария) (Бетрозов Р.Ж., 1987, с.38, рис.VII, 3; Керевфев Б.М., 1988, с.26), в котором находилось, видимо, захоронение воина достаточно высокого ранга. Обычно погребение датируется второй половиной III в. или началом IV в. н.э. Погребение явно относится к догуннскому периоду.

Сегодня в круг аналогий следует ввести находку меловой статуэтки высотой 4 см, обнаруженной в головах погребенных в камере указанной выше катакомбы № 1 Дагомского могильника (Шестопалова Э.Ю., 2018, с.182, 258, 338, рис.88, 60). Данная находка важна и в том плане, что она противопоставляется находке антропоморфной статуэтки в заполнении входной ямы, доказывая, что она совместно с высокогорным и кишпекским образцами представляет отличную от дмитриевских линию.

Дагомская находка в целом связывается с образом Мировой горы, но «...могла символизировать любую гору Кавказского хребта, особо почитаемую местным населением...» (Шестопалова Э.Ю., 2018, с.182,183). К сожалению, мы не можем принять такой интерпретации. Повторим, что ближайшими стилистически и территориально, но более ранними хронологически следует признать упоминавшиеся находки из погребения № 1 могильника Высокогорный 4 и кургана № 13 могильника Кишпек, что и должно определять общий круг и семантику подобных находок. Таким образом, выявляемая группа (Высокогорный 4, Кишпек, Дагом) стилистически и по материалу изготовления вполне самостоятельна, что делает излишним сопоставление с глиняными образцами из Закавказья. Семантически и культурно данные находки сопоставимы с находками из Байтал-Чапкана.

Исходя из общего круга сарматских находок, следует говорить не о возрождении сарматских традиций в аланском обществе, а о непосредственном продолжении таких традиций как непрерывной линии, т. е. рассматривать находки, как полагалось другими исследователями в отношении статуэток Байтал-Чапкана, как общесарматскую черту погребального обряда. Линия же бюстовых статуэток, изображающих мужские персонажи, нуждается в отдельном исследовании для понимания ее генезиса и семантики.

Следует напомнить о решении исследователей, усматривавших в части на-

ходок скульптур в сарматских женских и детских погребениях заместителей покойника, объектов, в которых воплощались души умерших. Заметим, что сегодня подобный подход предлагается в отношении, например, погребальных монументальных статуй половцев (Гугуев Ю.К., 2017, с.245–253).

В целом статуэтки представлены в погребениях маленьких детей, а где также удалось установить возраст, — девочек, вступивших в половозрелый возраст, и женщин. Надо полагать, что на сегодняшний момент мы можем ограничить примеры находок группой маленьких детей и группой женщин, от детей до половозрелых девочек и женщин репродуктивного возраста. Такие находки могли носить и парный характер, соответственно, сопровождая женщину и ребенка, погребенных вместе.

Несомненное признание в сарматских статуэтках женского образа позволяет также предполагать, что мы имеем дело и с воплощением образа женского божества, покровительствовавшего детям и деторождению, т. е. одной из ипостасей Великой богини как прародительницы всего живого, подательницы жизни. Истоки такого образа богини были очень древними у разных народов, включая представителей иранского мира. В таком культе занимали свое место и представления о существовании души после выхода из тела (экстаз, смерть) (Мачинский Д.А., Чугунов К.В., 1998, с.186, 187).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1971.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). — М.
- Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). — Фрунзе.
- Бетрозов Р.Ж., 1987.* Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. — Т. 3. Памятники средневековья (IV–XVIII вв.). — Нальчик.
- Богданов С.В., 1996.* Идолы и амулеты сарматских погребений Урало-Казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. — Вып. 1. — Уфа.
- Борозна Н.Г., 1975.* Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения

- Средней Азии // Домусульманские верования народов Средней Азии. — М. Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н., 1995. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. — М.
- Веселовский Н.И., 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе (с 4 табл. и 11 рис.) // Известия Императорской археологической комиссии. — Вып. 35. — СПб.
- Веселовский Н.И., 1910а. По поводу ответа В. А. Городцова // Известия Императорской археологической комиссии. — Вып. 37. — СПб.
- Винников А.З., Плетнева С.А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. — Воронеж.
- Вязьмитина М.И., 1986. Сарматское время // Археология Украинской ССР. — Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев.
- Глухов А.А., Скрипкин А.С., 1999. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье: Сборник научных статей. — Вып. 3. — Волгоград.
- Горбенко А.А., Косеняко В.М., 2016. Новые открытия в Крепостном городище и некрополе в г. Азове Ростовской области // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). — Ростов-на-Дону.
- Горбенко А.А., Косеняко В.М., 2018. Редкие находки в некрополе Крепостного городища (г. Азов) в 2014 году // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. — Сухум.
- Городцов В.А., 1905. Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. в 1903 г. // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. — Харьков.
- Городцов В.А., 1910. Бахмутская «миниатюрная каменная баба» (Ответ проф. Н. И. Веселовскому) // Известия Императорской археологической комиссии. — Вып. 37. — СПб.
- Гугуев Ю.К., 2017. О палеоэтнографическом подходе к изучению половецких святилищ и статуй // Новое прошлое. — № 4. — М.
- Гуцалов С.Ю., 2006. К проблеме стыка прохоровской и суловской культур в степях Южного Урала // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. — Вып. I. — Волгоград.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. — Ростов-на-Дону.
- Кадиева А.А., Дзуцев Ф.С., 2012. Антропоморфные статуэтки с территории Северного Кавказа // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзитской. Труды ГИМ. — Вып. 189. — М.
- Керефов Б.М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. — Нальчик.
- Коробов Д.А., 2010. Погребальный комплекс начала III в. н. э. из Кисловодской котловины // РА. — № 1. — М.
- Косарев М.Ф., 2003. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. — М.
- Кругликова И.Т., 1961. Поселение у деревни Семеновки // КСИА. — Вып. 83. — М.
- Левина Л.М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. — М.
- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. — М.
- Левина Л.М., 2000. Часть третья. Древности низовьев Сырдарьи // Рапорт

- Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. — М.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983.* Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. — М.
- Мамонтов В.И., Матаев В.В., 2017.* Материалы курганного могильника Усть-Погожье // Нижневолжский археологический вестник. — Т. 16. — № 2. — Волгоград.
- Мандельштам А.М., 1992.* Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М.
- Мачинский Д.А., Чугунов К.В., 1998.* Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. — СПб.
- Мекерова М.Дж., 2008.* Религия аланских племен (IV–VI вв.) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России в 2-х частях. — Ч. II. — Карачаевск.
- Мекерова М.Дж., 2010.* Религиозные представления аланских племен // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 24–26 июня 2010 г. — Карачаевск.
- Минаева Т.М., 1950.* Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. — Вып. 2–3. — Ставрополь.
- Минаева Т.М., 1956.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. — Вып. XXVI. — М.
- Моргунова Н.Л., 1996.* Курганы у с. Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. — Оренбург.
- Мошкова М.Г., 1989.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М.
- Обельченко О.Б., 1992.* Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н. э. — VII в. н. э. — М.
- Плетнева С.А., 1989.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). — М.
- Сарапулкин В.А., 2017.* Скульптурные изображения человека Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры // РА. — № 3. — М.
- Скрипкин А.С., 1972.* Работы в зоне Городищенской оросительной системы // АО 1971 года. — М.
- Скрипкин А.С., 2010.* Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов // Сарматы и Восток: избранные труды А. С. Скрипкина. — Волгоград.
- Смирнов К.Ф., 1959.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. — № 60. — М.
- Смирнов К.Ф., 1960.* «Быковские курганы» // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). — Т. II. МИА. — № 78. — М.
- Смирнов К.Ф., 1975.* Сарматы на Илеке. — М.
- Смирнов К.Ф., 1984.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М.
- Смирнов Ю.А., Узянов А.А., 1977.* Нижнесальские курганы // АО 1976 года. — М.
- Сокровища Алании, 2011.* Сокровища Алании / Под ред. М.М. Блиева / Институт истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания. — М.: Эксмо, 2011.
- Уарзиати В.С., 1987.* Народные игры и развлечения осетин. — Орджоникидзе.
- Уарзиати В.С., 2007.* Праздничный мир осетин // Уарзиати В. С. Избранные

- труды: Этнология. Культурология. Семиотика. — Кн. 1. — Владикавказ.
- Хачатурова Е.А., 1997.* Антропоморфные глиняные статуэтки Старокорсунского городища № 2 // Историко-археологический альманах. — Вып. 3. — Армавир — М.
- Чхаидзе В.Н., 2014.* Средневековая миниатюрная каменная скульптура из курганной группы Дмитриевская I (Кавказский район Краснодарского края) // МИАСК. — Вып. 14. — Армавир — Краснодар.
- Чхаидзе В.Н., 2017.* Полемика о «каменных бабах» — как поссорились Николай Иванович с Василием Алексеевичем // КСИА. — Вып. 247. — М.
- Шаров О.В., 2017.* Культурный комплекс Таракташ в Восточном Крыму // Новое прошлое. — № 4. — М.
- Шевченко Н.Ф., 2013.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эр // Труды Приазовской археологической экспедиции. — Т. I. — Ростов-на-Дону.
- Шенко Л.Г., 2018.* О некоторых атрибутах ритуальной практики сарматов // Всероссийские Миллеровские чтения. — Вып. VI. — Владикавказ.
- Шестопалова Э.Ю., 2016.* Погребения знатных воинов по материалам Архонского и Дагомского могильников VI–VIII вв. // Вестник СОГУ. — № 3. — Владикавказ.
- Шестопалова Э.Ю., 2018.* Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. — Владикавказ.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., 1994.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. — Вып. 2. — М.
- Яценко С.А., 1992.* Антропоморфные изображения Сарматии // Alanica-II. Аланы и Кавказ. — Владикавказ — Цхинвал.
- Яценко С.А., 1992а.* Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). — Ч. II. — Новочеркасск.
- Яценко С.А., 1996.* Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н. э. — I в. н. э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. — СПб.
- Яценко С.А., 2000.* Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. // Stratum plus. — № 4. Время великих миграций. — СПб — Кишинев — Одесса — Бухарест.
- Яценко С.А., 2016.* Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // Новое прошлое. — № 4. — М.
- Jeroussalimskaya A., 1989.* A propos de l'influence Sassanide sur l'art des tribus Alain. Sune trouvaille au Caucase du Nord // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Edenda curaverunt. — Vol. II. — Gent.
- Maenchen-Helfen J.O., 1973.* The World of the Hunns. Studies in Their History and Culture. — Berkley — Los Angeles — London.

ПОГРЕБЕНИЕ С МАГИЧЕСКИМ ПОЯСОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНОКЛЁН В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ

В 1986 г. проводилось исследование девяти курганов, расположенных в зоне строительства орошаемых площадей на землях колхоза им. XXII Партсъезда Абинского района Краснодарского края, по плану строительства Закубанской оросительной системы. Работы вела Абинская археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (*далее КГИАМЗ*). Территории вышеупомянутого колхоза расположены вокруг г. Абинска на западе, севере и востоке.

Экспедиция начала работы с раскопок могильника Черноклён, находящегося в 4 км к северу-северо-востоку от г. Абинска и в 500 м к востоку от дороги Абинск — с. Варнавинское. Могильник состоял из двух курганов. Обе земляные насыпи были сильно распаханы и потеряли первоначальную форму.

Остановим внимание на кургане № 1, имевшем высоту 1,7 м и диаметр 62x56 м. Земляная насыпь оказалась курганом-кладбищем, содержащим 105 погребений, захоронение коня и 23 различных объекта. Преобладали погребения эпохи средневековья, входившие в биритуальный могильник, включавший 50 кремационных и 47 ингумационных захоронений. Средневековый некрополь, устроенный в насыпи кургана, был грунтовым. Выбор возвышенности под некрополь был не случайным. Западное Закубанье в прошлом являлось плавневой зоной, и, соответственно, в регионе был высокий уровень грунтовых вод, что заставляло искать под некрополи сухие места, и курганы идеально подходили для этой роли (Анфимов Н.В., Пьянков А.В., 1989, с.14; Пьянков А.В., 2000, с.14; Сорокина И.А., 2001, с.188).

Погребение № 57 принадлежало младенцу из знатной семьи и заслуживает отдельной публикации.

Погребение № 57 (рис.1, 1,2) открыто в 12 м к северо-востоку от центрального репера (аз. 74°) на глубине 1,46 м от центрального репера и 0,99 м от поверхности земли.

Форма погребального сооружения не прослежена. Погребение принадлежало младенцу, судя по инвентарю, девочке. Из костей сохранились молочные зубы. Захоронение представляло собой почти ровную площадку, являющуюся скоплением украшений, вытянутую по линии северо-восток — юго-запад на 68 см. В северо-восточной части погребения зафиксировано вытянутое пятно (подстилка) коричневого цвета. Размеры пятна 27 x 8 см, толщина до 0,15 см. Закономерность в размещении украшений выявить не удалось. Далее следует описание инвентаря.

1. Бубенчики бронзовые, грушевидной формы, из тиснёных деталей, с припаянными проволочными петлями и узкими щелями снизу, заканчивающимися круглыми отверстиями на концах; нижние части украшены парой врезных кружков с точечным углублением в центре, позолоченные; 10 экземпляров; часть бубенчиков была во фрагментах. Размеры: 1,9 x 1,25 см — КМ 8469/451–460 (рис.1, 7).

2. Бубенчик бронзовый, грушевидный, позолоченный, аналогичный вышеописанным; в петле сохранился обрывок бронзовой цепочки с круглыми звеньями, сегментовидными в сечении. Размеры: бубенчик — 2,0 x 1,25 см, звено цепочки — 0,6 x 0,25 см — КМ 8469/461 (рис.1, 11).

3. Цепочка бронзовая, 3 фрагмента. Звено круглое, разомкнутое, дрот сегментовидный в сечении. Размеры: общая длина — 6,5 см, звено — 0,6 x 0,25 x 0,1 см — КМ 8469/474 (рис.1, 12).

4. Височное кольцо, золотое, из круглой в сечении проволоки, концы сведены, но разомкнуты. Размеры: d кольца —

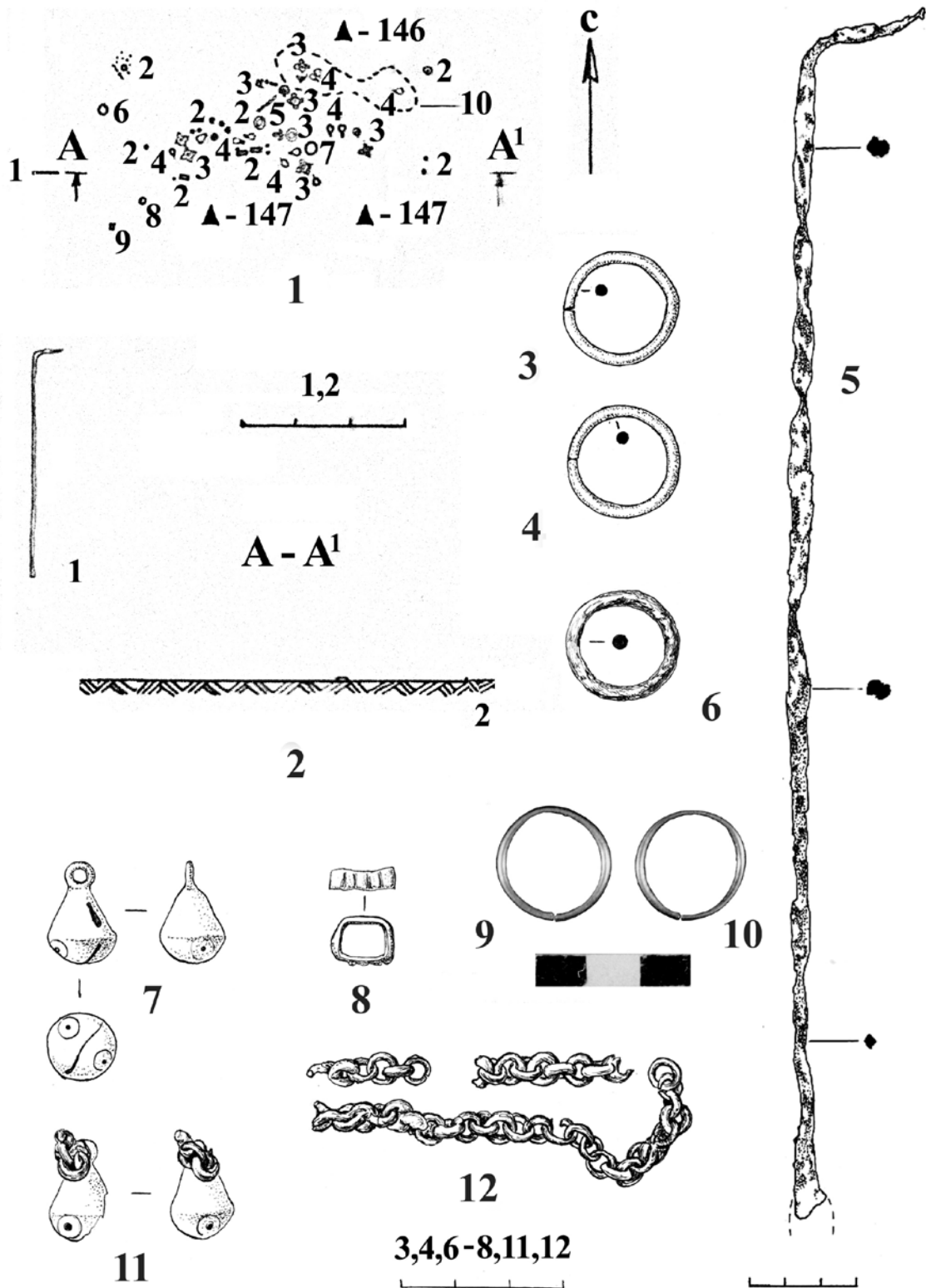

Рис. 1. Могильник Черноклён, курган № 1, погребение № 57:

1 – план погребения (1 – вертел, 2 – бусы, 3 – детали пояса, 4 – бубенчики, 5 – цепочка бронзовая, фрагменты, 6 – кольцо железное, 7 – кольцо золотое, 8 – обойма бронзовая, 9 – зуб молочный, 10 – пятно коричневого цвета); 2 – разрез по линии А-А1 (1 – вертел железный, 2 – уровень дна погребения); 3, 4, 9, 10 – височные кольца золотые; 5 – вертел железный; 6 – кольцо железное; 7 – бубенчик бронзовый; 8 – обойма бронзовая; 11 – бубенчик бронзовый с фрагментом цепочки; 12 – цепочка бронзовая

Рисунки Е.Г. Пьянковой, фотоснимок А.А. Сторчевого

2 см, d проволоки — 0,2 см — Мд3322, КМ 8469/469 (рис.1, 3).

5. Бусина шаровидной формы из горного хрусталя, имеется утрата корпуса. Размеры: 1,3 x 0,9 см, d отверстия — 0,15 см — КМ 8469/476 (рис.2, 1).

6. Бусина эллипсоидной формы, дважды симметрично усечённая поперечно и дважды симметрично усечённая продольно, из горного хрусталя; отверстие состоит из двух цилиндрических сверлений навстречу. Размеры: 2,3 x 2 x 1,15 см, d отверстия — 0,2 см — КМ 8469/477 (рис.2, 2).

7. Пронизь трёхчастная, из белого прозрачного стекла, с внутренней металлической прокладкой. Размеры: 1,2 x 0,4 см, d отверстия — 0,1 см — КМ 8469/478 (рис.2, 16).

8. Подвеска трапециевидная из гагата (гишер). Размеры: 1,7 x 1,6 x 0,7 см, d отверстия — 0,2 см — КМ 8469/479 (рис.2, 8).

9. Пронизь цилиндрическая из зеленоватого стекла. Размеры: 2,2 x 1 x 0,9 см, d отверстия — 0,2 см — КМ 8469/461 (рис.2, 10).

10. Подвеска подпрямоугольной формы из гагата (гишер), фрагмент, вторичного использования. Размеры: 0,85 x 0,8 x 0,5 см — КМ 8469/481 (рис.2, 4).

11. Бусина шаровидная, дольчатая, из синего прозрачного стекла. Размеры: d бусины — 0,75 см, d отверстия — 0,15 см — КМ 8469/482 (рис.2, 12).

12. Бусин окатанных стеклянных синего цвета 12 экземпляров. Размеры: от 0,5 x 0,3 до 0,6 x 0,4 см, d отверстий — 0,1 см — КМ 8469/483–494 (рис.2, 14).

13. Бусина цилиндрическая, рубленая из гагата (гишер). Размеры: 0,5 x 0,4 см, d отверстий — 0,2 см — КМ 8469/495 (рис.2, 3).

14. Бусина уплощённо-округлая желтого стекла. Размеры: 0,75 x 0,35 см, d отверстия — 0,1 см — КМ 8469/481 (рис.2, 15).

15. Бусина шаровидная из стекла молочного цвета. Размеры: 0,35 x 0,3 см, d отверстий — 0,1 см — КМ 8469/527 (рис.2, 18).

16. Бусина сложной формы: эллипсоидное тулово, дважды симметрично усечённое, с усечёнными конусами на концах, стеклянная, с внутренней металлической прокладкой жёлтого цвета. Размеры: 0,8 x 0,6 см, d отверстий — 0,1 см — КМ 8469/526 (рис.2, 17).

17. Пронизь призматическая из янтаря. Размеры: 2,1 x 1,1 x 1 см, d отверстия — 0,2 см — КМ 8469/496 (рис.2, 9).

18. Бусины цилиндрические, дважды асимметрично усечённые, из янтаря. Размеры: 0,5 x 0,3 см, d отверстий — 0,15 см — КМ 8469/497 (рис. 2, 13).

19. Бусины: линзовидная крупная бусина, несколько раз асимметрично усечённая, и цилиндрические, дважды асимметрично усечённые, из янтаря, 28 экземпляров. Размеры: от 0,6 x 0,4 см до 2,1 x 1,8 x 1,1 см, d отверстий — 0,3 см — КМ 8469/498–525 (рис.2, 5–7,11).

20. В центре скопления украшений находилось семь деталей от пояса из бронзы с позолотой. Пять предметов имели подвески:

а) 3 дисковидные ремённые накладки с гнёздами по центру для круглой вставки из желтоватого непрозрачного стекла с четырьмя выступами, расположенными симметрично, с отверстиями для крепления к основе и с петлёй для подвески. Имеются два невысоких бортика: вокруг гнезда и по краю диска. Между бортиками орнамент в виде пояса из рельефных «жемчужин» в один ряд. Остатки петель предназначались для крепления подвески в форме пластинчатого кольца с петлёй. Лицевая сторона украшена таким же «жемчужным» орнаментом. Бляхи с подвесками изготовлены литьём с последующей доработкой штихелем и золочением лицевой стороны. Размеры: накладка — 2,5 x 2,5 x 0,2 см, d подвески — 1,2 см, толщина — 0,15 см — КМ 8469/464,466,468 (рис.2, 21,23,25,27,29,31);

б) одна накладка имела подвеску в виде фрагмента тамгообразного знака, состоящего из рогов, стилизованной морды и петли. Размеры: 1,6 x 1,35 x 0,25 см — КМ 8469/463 (рис.2, 24,30);

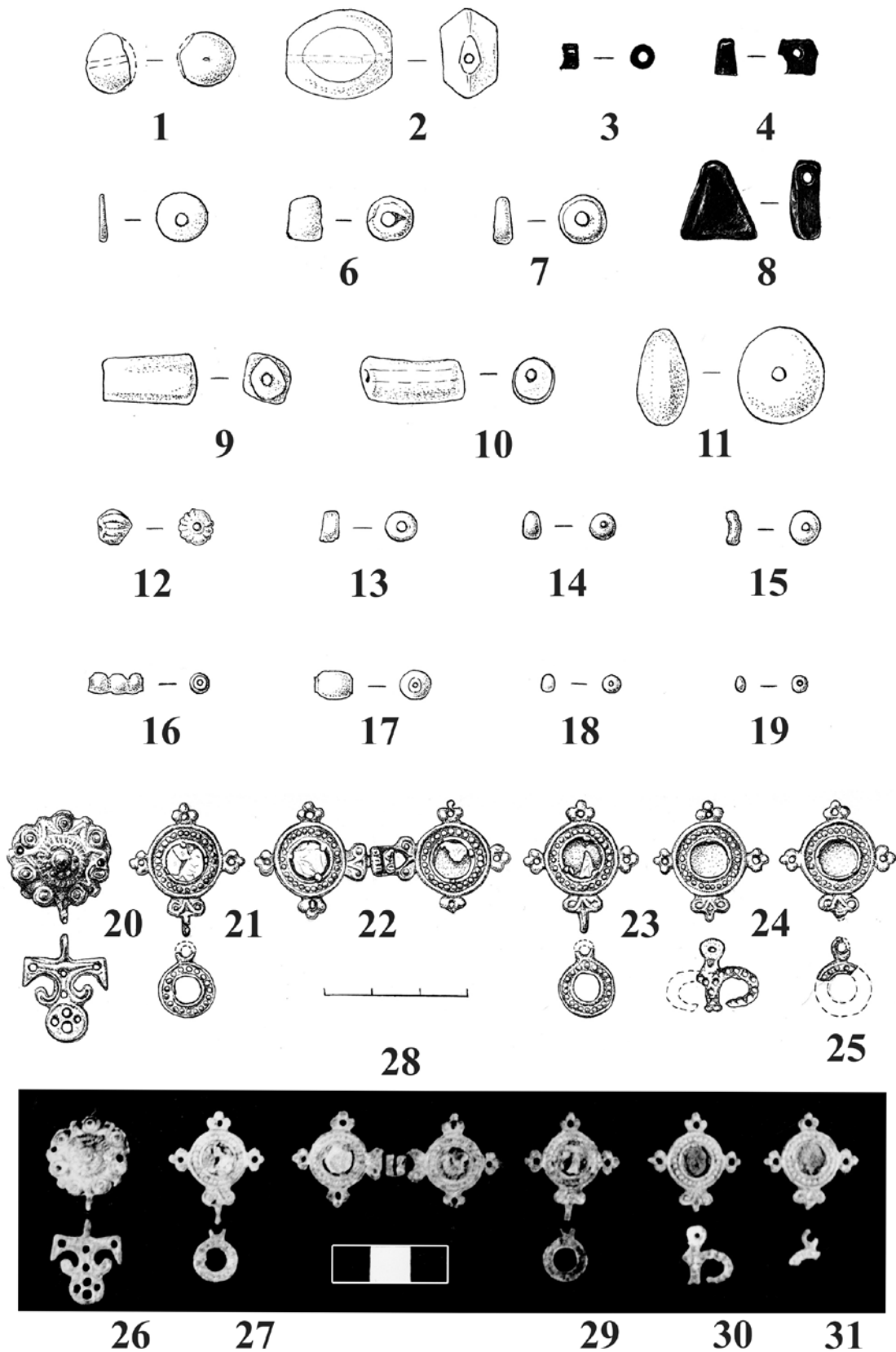

Рис. 2. Могильник Черноклён, курган № 1, погребение № 57:
 1–19 – бусы, 20–31 – детали пояса; 1, 2 – горный хрусталь, 3, 4, 8 – гагат, 5–7, 9, 11 – янтарь,
 12–19 – стекло (16, 17 – стекло с металлической прокладкой), 20–31 – бронза с позолотой
 (частично сохранились стеклянные вставки)

Рисунки Е.Г. Пьянковой, фотоснимок А.А. Сторчевого

в) две накладки, аналогичные описанным, имели боковые выступы: одна в форме стержня, согнутого в последней четверти под тупым углом и завершающегося поперечным призматическим утолщением, вторая — в форме прямоугольной петли. Обе пластинки с выступами являются замком для пояса. Размеры замка в сборе: 5,5 x 2,5 x 0,3 см — КМ 8469/465 (рис.2, 22,28);

г) бляха выпукло-вогнутая из бронзы с лепестковыми краями с позолоченной лицевой стороной, в центре конический выступ, украшенный «жемчужным» и поперечно-ребристым орнаментом вокруг него. Композиция вписана в 7-лучевую рельефную звезду, между лучами которой рельефные кружки с углублениями и небольшими конусами в центре. Бляха имеет одну петлю для подвески-амулета, которая представляет собой композицию с диском в нижней части и симметрично расположенными стилизованными изображениями двух протом птиц, соколиные головки которых заканчиваются завитками снизу. Подвеска имеет петлю сверху и 8 сквозных отверстий, расположенных симметрично. Размеры: d бляхи — 2,25 см, высота бляхи — 1,05 см, подвеска: 2,3 x 1,9 x 0,2 см — КМ 8469/467 (рис.2, 20,26).

21. В СЗ части скопления украшений выделялось пятно белого стекляного бисера, 11 экземпляров. Размеры: от 0,25 x 0,2 см, d отверстий — от 0,1 см до 0,3 x 0,2 см, d отверстий — 0,1 см — КМ 8469/475 (рис.2, 19).

22. Кольцо железное из круглого в сечении дрота. Размеры: d кольца — 2,15 см, d дрота — 0,3 см — КМ 8469/462 (рис.1, 6).

23. В юго-западной части скопления находилась бронзовая обойма трапецевидной формы. На внешней поверхности широкой стороны врезные насечки. Размеры: 1,8 x 1 x 0,4 см — КМ 8469/473 (рис.1, 8).

24. В 30 см юго-западнее скопления украшений и на 20 см выше в вертикальном положении был вкопан железный вертел из крученого прута с расши-

ряющейся лопастью на одном конце и остриём на другом. Лопасть находилась снизу и имела утраты. Верхний конец загнут под углом 90° к стержню, и его окончание обломлено. Размеры: общая длина — 36,3 см, толщина — до 0,75 см, ширина лопасти — 1 см — КМ 8469/529 (рис.1, 5).

25. В юго-западной части погребения находился молочный зуб (рис.1, 1,9).

26. При разборке погребения в разных частях захоронения найдено ещё два молочных зуба.

27. В центральной части погребения обнаружено золотое височное кольцо из круглой в сечении проволоки, концы сведены, но разомкнуты. Размеры: d кольца — 2,1 см, d проволоки — 0,2 см — Мд3323, КМ 8469/470 (рис.1, 4).

Другого инвентаря в погребении нет.

Краткие сведения о средневековом могильнике Черноклён были изложены в докладе, прочитанном автором на XV Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа в Махачкале в 1988 г., который издан в тезисах (Пьянков А.В., 1988, с.63, 64).

Недавно было опубликовано погребение № 20 из могильника Черноклён, которое было кремационным и состояло из двух керамических урн, то есть было парным, включало богатое женское захоронение с золотыми височными кольцами и двумя серебряными с позолотой трёхстворчатыми браслетами с растительным орнаментом и изображением пары свернувшихся птиц (Пьянков А.В., 2018, с.11–122).

Другие погребения из могильника Черноклён не публиковались.

Средневековый могильник был предварительно датирован в пределах X–XIII вв., ближе ко второй половине этого периода (Пьянков А.В., 1988, с. 64). Погребение № 20 на основании даты двух трёхстворчатых серебряных с позолотой браслетов, орнаментированных растительным узором и двумя свернувшимися в кольцо птицами в медальонах, отнесено

к XI–XII вв. (Пьянков А.В., 2018, с.120, рис.1, 6; 3, 1–5).

Захоронение младенца укладывается в схему погребального обряда, общую для остальных ингумационных погребений могильника Черноклён. Они, как и публикуемое погребение, вытянуты по линии северо-запад — юго-восток (редки отклонения на восток и на север). Положение костяка не установлено, но, судя по расположению инвентаря, младенец был вытянут по линии северо-восток — юго-запад.

Младенец был захоронен на глубине 1 м от поверхности земли. Вероятно, шампур, вкопанный вертикально, в ногах погребённого отмечал захоронение и первоначально возвышался над грунтом. Позднее верхний край был отломан и согнут, так что скрылся под поверхностью земли. Предположительно и другие погребения имели обозначения могил сверху, но они не сохранились, вероятно, потому, что были деревянными.

В инвентаре погребения № 57 практически нет узко датирующихся предметов. Так, бронзовые с позолотой бубенчики грушевидной формы, спаянные из тиснёных деталей и проволоочной петли, хорошо известны в некрополях Северного Кавказа в X–XIII вв., например, в таких могильниках, как Змейский в Северной Осетии, Колосовка-1 в Адыгее, Циплиевский в Краснодарском крае, в погребении № 1 из Сентинского храма в Карачаево-Черкесии и т.д. (Дитлер П.А., 1961, с.153, 162, 163, табл.XI, 2; XVIII, 7; XIX, 6; XX, 4; 1985, с.126; Кузнецов В.А., 1961, с.123, табл.XIII, 1; 1963, с.13, рис.4; 1995, с.346, рис.14, 2; Марковин В.И., 1996, с.191, 192, рис.14, 5; Пьянков А.В., 2000, с.18, рис.4, 6; 5, 4). Бубенчики разных размеров часто подвешивались на металлических цепочках и, вероятно, украшали одежду, включая головные уборы (Кузнецов В.А., 1971, с.119, рис.15, 9; Марковин В.И., 1983, с.72; 1996, с.192, рис.14, 7).

Точной датировке бус препятствует отсутствие исследований по хронологии этой категории украшений Северного

Кавказа и сопредельных регионов периода X–XIII вв.

Даже железные вертела из крученых стержней, которые не часто попадают в погребальные комплексы, бытовали в средневековых культурах Северного Кавказа очень долго и дожили до XX в. (Алексеева Е.П., 1971, с.88, табл.366, 10; Кузнецов В.А., 1971, с.86, 97, рис.9; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008, с.285, 286; Калоев Б.А., 1971, с.166, рис. на стр. 167, г; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И., 1988, рис. утвари на стр. 141, 13 и т.д.). Отметим, что в нашем случае вертел не входил непосредственно в состав погребального инвентаря, а был предметом не совсем понятного нам обряда и отмечал место захоронения младенца.

Наконец бубенчики и детали пояса входят в большую группу предметов из бронзы и серебра с позолотой, которая бытует в некрополях Северного Кавказа в X–XIII вв. На это обратил внимание В.А. Кузнецов, писавший: «Предметы (точнее, украшения), покрытые золотой амальгамой, встречены в могильниках X–XII вв.» (Кузнецов В.А., 1971, с.118). Исследователь на основании экспериментов и анализа археологических материалов пришёл к выводу, что на Северном Кавказе аланские мастера освоили технику амальгамного золочения металлических украшений и массово производили эту нарядную и сравнительно недорогую продукцию (там же). Эти товары распространялись не только в Алании, но и в соседние регионы. Среди этих предметов значительную долю составляли поясные и сбруйные украшения в виде разнотипных блях, подвесок, решм, деталей женских косметических наборов и т.д. Достаточно будет привести несколько примеров из могильников Змейского, Сентинского храма, Нижнего Архыза, Колосовка-1, Циплиевского, Андреевская Щель, среди предметов разрушенного погребения на Ангелинском Ерике и в инвентаре других могильников Прикубанья и Северо-Восточного Причерноморья, датирующихся в пределах X в.

— первой половины XIII в. (Дитлер П.А., 1961, с.150–166, рис.10; 11; табл. XI, 2–4; XIV, 1–6; XV, 8,9; XVIII, 5,6,7–10; XIX, 2,8,9,11; 1985, с.125–130, табл. IV, 2,3,8–10,25–29; V, 1–28; Кузнецов В.А., 1961, с.110–125, табл. I; III, 1–3; IV, 1–3; V, 1–4; VI; VIII; IX; X, 1–5; XI, 1–5, 9–15; XII, 5,7; XIII, 1; XIV, 5; 1963, с. 8–37, рис. 4; 9, 1–12, табл. IV, 8–10; 1971, с.118–122, рис.12, 1–19; 13; 14, 2–8,18–23; 15, 5,6; 1993, с.204–209, рис.115, 13–15; 123, 18–23; 1995, с. 334, 335, 341, 350, рис. 10, 7; 13, 8,9; 14, 2–4; 15, 8; 16, 4,5; Марковин В.И., 1983, с.72; 1996, с.186–195, рис.12, 12–22; 13, 1–14; 14, 1–9; Пьянков А.В., 2000, с.18, рис.4, 6–8, 23; 2019, с.115, рис.1, 6,7; 2, 1; 3, 1–5; Крым..., 2003, с.216–223, табл.98, 13–15,39; Новичихин А.М., 2008, с.26–36, рис.2, 1–21).

Остаётся добавить, что в эти столетия любимым орнаментальным мотивом торевтов Алании являлся орнамент из рельефных точечных выпуклостей (жемчужин), расположенных в линию и, как правило, на предметах, имитирующих плетёнку. Такая плетёнка часто украшала решмы конской узды и фибулы (Возвращённые сокровища..., 2014, рисунки и подписи на с.74,75 (посередине), 86,87). Одна ременная накладка в форме кольца с «жемчужным» орнаментом и четырьмя фестонами, близкая публикуемым, происходит из кургана XII–XIII вв. из-под Анапы у дороги на Варваровку (Крым..., 2003, с.221, табл.97, 9).

Более узко датируются аналогии серьгам в виде колец в один оборот, смыкающиеся встык, но разомкнутые. Подобные нашим украшениям, но из других металлов серьги из «клада» 1940 г., открытого экспедицией К.М. Петролевича в северном Зеленчукском храме (Нижне-Архызское городище) и из поселения на Сентинской горе (находка 1969 г.), где найдено височное кольцо из бронзы (Кузнецов В.А., 1971, с.122, рис.15, 21,22; Алексеева Е.П., 1971, табл.26б, 16). Пара золотых серёжек, аналогичных публикуемым, происходит, по мнению автора, из печенежского погре-

бения, открытого в кургане у ст. Старотитаровской на Тамани (Яцюк Д.А., 2017, с.283, рис.1, 1). Все перечисленные находки датируются в пределах второй половины XI и XI–XII вв. (Кузнецов В.А., 1971, с.120,122; Яцюк Д.А., 2017, с.284). Но простота формы серёг не позволяет надеяться, что сам тип украшений бытовал короткое время. Например, кольцо, подобное нашим, но меньшего размера было найдено в западном районе Херсонеса в могиле 122 в «Базилике на холме» (раскопки С.А. Беляева в 1978 г.) и датировано авторами каталога «Наследие византийского Херсона» в пределах VI–IX вв. (Яшаева Т. и др., 2011, с.456, кат. № 63).

Самыми интересными предметами инвентаря были металлические детали женского пояса. Вероятно, ремешок был брошен в могилу на тело младенца вместе с ожерельем из бус. Возможно, это дар умершему ребёнку от матери или кого-то из родственников. Но, скорее всего, пояс принадлежал самой девочке. Вероятно, не случайно все детали пояса были амулетами, то есть выполняли функцию магической защиты его юной хозяйки. Судя по ранней смерти, девочка болела и нуждалась в такой «защите». Рассмотрим металлические детали пояса подробнее.

Набор металлических накладок состоял из 7 круглых блях, 6 из которых были плоскими, с 4 фестонами и круглыми стеклянными вставками в центре. Три накладки имели кольцевидные подвески. Круглые накладки и подвески являются солярными символами. О кольцевых амулетах у аланов писала В.Б. Ковалевская, выделив их в I отдел, различая их по типам, имеющим специфические детали (Ковалевская В.Б., 1995, с.132–137, рис.1, 1–25). Правда, исследовательница классифицировала и анализировала артефакты до IX в. включительно, но совершенно очевидно, что подобные амулеты продолжали бытовать в регионе и позднее, при этом их формы могли сохраняться или трансформироваться, как в случае с деталями публикуемого пояса.

Амулет-подвеска с соколиными головами ведёт происхождение от аланских солярно-зооморфных фибул и подвесок VII–IX вв., которые В.Б. Ковалевская выделила во II отдел (Ковалевская В.Б., 1995, с.137–141, рис.2, 1–12). Для нас интересен 2-й вариант 3-го типа, который имеет форму кольца с двумя парами соколиных головок, симметрично расположенных по бокам и внизу кольца (Ковалевская В.Б., 1995, с.141, рис.2, 11,12).

Последняя подвеска имела стилизованное изображение бараньей головы с сильно изогнутыми и опущенными вниз рогами. Этот амулет восходит к подобным апотропеям, широко распространённым в предшествующую эпоху на территории Хазарского каганата, включая Северный Кавказ. Такие амулеты украшали бронзовые копоушки (Дмитриев А.В., 2003, табл.87, 30; Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., 2007, рис.86, 2; Саханев В.В., 1914, табл.V, 7; Тарабанов В.А., 1992, рис.3, 12,13; Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2014, рис.7, 19 и т.д.) и встречались как отдельные подвески без стержня и рабочей части (Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Богачук Е.О., 2016, с.29, рис.3, 7,8; Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., 2007, рис.42, 6; 71, 14; Михеев В.К., 2004, рис.4, 30; Плетнёва С.А., 1967, рис.47, 3; Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2014, рис.2, 25 и т.д.). Вероятно, во втором случае ценилось только их магическое значение. Такие амулеты сразу изготавливались без рабочих деталей и служили только как апотропеи. Одновременно происходило упрощение бараноголовых предметов, изображения становились схематичными, и некоторые амулеты сближались по форме с лунницами, подобно подвескам из Харачоевского и Элистанжинского могильников в Чечне (Багаев М.Х., 1979, с.92, рис.4, 7; Багаев М.Х., Виноградов В.Б., 1972, с.80, рис.1, 9) или подвеске из могильника Сухая Гомольша на Северском Донце (Михеев В.К., 2004, с.74, рис.4, 30). Имеются в виду те лунницы, которые

имеют три выступа и черты бараньих (или бычьих) голов (Плетнёва С.А., 1989, с.111, 13, рис.58, 167; Возвращённые сокровища..., 2014, рис. на с.48).

В аланской культуре известны пояса с амулетами, которые считают «жреческими». Один такой пояс с подвесками в виде фрагмента рога, бронзовыми застёжкой и фигуркой лошади, полихромной бусиной, кожаным мешочком с коническими деревянными фигурками и туалетной кисточкой был найден в одной из катакомб села Хасаут в Карачаево-Черкесии и опубликован В.А. Кузнецовым (Кузнецов В.А., 1984, с.186–187, рис.27а, 1–5: b, 1–6). Судя по гантелевидной застёжке, катакомба датируется VIII–IX вв.

В горной Чечне в каменном ящике № 10 VII–VIII вв. в женском погребении было найдено ожерелье, состоящее из бус и амулетов в виде бронзовых голов медведей, волка и быка (Багаев М.Х., Виноградов В.Б., 1972, с.81, рис.3, 2). Ожерелье с амулетами находилось в кожаной сумке, а не на погребённой, что свидетельствует об особом назначении магического ожерелья, не предназначенного для постоянного ношения. Вероятно, этот предмет с магическими украшениями предназначался для использования только в определённых обрядах и ритуалах, а в погребение оно было положено как инвентарь жрицы.

Традиция использования магических поясов и ожерелий с набором подвесных амулетов, скорее всего, восходит к племенам кобанской археологической культуры, имевших развитую традицию изготовления амулетов в виде фигурок животных и солярных знаков, которая получила продолжение в средневековой аланской культуре, включая период существования Аланского царства в X–XII вв. Во всяком случае, детали магического пояса из погребения № 57 могильника Черноклён вполне были способны изготавливать в ремесленных центрах Алании, как это допускал В.А. Кузнецов и не исключал автор этой публикации (Кузнецов В.А., 1971, с.118; Пьянков А.В., 2016, с.41).

Магический пояс не помог малышке сохранить здоровье и поправиться, о чём свидетельствует само захоронение № 57, которое вместе с погребением № 20 при-

надлежало знатым представителям местного сообщества, оставившего могильник Черноклён, который сегодня можно датировать в пределах XI–XII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1971.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). — М.
- Анфимов Н.В., Пьянков А.В., 1989.* Прото-меотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты — предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов. — Майкоп.
- Багаев М.Х., 1979.* Элистанжинский раннесредневековый могильник // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. — Грозный.
- Багаев М.Х., Виноградов В.Б., 1972.* Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // Археология Кавказа и Средней Азии. КСИИМК. Вып. 132 / Отв. ред. Т.В. Кругликова. — М.: Наука.
- Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Богачук Е.О., 2016.* Случайные находки эпохи средневековья из окрестностей г. Новороссийска (находки 2015 г.) // Шестые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.) / Ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. — Краснодар: ИП Смородин.
- Возвращенные сокровища..., 2014.* Возвращенные сокровища Кубани / Сост. и авторы текстов А.В. Пьянков, Е.А. Хачатурова, Т.В. Юрченко. — Краснодар: Традиция, 2014.
- Дитлер П.А., 1961.* Могильники в районе посёлка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи / Под ред. Н. Анфимова. — Том II. — Майкоп.
- Дитлер П.А., 1985.* Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. П.У. Аутлев. — Майкоп: АНИИЭЯЛИ.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И., 1988.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Я.С. Смирнов. — Черкесск.
- Калоев Б.А., 1971.* Осетины (историко-этнографическое исследование). 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: Наука.
- Ковалевская В.Б., 1995.* Хронология древностей Северокавказских аланов // Аланы: история и культура. Alanica III. / Составитель и отв. ред. В.Х. Тменов. — Владикавказ.
- Кузнецов В.А., 1971.* Алания в X–XIII вв. — Орджоникидзе: Ир.
- Кузнецов В.А., 1961.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. — Том 1. — Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1963.* Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. — № 114. — М.
- Кузнецов В.А., 1993.* Нижний Архыз в X–XII веках. — Ставрополь.
- Кузнецов В.А., 1984.* Очерки истории аланов. — Орджоникидзе: Ир.
- Кузнецов В.А., 1995.* Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Alanica III / Составитель и отв. ред. В.Х. Тменов. — Владикавказ.
- Крым ..., 2003.* Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва. — М., 2003.
- Марковин В.И., 1983.* Византийская ткань с золотым шитьём из Сентинско-

- го храма // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. (Материальная и духовная культура, вып. 2). / Отв. ред. Е.П. Алексеева. — Черкесск.
- Марковин В.И., 1996.* Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // ИАА. Вып. 2/ Отв. ред. Р.М. Мунчаев. — Армавир — М.: Армавирский краеведческий музей.
- Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., 2007.* Раскопки могильника Виноградный-7 на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. Вып. 7 / Отв. ред. И.И. Марченко.
- Михеев В.К., 2004.* Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Том 3 / Глав. ред. В.К. Михеев. — Киев — Харьков.
- Новичихин А.М., 2008.* Военский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская Щель // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. — М.: Квадрига.
- Плетнева С.А., 1989.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. — М.: Наука.
- Плетнёва С.А., 1967.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Отв. ред. Б.А. Рыбаков / МИА. — № 142. — М.: Наука.
- Пьянков А.В., 2000.* Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. — Вып. 3. — Абинск.
- Пьянков А.В., 1988.* Средневековый могильник Черноклён из Краснодарского края // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.А. Кузнецов: Тезисы докладов конференции (г. Махачкала 19–22 апреля, 1988 г.). — Махачкала.
- Пьянков А.В., 2018.* Погребения со створчатыми браслетами из могильника Черноклён в Западном Закубанье // ИАА / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. — Вып. 14. — Армавир — Краснодар — Москва.
- Пьянков А.В., 2016.* Шестилепестковая фибула из Западной Алании // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск IV. Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. редактор С.М. Малахов, составитель С.Г. Немченко. — Армавир — Отрадная: издатель Шурыгин В.Е.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Рос. акад. наук; отв. ред. Г.Е. Афанасьев. — М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС.
- Сорокина И.А., 2001.* Курганные могильники Закубанья. — Краснодар.
- Тарабанов В.А., 1992.* Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах / Редкол.: И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис, А.Ф. Иванов. — Ейск.
- Шишилов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В., 2014.* Грунтовый могильник Натухаевский-1 (вторая хронологическая группа, погребения IX в.) // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Редкол.: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитина. — Краснодар.
- Яцок Д.А., 2017.* Об одном кочевническом комплексе из раскопок кургана у ст. Старотитаровской на Кубани // VII Анфимовские чтения по архе-

ологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня

2017 г.) / Ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. — Краснодар: ИП Смородин.
Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д., 2011. Наследие византийского Херсона / Автор проекта Т. Яшаева. — Севастополь — Остин.

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ БЕРЕЖНОЙ-VIII В ПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

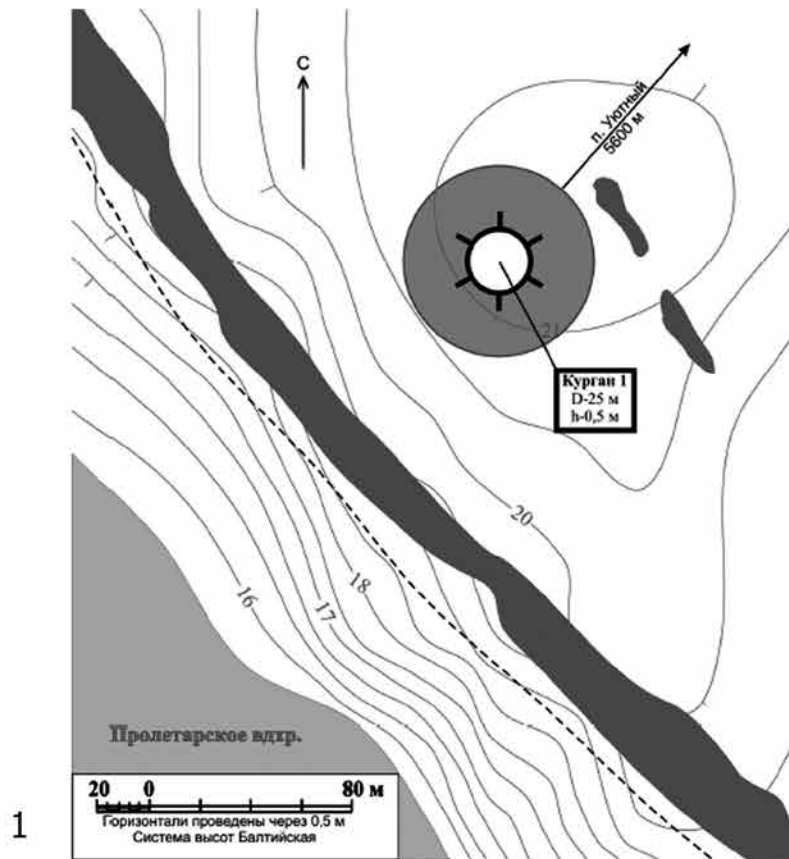
Находки погребений средневековых кочевников-всадников довольно частое явление для степных районов юга России. К настоящему времени собрана и опубликована большая коллекция таких памятников, как в статьях, так и в монографиях. Однако каждый найденный комплекс преподносит что-то новое в, казалось бы, уже ставшие традиционными черты обряда. Одно из таких погребений было исследовано в кургане Бережной-VIII в Пролетарском районе Ростовской области в 2014 году в трассе строительства магистрального нефтепровода.

Памятник находился на правобережной террасе реки Маныч над Пролетарским водохранилищем (табл.1, 1) в 5,6 км к юго-западу от окраины хутора Уютного. Участок, на котором был обнаружен курган, представлял собой ровную площадку. Видимо, до постройки водохранилища, а позднее и оросительной системы, это был мыс, ограниченный с северо-запада и юго-востока балочками. Основная часть мыса к юго-востоку от кургана срезана обвалами берега водохранилища. С северо-востока от кургана находится оросительный канал. Могильник состоял из одной насыпи, которая активно распахивалась. В плане она имела округлую, несколько вытянутую к западу форму диаметром 24 м и высотой 0,50 м. Из-за распашки и строительства канала восточный склон кургана был более крутой, западный — пологий. В кургане найдено 8 погребений, он был сооружен в эпоху ранней бронзы над погребением № 4. Все остальные были впущены в насыпь на протяжении эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. К средним векам можно отнести три комплекса, два из которых безынвентарные (табл.1,2). В нашей статье речь пойдет о погребении № 2, совершенном в подбое, которое было впущено в насыпь и частично материк.

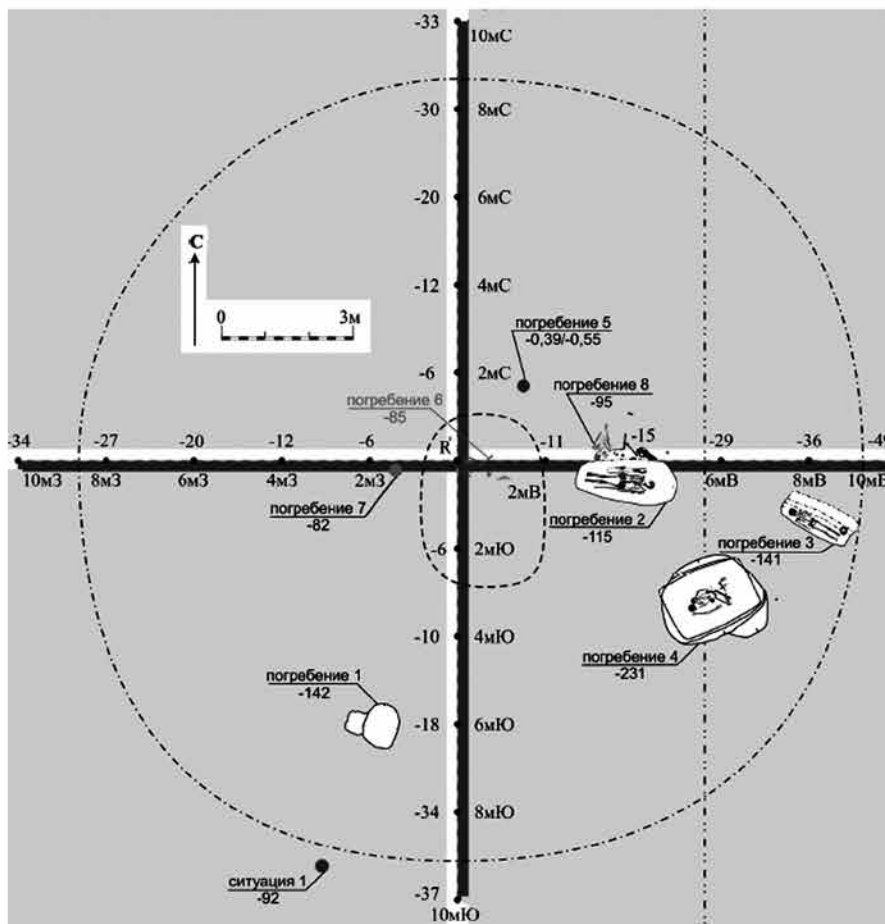
В результате в материковом суглинке сохранились только нижняя часть камеры и дно колодца (табл.2, 1). Кроме того, при сооружении колодца с запада была срезана северо-восточная часть погребения № 8. Форма колодца не восстанавливается, его граница показана условно. Камера расположена к югу от него и была ориентирована по линии запад — восток. В колодце у входа в камеру находилось чучело коня (возраст 8–12 лет), ориентированное черепом к юго-востоку. К западу от черепа находилась бедренная кость, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Рядом с ней с запада найдены локтевая и лучевая кости в сочленении. Кости вторых задней и передней конечностей также в сочленении лежали еще западнее по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. К западу от них была обнаружена верхняя часть костяка из погребения № 8. Конь был взнуздан и оседлан. При нем находились детали упряжи.

В зубах чучела обнаружены остатки двусоставных кольчатых удил (табл.2, 1,8): дужек и кольцевидных трензельных колец. На одной дужке сохранилось соединительное кольцо. Диаметр колец — 5 и 6,2 см, сечение кольца округлое — 1 см, сохранившаяся длина дужек — 5 и 5 см, сечение дужки — 1,5 см. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова это отдел Г — двусоставные, без псалиев, по диаметру подвижных колец и их форме можно отнести к типу II с широкой датировкой (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.18, рис.2, 1).

У костей ног коня в западной части колодца найдено железное стремя арочной формы (табл.2, 1,10). В верхней части дужки пробита петля. Подножка неширокая, прямоугольная. Размеры: высота — 15 см, ширина — 13,5 см, ширина подножки — 3 см, петля — 2 x 0,5 см. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова форму

1

2

Таблица 1. Курганный могильник Бережной-VIII:
 1 — схема расположения могильника, 2 — общий план кургана

стремя можно соотнести с отделом Г, тип IV, для которого характерны яйцевидный контур, небольшие выступы в месте соединения дужки и подножки, подножка узкая, овальная в плане, дужка расплющена (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.13, рис.1). Из-за коррозии контур стремя приобрел ромбовидную форму, а выступы в месте соединения дужки и подножки плохо сохранились. Фрагменты второго стремени — дужка и подножка — были найдены в заполнении над костями ног чучела коня с севера, частично в норах грызунов (табл.2, 1,9). Дужка в сечении округлая. Подножка овальной формы, плоская, широкая. Длина подножки — 14 см, ширина подножки — 5 см, длина обломков дужек: 8 и 7,5 см. По Г.А. Федорову-Давыдову, это отдел Д, тип I, для которого характерны арочный контур, расплющенная верхняя петля, широкая плоская подножка (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.13, рис.1). Общая дата этих стремян — XII–XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с.15). Таковую же дату предлагал А.Н. Кирпичников, анализируя стремяна из древнерусских погребений. По его типологии это стремяна близкой к трапеции формы с изогнутой подножкой — тип X (Кирпичников А.Н., 1973, с.11, рис.29).

В заполнении между костями конечностей коня обнаружены костяные резные накладки седла. Фрагмент накладки на луку седла дуговидной формы, с двумя отверстиями для крепления (табл.3, 4), украшенный циркульным орнаментом в виде двух горизонтальных рядов спиралей. Размеры — 7,5 x 2,5 см. Фрагмент накладки на луку седла в виде узкой изогнутой пластины (табл.3, 6), с глубокими прорезными наклонными желобками на внешней поверхности. Сохранилось отверстие для крепления к луке седла. На внутреннюю поверхность нанесены наклонные поперечные насечки для приклеивания к седлу. Размеры: сохранившаяся длина — 8,2 см, ширина — 1 см, диаметр отверстия — 0,3 см. Сохранился край еще одной накладки в виде узкой пласти-

ны (табл.3, 8). Размеры: сохранившаяся длина — 2,5 см, ширина — 0,5 см. Найден также маленький фрагмент накладки на луку седла, украшенный циркульным орнаментом (табл.3, 7). Размеры — 2 x 0,5 см. Для крепления накладок к луке были предназначены три костяных гвоздика конической формы (табл.3, 5). Размеры: длина — 1,1 см, 1,6 см, 2 см, диаметр — 0,2 см. Похожие костяные накладки характерны для кочевнических средневековых комплексов. «Роговые детали северопрichernоморских определенно кочевнических седел украшались... различными комбинациями кружкового узора и регулярной циркульной плетенкой» (Кирпичников А.Н., 1973, с.75, рис.23). Например, лицевые накладки с простым циркульным орнаментом на переднюю луку седла известны из половецкого погребения в Волгоградской области (Кривошеев М.В., Блохин В.Г., 2012, с.320, рис.4, 4). Накладки из погребения в кургане Бережной-VIII имеют более сложное украшение, сочетающее в себе циркульный орнамент, заключенный в завитки спиралей. Находки с похожим орнаментом у х. Подлужного опубликованы Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.21, рис.2, 2).

Вход и свод камеры не сохранились. Из колодца в камеру вела ступенька высотой около 0,10 м. Камера расположена к югу от колодца, длинная ось по линии запад — восток. В плане камера неправильной овальной формы: шире с востока и уже с запада. Размеры: 2,30 x 0,7–1,0 м. В ней был погребен мужчина 35–40 лет вытянуто на спине, черепом к востоку, лицевой частью вверх. Кости рук вытянуты вдоль корпуса, кости ног прямые (табл.2, 1).

К югу от локтевой кости правой руки и частично под ней находился обломок украшения (табл.2, 2). Фрагменты предмета из белого (?) металла в виде полый дуговидной трубочки, внутри которой находится оловянный стержень. Длина обломков: 4, 4,2 и 2,4 см, диаметр — 0,6 см, диаметр изделия — около 10 см. Если это был браслет, он не был одет на руку, а ле-

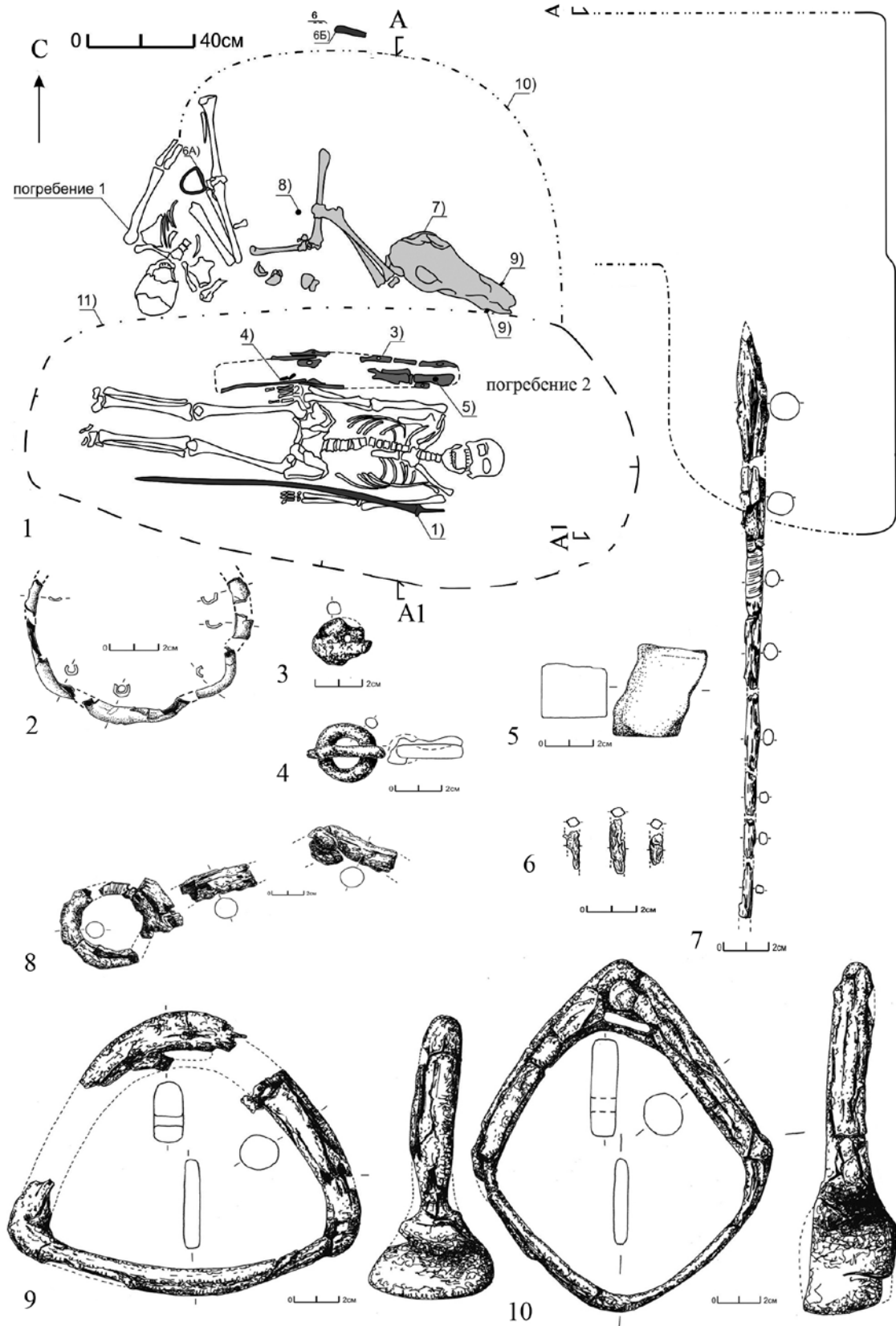

Таблица 2. Курганный могильник Бережной-VIII, погребение № 2:

- 1 – погребения № 1–2, план, разрез: 1) – сабля, 2) – фрагмент гривны, 3) – колчан, 4) – наконечники стрел, 5), 8) – пуговицы, 6) – стремяна, 7) – удила, 9) – чучело коня, 10) – реконструкция контура колодца;
 2 – фрагменты гривны, металл, 3–4 – пряжки, металл, 5 – оселок, камень, 6 – черешки наконечников стрел, металл, 7 – наконечник стрелы, металл, 8 – удила, металл, 9–10 – стремяна, металл

жал под ней. Возможно, это обломки так называемой гривны, которые в половецких погребениях в разомкнутом виде часто находятся у руки (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.37). Однако они сделаны из витого или гладкого, прямоугольного в сечении прута. Герман Алексеевич упоминал еще один тип, который состоит из железной проволоки и обернут золотой пластиной. Это была единственная известная автору дореволюционная случайная находка в Таганче Черкасской области Украины. К сожалению, рисунка этой находки в монографии Федорова-Давыдова нет. Фрагмент из погребения в кургане Бережной похож по технике изготовления на этот тип 3, только в его изготовлении использованы другие металлы: олово и серебро.

Вдоль костяка с левой стороны вдоль корпуса поверх костей левой руки лежала железная сабля (табл.2, 1; 3, 18). Рукоять сабли находилась у левого плеча. Сабля с изогнутым клинком, изгиб которого находится у рукояти. Перекрестие прямое. На поверхности сохранились фрагменты дерева ножен. Длина — 112 см, длина черешка — 9 см, ширина клинка — 4 см, сечение черешка — 2,5 x 1,5 см. От рукояти сохранился фрагмент железной прямоугольной крестовины (табл.3, 15) с отпечатками дерева. Размеры: 3,5 x 3 x 1,5 см. Найдено несколько деталей от ножен сабли. Это железный наконечник ножен (табл.3, 17) уплощенно-цилиндрической формы с отпечатками ткани на поверхности и следами бронзовой накладки у края. Сохранившаяся длина — 11 см, сечение — 4 x 2 см. Найдены также фрагмент железного кольца ножен с ушком (табл.3, 16). Размеры: 2,3 x 2,6 x 1 см. По Г.А. Федорову-Давыдову, сабля относится к отделу А — широкие малоизогнутые, тип I — с прямым брусковидным перекрестием и рукояткой более узкой, чем клинок (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.22, рис.3, 1). Основываясь на типологии Г.А. Федорова-Давыдова, современные исследователи А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина дополнили её (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.117–179). К типологическим

показателям образца из погребения могильника Бережной-VIII можно добавить следующие. Участок максимального изгиба расположен в верхней трети клинка. По размерам клинок относится к длинным и широким. Наконечник ножен соответствует типу I (уплощенно-цилиндрические), вариант 3 — длинные. Из-за сильной коррозии металла такие показатели, как наклон стержня рукояти и форма острия, определить невозможно. Согласно исследованию авторов «пик бытования слабоизогнутых сабель приходится на период XII в. — 1-я половина XIII в.» (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.146).

Вдоль правой руки расчищены остатки колчана для стрел (табл.2, 1). Сумка колчана сильно пострадала от нор грызунов, поэтому ее форму восстановить невозможно. Вероятно, это была цилиндрическая коробка, обрамленная вдоль длинных сторон костяными пластинами. Судя по положению накладок, лицевой частью колчан лежал вниз. Он был украшен орнаментированными костяными пластинами, от которых сохранились центральная верхняя со сложным растительным декором, несколько фрагментов нижней пластины и боковые узкие пластины. Основа колчана, судя по сохранившимся фрагментам тлена, состояла из кожи и бересты. Крышка колчана, вероятно, застегивалась орнаментированной костяной пуговицей, обнаруженной в верхней его части. Длина футляра для стрел была не менее 0,90 м, ширина около 0,15–0,16 м.

Костяные накладки колчана

С севера вдоль коробки колчана лежало несколько узких накладок, одна из которых имела фигурные окончания. Вдоль нижней части правой руки и правого бедра до коленного сустава были расположены фрагменты еще одной или нескольких длинных накладок.

Накладка боковая фигурная дуговидная овальной формы с 5 маленькими отверстиями для крепления к колчану и одним большим профилирована продольным ребром (табл.3, 14). Длина — 32 см, ши-

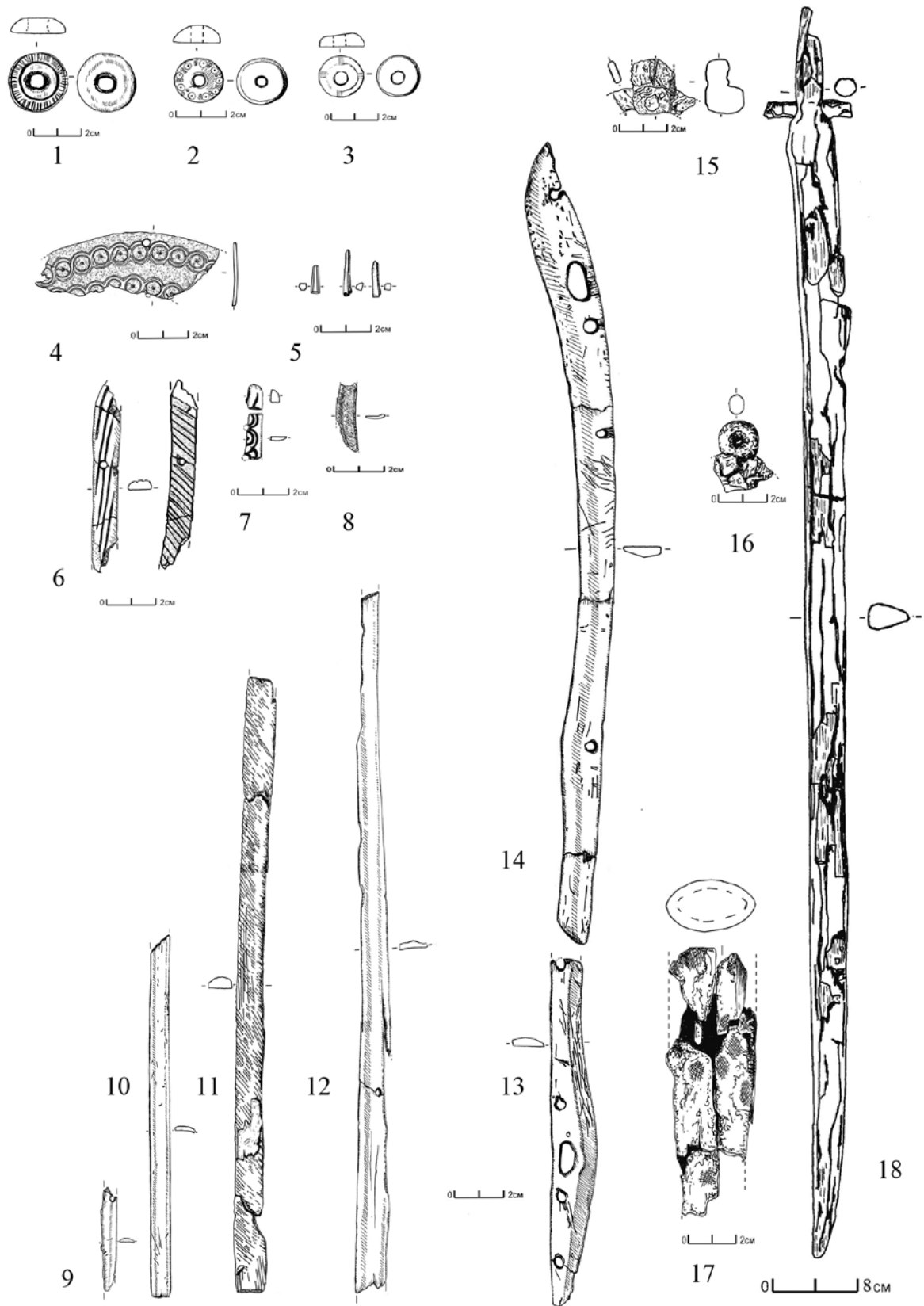

Таблица 3. Курганный могильник Бережной-VIII, погребение № 2:

1-3 — пуговицы, кость, 4, 6-8 — накладки на лук седла, кость, 5 — гвоздики, кость,
 9-14 — боковые накладки колчана, кость, 15 — фрагмент крестовины, металл,
 16 — кольцо ножен, металл, 17 — наконечник ножен, металл, 18 — сабля, металл

рина — 1,4–2,5 см, диаметр отверстий — 0,5 см, 1,4 x 0,8 см. Вероятно, к её нижней части относился фрагмент накладки боковой, фигурной, дуговидной, с 4 маленькими отверстиями для крепления к колчану и одним большим овальной формы (табл.3, 13), лежавший к западу от первой. Он также был профилирован продольным ребром. Концы этих накладок заострены. Сохранившаяся длина — 13,5 см, ширина — 1,3 x 2 см, диаметр отверстий — 0,5 см, 0,5 x 0,8 см.

Накладка боковая длинная прямоугольной формы (табл.3, 11). Внешняя поверхность сплошь покрыта косыми насечками, поверх которых сохранились следы черной краски. У нижнего конца наклейки — дуговидный вырез. Длина — 25,7 см, ширина — 1,5 см. Она находилась рядом с коротким обломком дуговидной наклейки, западнее её.

Остальные наклейки обнаружены вдоль костей правой руки и бедра погребенного, то есть они крепились к коробке колчана с противоположной стороны. Наклейка боковая, длинная, прямоугольной формы (табл.3, 12), профилированная продольным ребром с тремя отверстиями для крепления к корпусу колчана и остатками в двух из них железных гвоздиков. Длина общая — 29 см, длина обломков — 20 и 8,5 см, ширина — 1,2–1,8 см. Обломок наклейки боковой, длинной, прямоугольной формы, профилированной продольным ребром. Сохранился фрагмент отверстия (табл.3, 10). Сохранившаяся длина — 13,3 см, ширина — 1,3 см. Мелкий обломок узкой наклейки, профилированный ребром, с отверстием (табл.3, 19). Сохранившаяся длина — 5 см, ширина — 1,2 см.

В верхней части коробки находилась фрагмент большой наклейки трапециевидной формы (табл.4, 1). Её верхний широкий край имел вид дуги. Наклейка сужалась книзу, где был расположен листовидный вырез. Вся поверхность покрыта врезным растительным и циркульным орнаментом, который состоит из переплетенных растительных побегов. Простран-

ство между некоторыми из них заполнено лентами с циркульным ячеистым орнаментом. В центральной части расположено изображение цветка лилии. На внешней поверхности сохранились следы черной краски. Внутренняя поверхность с насечками для приклеивания к корпусу и следами кожи от футляра колчана. Длина — 33 см, ширина в верхней части — около 8 см, в нижней — около 3 см. Наклейка сильно повреждена норами грызунов.

У боковых накладок западнее большей верхней сохранились два обломка от еще одной наклейки. Эта часть колчана была сильно повреждена норой, поэтому нижнюю наклейку мы можем показать только в виде предполагаемой реконструкции (табл.4, 2). Сохранилось много накладок с внешней кромкой, которые мы расположили по краям разрушенной норой наклейки. Между ними могли находиться близкие по стилю фрагменты. Эта наклейка также была украшена растительным орнаментом, выполненным плоскорельефной резьбой с растительными мотивами побегов и ростков, закрученных в спираль. Сюда мы поместили и несколько фрагментов, выполненных в прорезной технике: в центре наклейки и внизу. Пластина могла иметь удлиненно-овальную форму, резко сужающуюся книзу, где и расположен, как нам кажется, более узкий концевой фрагмент с прорезным орнаментом. Кроме того, из нор происходило много мелких орнаментированных обломков, место расположения которых установить невозможно (табл.4, 3). В общей сложности сохранилось 84 обломка, в том числе и очень мелкие. Находки из раскопок кургана Бережной-VIII были сданы на хранение в Ростовский областной музей краеведения, который на протяжении нескольких лет по договору о сотрудничестве с Государственным Эрмитажем отправлял в его реставрационные мастерские предметы из своих коллекций. Костяные наклейки на лук также прошли реставрацию в этих мастерских. Большая пластина и фрагменты были очищены от грязи и закреплены.

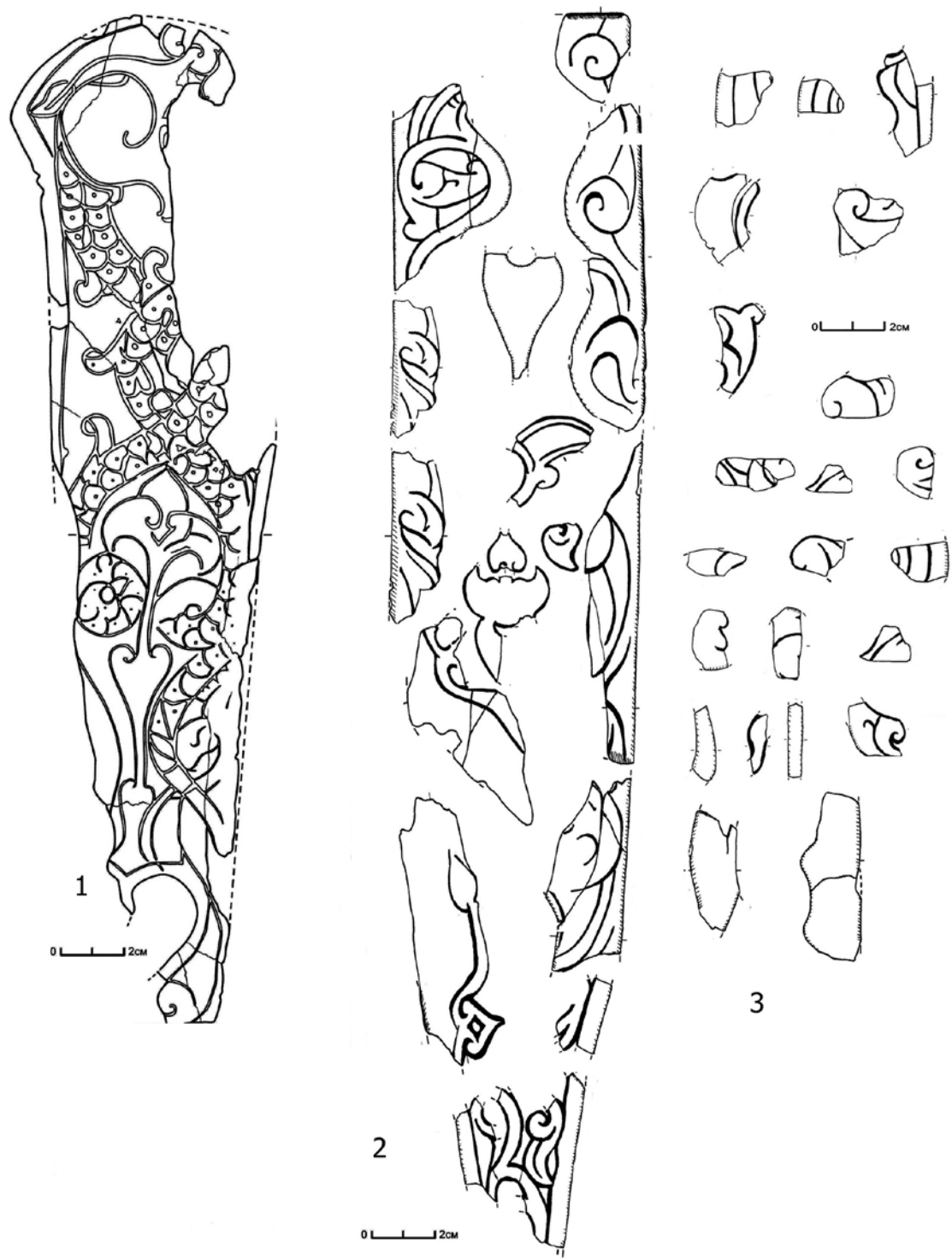

Таблица 4. Курганный могильник Бережной-VIII, погребение № 2:
 1 — верхняя накладка колчана, кость, 2 — нижняя накладка колчана, кость, реконструкция,
 3 — фрагменты накладок, кость

Однако восстановить полностью накладки, подклеить мелкие фрагменты реставраторам не удалось. Поэтому мы можем представить только возможный вариант второй накладки.

Таким образом, края колчана были украшены узкими, длинными, неорнаментированными накладками с фигурными концами. Между ними, вероятно, находились большие накладки: верхняя фигурная трапециевидная и нижняя овальная. На схеме мы показываем, как могли выглядеть эти накладки и где располагаться на коробке колчана (табл.5, 1). В известной работе Н.В. Малиновской приводятся три схемы орнаментальной композиции накладок на коробке колчана: 1) пластины располагаются тремя продольными рядами (табл.6, 2); 2) орнамент накладок образует несколько поперечных зон (табл.6, 3); 3) центральная накладка выделяется на фоне симметричных боковых пластин (табл.6, 3) (Малиновская Н.В., 1974, с.142; с.166, табл.ХІХ). Но, скорее всего, это не все существовавшие схемы расположения накладок на коробке колчана. Так, в 2004 г. при раскопках курганного могильника Северный-II в Таганроге в половецком погребении был найден колчан с 6 костяными пластинами, расположение которых на колчане удалось проследить. Центральная длинная накладка снизу обрамлялась двумя меньшими с одинаковым зооморфным орнаментом. Выше нее находились еще три меньшие по длине накладки, украшенные растительно-геометрическими рельефами (табл.6, 1) (Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2005, с.16, 21–23, рис.5). В орнаментации колчана из погребения могильника Бережной-VIII мы, вероятно, наблюдаем еще один тип расположения костяных обкладок: две фигурные детали, находившиеся одна над другой, в обрамлении узких боковых накладок. Нужно заметить, что и орнаментальная композиция здесь несколько отличается от известных ранее схем. Это только растительный орнамент, без геометрических элементов и зон и зооморфных стилизованных изо-

бражений, как это присуще большинству композиций на накладках позднесредневековых колчанов (Малиновская Н.В., 1974, с.135–143). Однако изделия с растительными композициями в виде побегов, бутонов, лепестков встречаются в косторезном искусстве средневековья. Одним из примеров может служить город Болгар, где во время раскопок была найдена деталь шка тулки, орнамент на которой состоял только из растительного орнамента (табл.5, 5). Автор публикации считает, что такие мотивы могли появиться в искусстве после распространения ислама в городах Золотой Орды (Валиева Д.К., 2008, с.167–168, рис.20, 1). Тем не менее растительные композиции на костяных изделиях известны и в комплексах раннего средневековья. Традиции косторезного ремесла и ремесла вообще существовали у кочевников с древнейших времен. Примером могут служить древнетюркские колчаны, на которых традиционно использовались костяные орнаментированные накладки. Коробки колчанов украшались тонкими накладками по горловине и приемнику. Сюжеты состояли из простых композиций: волна, циркульный орнамент (Худяков Ю.С., 1986, с.151, рис.66). Очень похож сюжет, состоящий из побегов, бутонов и лепестков, на пластине — детали передней луки седла (табл.5, 2), найденной в погребении местности Загал на Монгольском Алтае (Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002, с.94–105, рис.ІІІ, 1,2,3). Не так много известно ажурных обкладок с прорезными деталями. Фрагмент одной из них обнаружен во время раскопок усадьбы в Новом Сарае в 1967–1968 гг. (табл.5, 3) (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., с.156, рис.6, 6). Большая часть колчаных накладок золотоордынского времени имеет прямоугольную форму. Только одна, похожая на Береговой-VIII, известна нам по публикации в статье Н.В. Малиновской. Это фрагмент обкладки, найденный в могильнике у села Верхнее Погромное в кургане № 16 В.П. Шиловым в 1957 г. (Малиновская Н.В., 1974, с.152, табл.ІV, 15; с.170). Это фрагмент предмета,

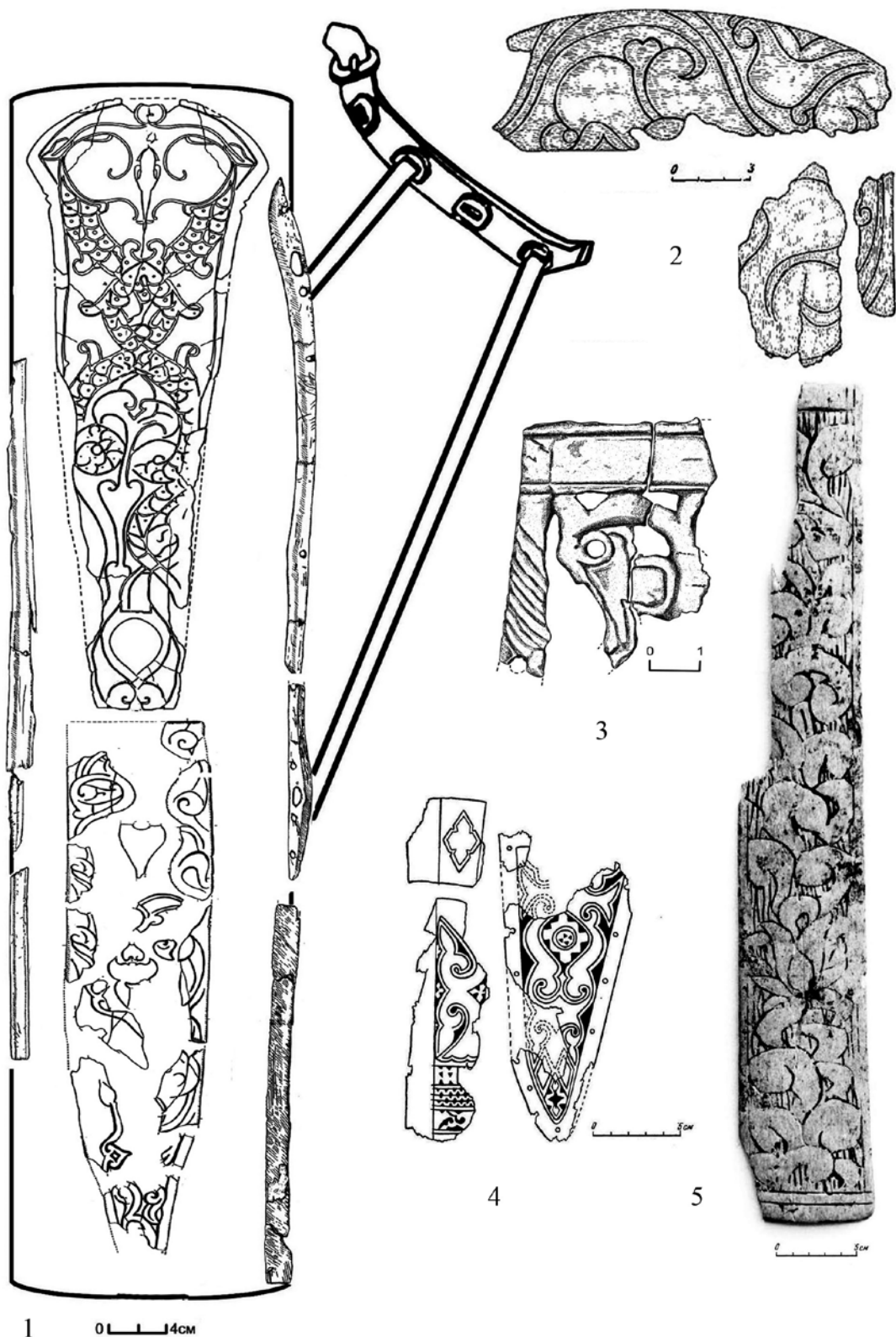

Таблица 5. Курганный могильник Бережной-VIII, погребение № 2:
 1 – реконструкция расположения костяных накладок на коробке колчана,
 2 – накладка на лук седла из погребения местности Загал на Монгольском Алтае,
 3 – накладка с прорезным орнаментом из усадьбы в Новом Сарае,
 4 – фрагменты накладок из погребения в кургане № 16 могильника у села Верхнее Погромное,
 5 – деталь шкатулки из Болгара

нижняя часть которого сужается и имеет треугольную форму. На нем изображен характерный для этого времени стилизованный растительно-геометрический орнамент (табл.5, 2).

Внутри колчана в верхней части найдена костяная пуговица от крышки полусферической формы со сквозным отверстием в центре (табл.1, 1; 3, 2). По нижнему краю она украшена горизонтальным рядом колец циркульного орнамента. Кольца и центральное углубление заполнены краской. Между кольцами расположено еще по два маленьких кольца, образующих восьмерку. На них сохранились следы красной краски. Диаметр — 1,8 см, высота — 0,8 см, диаметр отверстия — 0,4 см. Подобные пуговицы часто встречаются в погребениях кочевников, в том числе и как застежка колчана (Мыськов Е.П., 2015, рис.83, 3; 95, 2). По типологии Г.А. Федорова-Давыдова эти костяные изделия объединены в отдел Б, тип I (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.70, рис.12) и были широко распространены в средние века. Еще две костяные пуговицы использовались как детали ремней сбруи и амуниции погребенного. Вторая находилась между костями конечностей чучела коня (табл.1, 1; 3, 1) в виде полусферы со сквозным отверстием в центре. Орнаментирована она плоскорельефной резьбой. Вокруг отверстия прочерчена окружность, такая же окружность расположена по нижнему краю. Между ними находятся насечки, сплошь покрывающие поверхность. Диаметр — 2,3 см, высота — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,8 x 0,6 см. Третья пуговица найдена в норе (табл.1, 1; 3, 3) и имела вид диска со сквозным отверстием в центре. По краю диска прочерчены чередующиеся пары насечек — 4 пары. Диаметр — 1,7 см, высота — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,5 см. Обе пуговицы относятся к отделу Б, типу I (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.70, рис.12), однако таких вариантов орнаментации в виде различного сочетания насечек в своде Г.А. Федорова-Давыдова нет. Пуговица с парами насечек известна из

раскопок на Северном Кавказе в могильнике Кривуша-84 (Нарожный Е.И., 2005, с.82, рис.37, 2). Костяные пуговицы с разным сочетанием циркульных кружков — крупных и мелких, а также насечек известны по раскопкам в Болгаре (Валева Д.К., 2008, с.164, рис.18).

Внутри колчана у длинной боковой накладке с севера от нее найден бронебойный наконечник стрелы черешкового типа (Медведев А.Ф., 1966, с.62, табл.30, 98). Из-за коррозии сложно определить сечение наконечника: округлое (тип пулевидных наконечников) оно было изначально или четырехгранное. На черешке сохранились следы древка с обмоткой тонкой лентой бересты (?) и несколько фрагментов древка (табл.2, 7). Длина — 12 см, длина черешка — 5 см, сечение — 1 x 0,9 см, диаметр черешка — 0,6 см. Такого типа наконечники встречаются в погребальных комплексах XIII–XIV вв. Волго-Донского региона (Мыськов Е.П., 2015, с.126, табл. XXII, 1). В норах обнаружены фрагменты нескольких железных черешков от стрел (табл.2, 6) со следами деревянных древков на поверхности. Сохранившаяся длина — 2,6 см, 1,8 см, 1,4 см, 1,2 см, диаметр — 0,2 см.

Из нор происходят железные пряжки от амуниции. Одна округлой формы с язычком из стержня, округлого в сечении (табл.2, 4) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.45). Диаметр — 2,7 см, длина язычка — 3,5 см, сечение рамки — 0,5 см. От второй сохранился сильно коррозированный фрагмент рамки и язычка (табл.2, 3). Форма, вероятно, такая же, как у первой. Размеры: рамка — 2 x 2 см, язычок — 0,5 x 0,8 см.

В норе был найден фрагмент точильного камня — оселка в виде обломка плитки из серого песчаника. Размеры: 4 x 2,5 x 2,4 см (табл.2, 5).

Погребения такого типа, как в кургане Бережной, Г.А. Федоров-Давыдов объединил в отдел Г: костяк человека обращен черепом на восток с костями (чу-

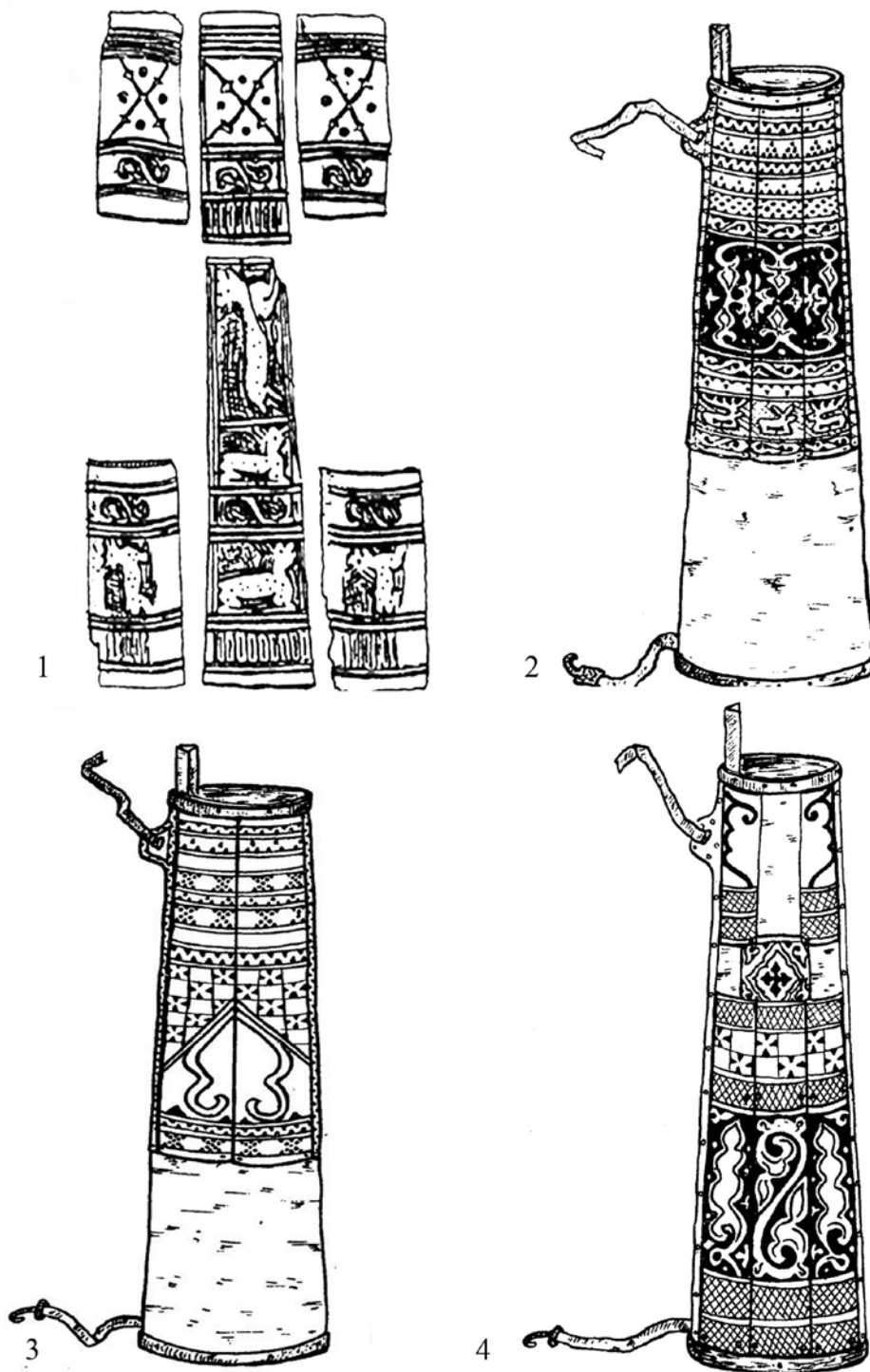

Таблица 6. Расположение костяных накладок на коробках колчанов:
 1 — курган № 1 могильника Северный-II, город Таганрог,
 2-3 — схемы расположения накладок по Н.В. Малиновской

челом) коня. Однако в приведенных ниже 10 типах соотношения костей животного и человека только в одном случае чучело коня, как и костяк человека, обращено черепом к востоку (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.126–127). Но форма погребения иная, чем в Береговом: прямоугольная яма, на дне расположен костяк человека, а над ним — кости коня. В многотомнике «Археология СССР» С.А. Плетнева, обобщая основные черты погребального обряда в эпоху развитого средневековья, выделяет такую особенность половецких комплексов, как погребение полного остова коня, ориентированного мордой на восток или, реже, на запад к ногам покойного (Плетнева С.А., 1981, с.218, 258, рис.82). А.Г. Атавин в группе половецких погребений в междуречье Волги и Дона выделил 46 подбойных захоронений, что составило 22,9 процента. Причем в Ростовской области автору на момент написания публикации было известно 34 таких комплекса — больше, чем в других южных регионах. В 40 процентах случаев погребенные были ориентированы в таких ямах головой на восток. Одна из характерных черт погребального обряда, по мнению автора, ориентировка костей коня в могилах. Для половецкого времени он считал преобладающей ориентировку коня в противопо-

ложную сторону от человека (Атавин А.Г., 2008, с.88, 90, 91). В могильнике Бережной и человек, и конь ориентированы одинаково: черепами на восток. Одинаковая ориентировка, по мнению автора, была присуща печенегам и торкам (Атавин А.Г., 2008, с.91, 102, табл.16).

Таким образом, погребение из кургана могильника Бережной-VIII имеет несколько оригинальных черт. Во-первых, и человек, и чучело коня ориентированы в одну сторону — на восток. При погребенном найдены фрагменты гривны или браслета редкой конструкции. Особый интерес представляет стиль оформления колчана костяными обкладками, где необычно как количество центральных накладок, так и их форма и расположение на коробке и орнамент, которым они украшены. При этом ряд признаков характеризует этот обряд как типичный для половецко-кипчакской кочевой культуры конца XII в. — XIII в. Нижнего Дона: погребение в подбое, восточная ориентировка погребенного. Причем наличие в погребении такой детали, как колчан с оригинальными костяными накладками, вероятно, дает возможность датировать комплекс первой половиной XIII в., так как узор на них еще не приобрел традиционных для золотоордынских колчанов черт.

ЛИТЕРАТУРА

- Атавина А.Г., 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зон юга России в конце IX в. — первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. — М.
- Валева Д.К., 2008. Искусство города Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. — М.
- Евглевский А. В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья: Труды по археологии. — Том I. — Донецк.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. — Вып. Е1-36. — М.
- Кривошеев М.В., Блохин В.Г., 2012. Средневековое погребение из одиночного кургана в Котельничском районе Волгоградской области // Степи Европы в эпоху средневековья: Труды по археологии. Половецкое время. — Том. 10. — Донецк.
- Ларенок В.А., Ларенок П. А., 2004. Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II // Следы прошлого в настоящем. Донские археологические чтения. — Вып. VII. — Ростов-на-Дону.
- Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментирован-

- ными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. — М.
- Медведев А.Ф., 1966.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострелы // САИ. — Вып. Е1-36. — М.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. — № 3. — М.
- Мыськов Е.П., 2015.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. — Волгоград.
- Нарожный Е.И., 2005.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия Золотой Орды). — Армавир.
- Плетнева С.А., 1981.* Степи в эпоху развитого средневековья // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — Часть II. — М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.* Кочевники Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. — М.
- Худяков Ю.С., 1986.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002.* Находки из древнетюркского погребения в местности Загал на Монгольском Алтае // Древности Алтая: Межвузовский сборник научных трудов. — № 8. — Горно-Алтайск.

Л.Э. ГОЛУБЕВ, М.Ю. ФЕДОСОВ, Ю.Н. ФЕДОСОВА

РАСКОПКИ ЧЕТЫРЕХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУРГАНОВ ГРУППЫ ДЖУБГА 1 В ТУАПСИНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 2016 г.

Авторами данной публикации еще в 2012 году были опубликованы материалы раскопок двух курганов из могильника Джубга 1, произведенных в 2011 году (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с.154–174). Данная публикация вводит в научный оборот материалы раскопок еще четырех курганов из этой курганной группы, исследованных в 2016 году.

Курганный могильник эпохи средневековья Джубга 1 был выявлен М.К. Тешевым в ходе разведок 1979–1981 годах (Тешев М.К., Архив...). Памятник расположен в 3,5 км к северу от северной окраины пос. Джубга Туапсинского района Краснодарского края. Курганная группа занимает территорию ориентировочной протяженностью 200 м по линии «запад — восток», 100 м по линии «север — юг», на правом берегу реки Джубги и на момент раскопок насчитывала 32 насыпи. В ходе несанкционированного строительства автомобильной дороги пять курганных насыпей могильника были уничтожены. В дальнейшем на уцелевших курганах № 6, 10, 18, 20, попавших в зону строительства, были проведены охранно-спасательные археологические раскопки отрядом ООО «Кубаньохранкультура».

Курган № 6 (рис. 1, 1) располагался в северной части могильника. Максимальная высота кургана составляла 0,49 м. Насыпь округлой в плане формы. Диаметр насыпи составил 10 м.

Основание курганной насыпи представляло собой кольцевую крепиду, сложенную из камней различных осадочных пород размерами от 15 до 40 см. Ширина крепиды колеблется от 60–160 см в южной части конструкции до 120–300 см в ее северной части. Крепида в плане подовальной формы, размерами 8,6 x 8,0 м, длиной осью вытянута по линии «запад — восток».

Максимальная высота кромлеха от уровня погребенной почвы 60 см, минимальная глубина от R0 9 см. Камни кромлеха укладывались непосредственно на древний горизонт (погребенную почву).

В кургане было обнаружено одно погребение, представляющее собой кенотаф.

Погребение № 1 (рис. 1, 2) было совершено на уровне погребенной почвы в центральной части кургана, у южного края площадки, внутри каменной крепиды. Судя по расположению найденного инвентаря, погребение длинной осью было ориентировано по линии «запад — северо — запад восток — юго — восток». В погребении был найден следующий инвентарь:

1. Железная сабля лежала на расстоянии 44–47 см вдоль скопления предметов по оси СЗ-ЮВ острием на СЗ. Сабля очень длинная, слабоизогнутая (рис. 2, 1). Стержень рукояти сабли слегка отогнут в сторону лезвия. Навершие не сохранилось либо отсутствовало. Перекрестие напускное (рис. 2, 2), асимметричное, одно плечико на 2 см короче другого. Плечики перекрестия слабоизогнутые, в сечении прямоугольные. Концы не раскованы. Клинок слабоизогнутый, почти ровный, в последней четверти обоюдоострый. Конец обломан, не сохранился. На лезвии сохранились отдельные фрагменты дерева от ножен. Общая длина сохранившейся части — 121,3 см; длина клинка — 105,8 см, размеры стержня рукояти — 14,8 x 2 см. На наиболее хорошо сохранившихся участках клинка размер сечения составляет: у перекрестия — 3,5 x 0,9 см, у острия — 2,1 x 0,8 см. Длина перекрестия — 11,8 см; длина его плечиков — 5,5 и 3,2 см. Сечение плечиков — 1,43 x 1,2 см и 1,0 x 0,8 см соответственно.

От ножен сохранились фрагменты обоймы плохой сохранности.

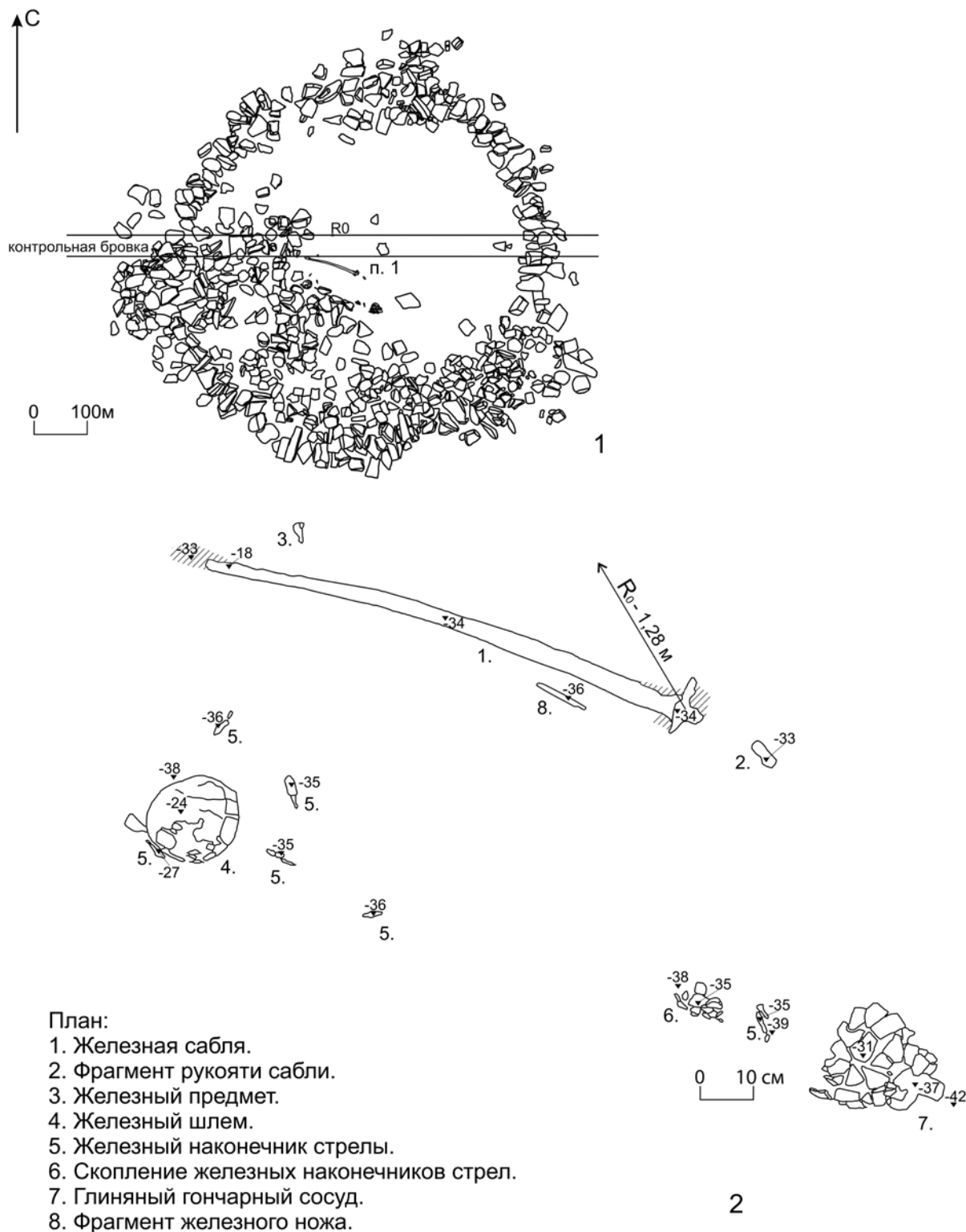

Рис. 1. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 6:
1 — план кургана, 2 — план погребения 1

А. Фрагменты скобы обкладки ножен. Сечение прямоугольное. Оба конца скобы заканчиваются отогнутыми петлями с отверстиями. Размеры скобы — 5 x 2,8 см; размер петли — 1,3 x 1,0 см; размер сечения — 0,7 x 0,3 см.

Б. Фрагменты пряжки. Сохранилось около половины «ободка» и язычок. Пряжка была, по-видимому, полукруглой формы, подовальной в сечении. Сечение язычка прямоугольное. Размеры пряжки — 2,6 x 2,9 см; сечение «ободка» — 0,7 x 0,5 см; сечение язычка — 0,6 x 0,4 см.

В. Кольцо округлой формы, изготовленное из согнутой проволоки. Сечение подовальное. До половины длины проволоки использовано в качестве стержня. Стержень пронизывает обе петли скобы обкладки ножен. Край его раскован и прикреплен к «ободку». Диаметр кольца — 1,8 см; длина стержня — 1,1 см; сечение — 0,7 x 0,6 см (рис. 2, 3).

Второй элемент представляет собой фрагмент железной скобы. Сечение прямоугольное. Размер фрагмента — 3,3 x 0,8 см; сечение — от 0,8 x 0,5 до 0,7 x 0,4 см (рис. 2, 4).

2. От ножен сабли сохранился фрагментированный, окованный железом наконечник, внутри которого зафиксирован деревянный тлен.

3. Рядом с саблей с южной ее стороны найден железный нож. Изделие плохой сохранности, черенок и рукоять не сохранились. Сохранился фрагмент клинка. Лезвие прямое. Заточка с одной стороны. Размеры фрагмента — 13 x 2,2 x 0,9 см (рис. 3, 21).

4. В юго-восточной части погребения расчищен развал красноглиняного кружального сосуда. Сосуд лежал на боку, был раздавлен корнями дерева. Сосуд имеет плоское дно, шаровидное тулово, вытянутое узкое прямое горло со слегка отогнутым скругленным венчиком, две С-образные ручки. Верхний конец ручки крепится по центру горла. Нижний конец ручки крепится к плечу сосуда. На внешней стороне ручек имеется продольный желобок,

сформованный пальцевым вдавлением. Внешняя поверхность светло-коричневая, заглажена. На внешней поверхности сосуда имеется орнамент в виде парных рядов косых насечек, имитирующих «веревочку», а также 4 симметрично расположенных на тулове сосцевидных налепов. Ряды «веревочки» образуют горизонтальные, вертикальные и наклонные отрезки, сходящиеся к данным налепам, а также поясок в месте основания горла. Черепок в сломе светло-коричневый, с примесью песка. Высота сосуда — 28 см. Диаметр дна — 9,7 см. Максимальный диаметр тулова — 18,2 см. Диаметр основания горла — 7,0 см. Диаметр по венчику — 4,3 см. Толщина дна — 0,9 см. Толщина стенки — 0,6–0,8 см. Сечение ручек — 3 x 1,3 см (рис. 3, 22).

5. К западу от сосуда найдено два скопления железных наконечников стрел различных типов. Еще пять наконечников стрел зафиксированы в западной части ямы в хаотичном порядке, еще один найден на шлеме. Всего 18 наконечников. Наконечники черешковые двухлопастные, однако типологически различаются между собой (рис. 3, 1–18).

6. Железный шлем найден в юго-западном углу погребения. Шлем стоял на тулье с небольшим завалом к западу — юго-западу. Шлем сфероконический, четырехчастный. Тулья овальная. Сегменты треугольные, толщиной 0,3 см, прикреплены друг к другу методом сварки внахлест в среднем на 2–2,5 см, так что лобный и затылочный сегменты находились сверху. Верхняя часть лобного сегмента не сохранилась. По тулье в 3 см от края сохранились следы заклепок от крепления бармицы или оторочки. Высота шлема — 17 см. Ширина лобной части — 14,5 см. Ширина затылочной части — 17,5 см (рис. 2, 5).

7. После снятия шлема внутри него найдено два предмета.

А. Фрагмент железного наконечника стрелы. Наконечник стрелы черешковый двухлопастный. Сохранилось только основание пера. Сечение пера ромбическое. Сечение черешка прямоугольное. Длина сохранив-

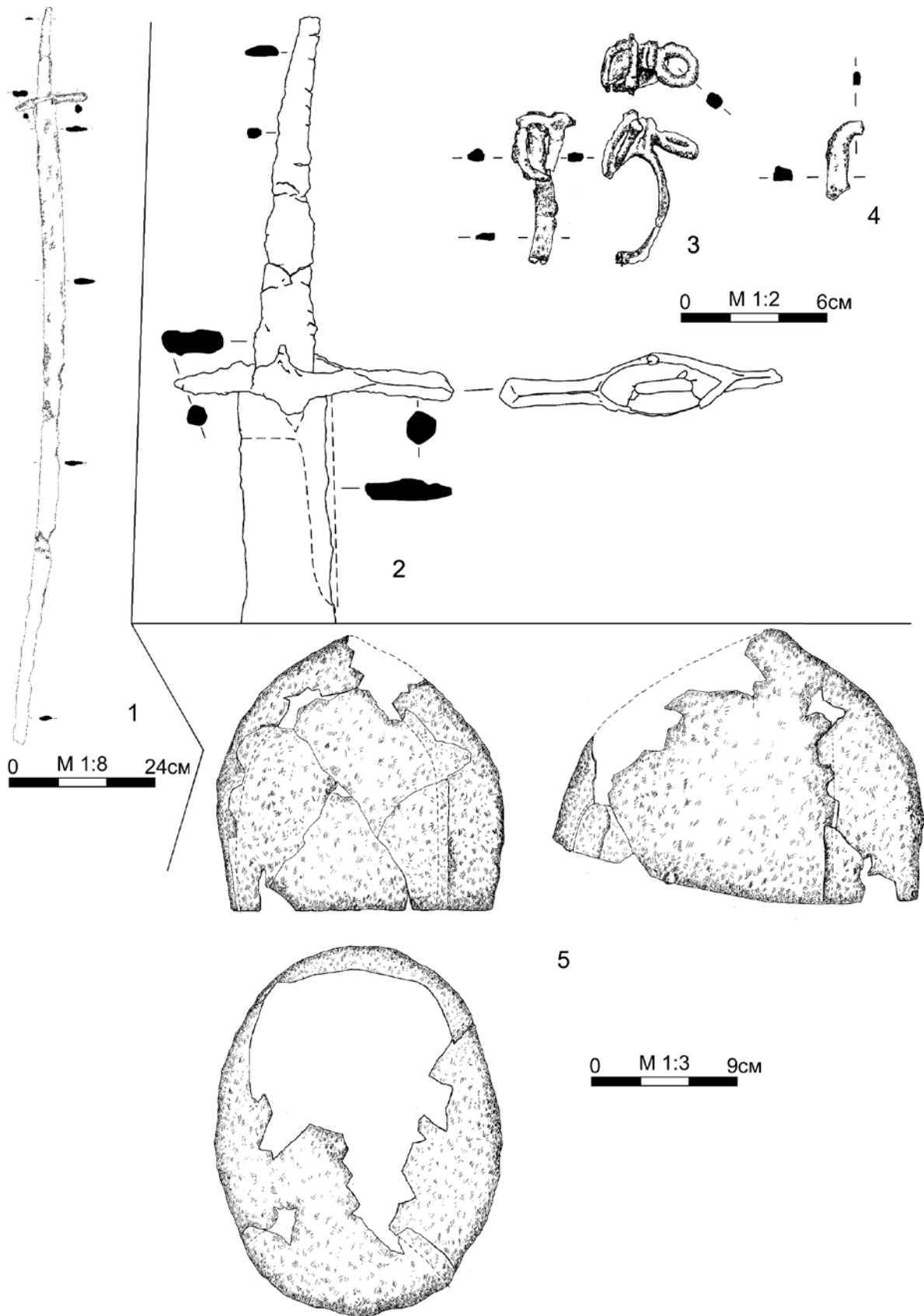

Рис. 2. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 6. Находки из погребения № 1:
 1 — железная сабля, 2 — железная сабля, деталь, 3, 4 — фрагменты железной фурнитуры ножен,
 5 — железный шлем

шейся части пера — 2,1 см, размер сечения — 1,8 x 0,8 см. Длина черешка — 3,5 см; размер сечения — 0,7 x 0,5 см (рис. 3, 19).

Б. Фрагмент железного предмета. Представляет собой железный кованый стержень с сильно коррозированной заклепкой. Сечение подпрямоугольное. Длина стержня — 7,9 см; размер сечения — от 0,5 x 0,4 до 0,7 x 0,6 см. Размер заклепки — 1,7 x 1,7 x 0,9 см (рис. 3, 20).

Курган № 10 (рис. 4, 1) располагался в центральной части могильника. Максимальная высота кургана 0,4 м. Насыпь округлой в плане формы. Диаметр насыпи 7 м. Насыпь с восточной стороны была повреждена строителями автодороги. Основание курганной насыпи представляло собой кольцевую крепиду, сложенную из камней различных осадочных пород размерами от 15 до 40 см. Ширина крепиды в среднем составляет 150 см. Крепида в плане округлой формы, диаметром 5 м. Максимальная высота кромлеха от уровня погребенной почвы 50 см. Камни кромлеха укладывались непосредственно на древний горизонт.

В кургане было обнаружено два погребения, совершенных в каменных ящиках.

Погребение № 1 (рис. 4, 2) совершено в каменном ящике в центральной части кургана, частично перекрывает кромлех. Фрагменты конструкции на момент исследования были частично обнажены. Длинной осью погребение ориентировано по линии «северо-запад — юго-восток». Крышка фрагментирована, просела внутрь ящика. В южной части ящика располагалось дерево, корневая система которого серьезно повредила восточную боковую стенку. Боковые стенки состояли из двух плит песчаника размерами $\approx 1,0 \times 0,4 \times 0,03$ м каждая. Размеры торцевых плит $\approx 0,5 \times 0,45 \times 0,3$ м. С обоих торцов ящик подпирают камни песчаника размерами 0,4 x 0,2 x 0,11 м, по два с каждой стороны. В заполнении в северной части ямы фиксировалось большое количество древесных углей. Других находок, в том числе инвентаря, или следов труположения в каменном ящике не найдено.

Погребение № 2 (рис. 5) совершено в каменном ящике в центральной части кургана, перекрывает кромлех. Длинной осью погребение ориентировано по линии «запад — восток». Крышка фрагментирована, просела внутрь ящика. Сохранились обе торцевые стенки и одна боковая (южная). Северная боковая стенка ящика не прослеживалась. Не исключено ее отсутствие, так как плиты перекрытия опирались непосредственно на камни, подпирающие южную боковую стенку каменного ящика погребения № 1. В юго-западном углу ящика зафиксированы костный тлен и несколько молочных зубов человека. В центральной и восточной частях ямы расчищено несколько фрагментов длинных костей человека. Судя по их расположению, погребенный лежал вытянуто на спине, головой был ориентирован на запад — северо-запад. Остальные кости не сохранились. В погребении был найден следующий инвентарь:

1. В ногах погребенного был расчищен развал красноглиняного гончарного сосуда. Изготовлен линейно-ленточным способом с применением поворотного столика. Дно плоское. Тулово округлое. Горло прямое. Венчик раструбный, скруглен. Сосуд имел одну ручку, которая не сохранилась. Форма и размеры ручки не восстанавливаются. Нижний конец ручки крепился к плечу сосуда, верхний — к середине горла. Внешняя поверхность красно-коричневая, заглажена. Черепок в сломе светло-коричневый, с примесью песка и шамота. Высота сосуда — 30,2 см. Высота горла — 6,4 см. Диаметр дна — 10,7 см. Максимальный диаметр тулова — 20,8 см. Диаметр основания горла — 7,3 см. Диаметр по венчику — 7,4 см. Толщина дна — 1,1 см. Толщина стенки — 0,9 см (рис. 6, 3). Такой тип сосудов имеет широкую хронологическую датировку в рамках развитого и позднего средневековья.

2. Около южной (правой) берцовой кости найден фрагмент железного предмета. Представляет собой Т-образную часть кованого изделия. Сечение прямоугольное. На одной стороне сохранилась сильно

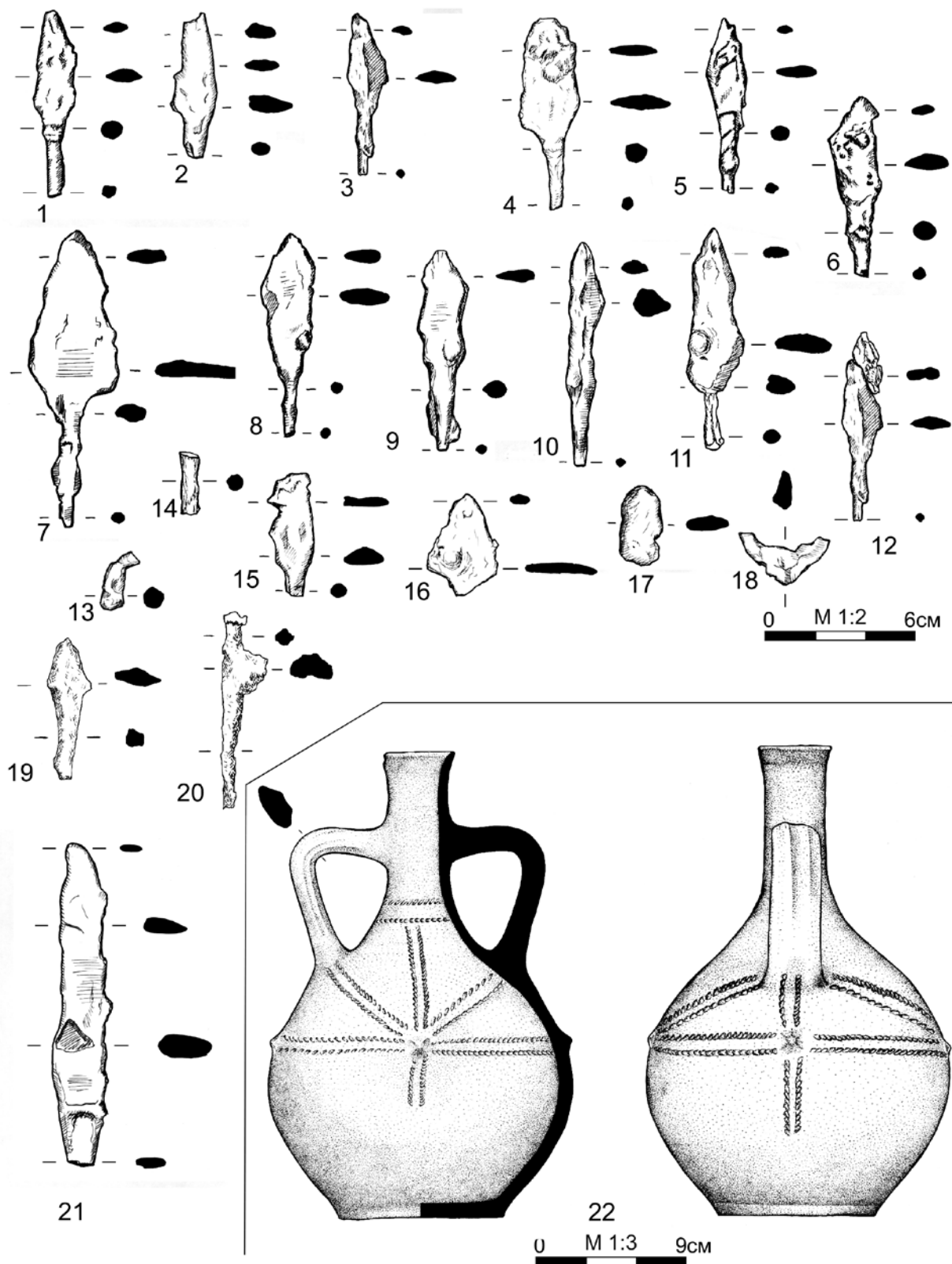

Рис. 3. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 6. Находки из погребения № 1:
 1–19 – железные стрелы и их фрагменты,
 20 – фрагмент железного предмета из заполнения шлема,
 21 – фрагмент железного ножа, 22 – гончарный сосуд

коррозированная заклепка. Размеры фрагмента — 7,2 x 3,3 x 0,5 см (рис. 6, 1).

3. Еще один фрагмент железного предмета (кольца?) был найден в центральной части могилы. Кольцо изготовлено из округлой в сечении проволоки, раскованной с одной стороны. Размеры фрагмента — 3,6 x 2,0 см. Размер сечения — от 0,4 x 0,3 до 0,8 x 0,7 см (рис. 6, 2).

Курган № 18 (рис. 6, 4) располагался в северо-восточной части могильника. Максимальная высота кургана 0,47 м. Насыпь округлой в плане формы. Диаметр насыпи составлял 8 м. В центральной части насыпи фиксировались следы грабительских раскопок. Северная пола повреждена в ходе строительства объекта дороги.

Основание курганной насыпи представляло собой кольцевую крепиду, сложенную из камней различных осадочных пород размерами от 10 до 40 см. Ширина крепиды в среднем составляет от 60 см в восточной части до 250 см в северной части. Максимальная высота конструкции от уровня погребенной почвы — 40 см. Камни крепиды укладывались непосредственно на древний горизонт (погребенную почву). Около половины каменной конструкции было уничтожено в ходе строительства дороги. Крепида в плане была округлой формы, диаметром около 5,5 м.

В ходе зачистки пространства внутри каменной конструкции в северной части обнаружен развал красноглиняного кружального сосуда (рис. 6, 4). Сосуд лежал на уровне погребенной почвы. Дно плоское. Тулово шаровидное. Горло высокое прямое. Венчик отогнут и скруглен, со сливом. Сосуд имеет одну ручку дугообразной формы. Нижний конец ручки крепится к плечу сосуда. Верхний конец ручки не сохранился, крепился к горлу ниже венчика. Сечение ручки фасовидное. Внешняя и внутренняя поверхности красно-коричневые, заглажены. На плечиках имеются три параллельных горизонтальных заглаженных валика, на 1,7 см ниже которых симметрично расположены 4 округлых налепа. Черепок в сломе

серый. В тесте примесь песка и шамота. Высота сосуда — 27,8 см. Высота горла — 8,0 см. Диаметр дна — 9,8 см. Максимальный диаметр тулова — 19,8 см. Диаметр основания горла 4,8 см. Диаметр по венчику — около 5 см. Размер сечения ручки — 2,6 x 0,9 см. Толщина дна — 0,9 см, толщина стенок — от 0,8 см (тулово) до 0,5 см (горло). Диаметр налепов — 1,0 см. По всей видимости, сосуд является частью разрушенного погребения. Погребение могло быть уничтожено как вследствие грабительских раскопок, так и позднее в результате несанкционированных земляных работ. Иных признаков человеческого захоронения в кургане не обнаружено.

Курган № 20 (рис. 6, 6) располагался в северо-восточной части могильника. Максимальная высота кургана — 0,72 м. Насыпь округлой в плане формы. Диаметр насыпи составлял 7 м. Северную полу насыпи частично перекрывает отвал грунта от строительства дороги.

Основание курганной насыпи представляло собой кольцевую крепиду, сложенную из камней различных осадочных пород размерами от 10 до 40 см. Ширина крепиды в среднем составляет от 60 см в восточной части до 250 см в северной и западной частях. Крепида в плане округлой формы, диаметром 6 м. Максимальная высота крепиды от уровня погребенной почвы — 50 см. Камни кромлеха предположительно укладывались на «материк»: серовато-желтовато-коричневый плотный суглинок. Северо-восточная часть каменной конструкции разрушена в результате водной эрозии.

В кургане было обнаружено одно погребение.

Погребение № 1 (рис. 7, 1) совершенно в центральной части кургана (в его изначальных границах) внутри кольцевой крепиды на небольшой подсыпке из мелкого галечника (толщина подсыпки — 10–15 см). Предположительно представляло собой захоронение человека мужского пола возрастом 14–25 лет (постоянный набор зубов, головка бедренной кости не сращена). Погребенный лежал вытянуто на спи-

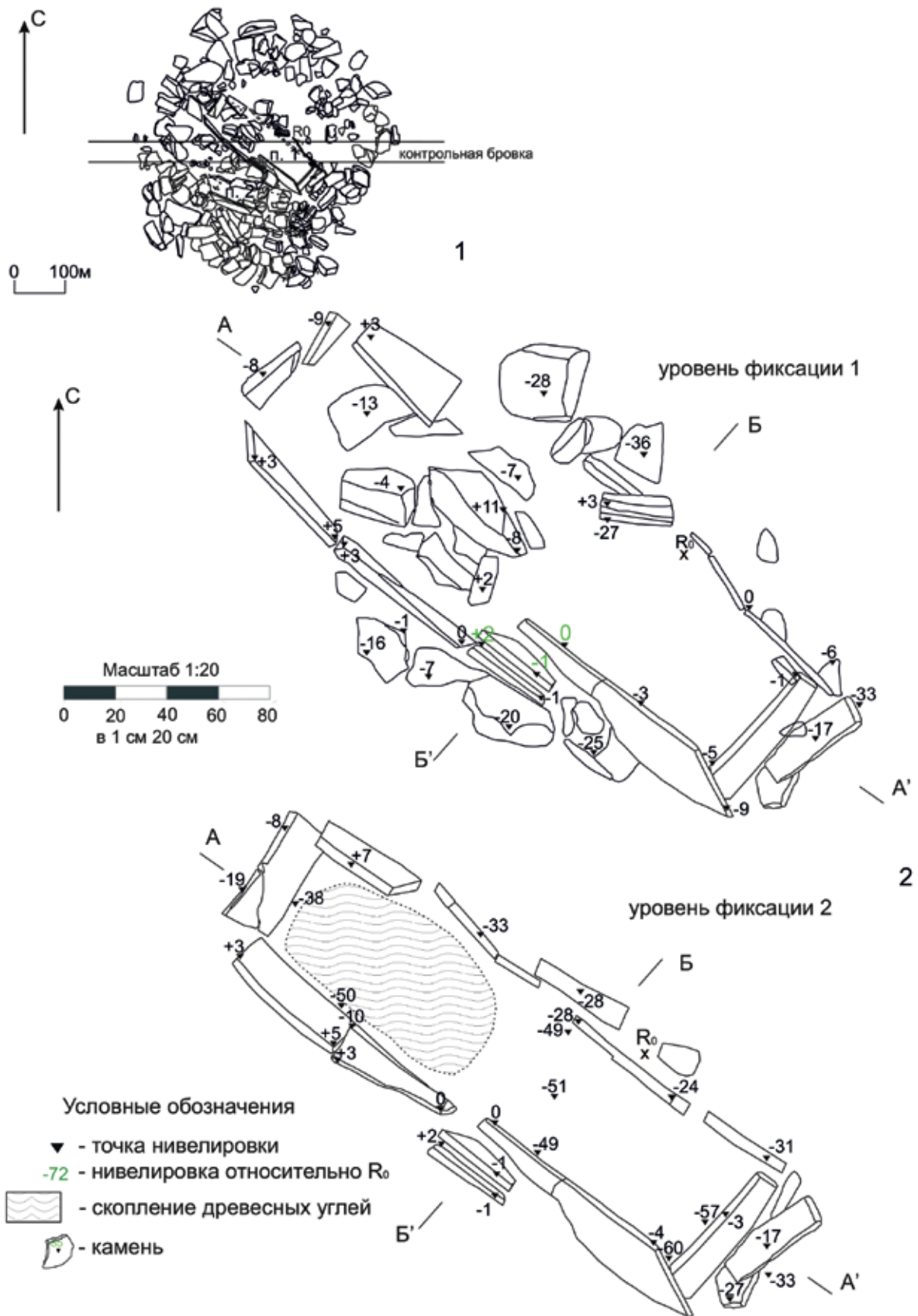

Рис. 4. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 10:
1 – план кургана, 2 – план погребения 1

не, черепом ориентирован на запад — северо-запад. Череп очень плохой сохранности, раздавлен корнями деревьев. Ноги вытянуты, кости ступней не сохранились. Правая рука согнута в локте под тупым углом, кости кисти не сохранились. От левой руки сохранилась только плечевая кость, лежащая не в анатомическом порядке. Позвоночник, ребра, лопатки, грудина, правая ключица не сохранились. Левая ключица лежала не в анатомическом порядке. В погребении найден следующий инвентарь:

1. Фрагменты железного кинжала найдены около левой ноги умершего. Оружие лежало параллельно скелету, острием на восток — юго-восток. Сохранились перекрестие (гарда), часть клинка. Размеры сохранившегося фрагмента позволяют предположить, что клинок был прямым. Заточка лезвия двусторонняя. Сечение ромбовидное. Длина фрагмента — 10,7 см. Ширина лезвия — от 2,1 до 1,3 см, толщина — 0,4–0,6 см. Сечение рукояти гарды овальное, плечики симметричные, опущены вниз под тупым углом; конец одного плечика обломан. Сечение плечиков округлое. Размер сохранившейся части гарды — 8,8 x 3,0 см. Размер отверстия под рукоять — 3,3 x 1,6 см. Длина целого плечика — 4,4 см; диаметр сечения плечика — 1,0–1,1 см (рис. 7, 3,4).

2. Фрагменты железной обкладки ножен найдены рядом с фрагментами кинжала. Предмет очень плохой сохранности. Сечение ножен восстанавливается как овальное. Внутри сохранились фрагменты дерева от ножен. Размер фрагмента — 10,2 x 2,8 см. Толщина листа металла — 0,3 см (с коррозией); сечение — 2,8 x 2 см (рис. 7, 5).

3. Около правой берцовой кости найден фрагмент сильно корродированного железного предмета, вероятно ножа. Изделие сильно корродировано, отсутствуют черенок и рукоять. Сохранились спинка лезвия и основание черешка рукояти. Заточка односторонняя. Лезвие прямое. Черешок рукояти в сечении подпрямоугольный. Размеры фрагмента — 11,2 x 1,0 см. Сечение черешка — 0,6 x 0,2 см (рис. 7, 2).

Погребальный обряд. Погребальные сооружения у средневековых предков адыгов весьма разнообразны. При исследованиях курганных могильников был зафиксирован ряд локальных вариантов: курганные земляные насыпи, курганные насыпи с каменной наброской, курганные насыпи с кольцевой каменной крепидой, курганные насыпи с прямоугольной крепидой, грунтовые могильники (Алексеева Е.П., 1971, с.182–185; Стрельченко М.Л., 2003, с.30–37; Тешев М.К., 1985, с.142–148; Нагоев А.Х., 1987, с.207; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с.13). Погребения в курганах могли совершаться в каменных ящиках, в деревянных колодах и гробах, как впущенных в погребенную почву, так и поверх погребенной почвы. Также погребения производились в кремационных керамических урнах-пифосах. При этом такие обрядности часто встречаются в одном могильнике и, судя по инвентарю, могут существовать одновременно и даже под одной курганной насыпью. Тем не менее существует и ряд закономерностей: вытянутое положения костяка, ориентированного на запад (с учетом сезонного отклонения), присутствие в большом или даже в ничтожном количестве древесного угля. При этом, как правило, при разности обряда погребения в одном могильнике все равно преобладает какой-то один, как правило, ингумационный.

Все четыре представленные курганные насыпи имели кольцевую каменную крепиду, характерную для этой местности. Схожие насыпи были зафиксированы при раскопках курганных могильников Азаренский (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009), Тешевс-1 (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013), Борисовский (Саханев В.В., 1914), Бжид-1 (Пьянков А.В., Сторчевой А.А., 1992).

Два погребения в каменных ящиках, поставленных на погребенную почву, были зафиксированы в курганной насыпи № 10; два погребения из насыпей № 6 и № 18 были совершены без каменных ящиков поверх погребенной почвы. Как было

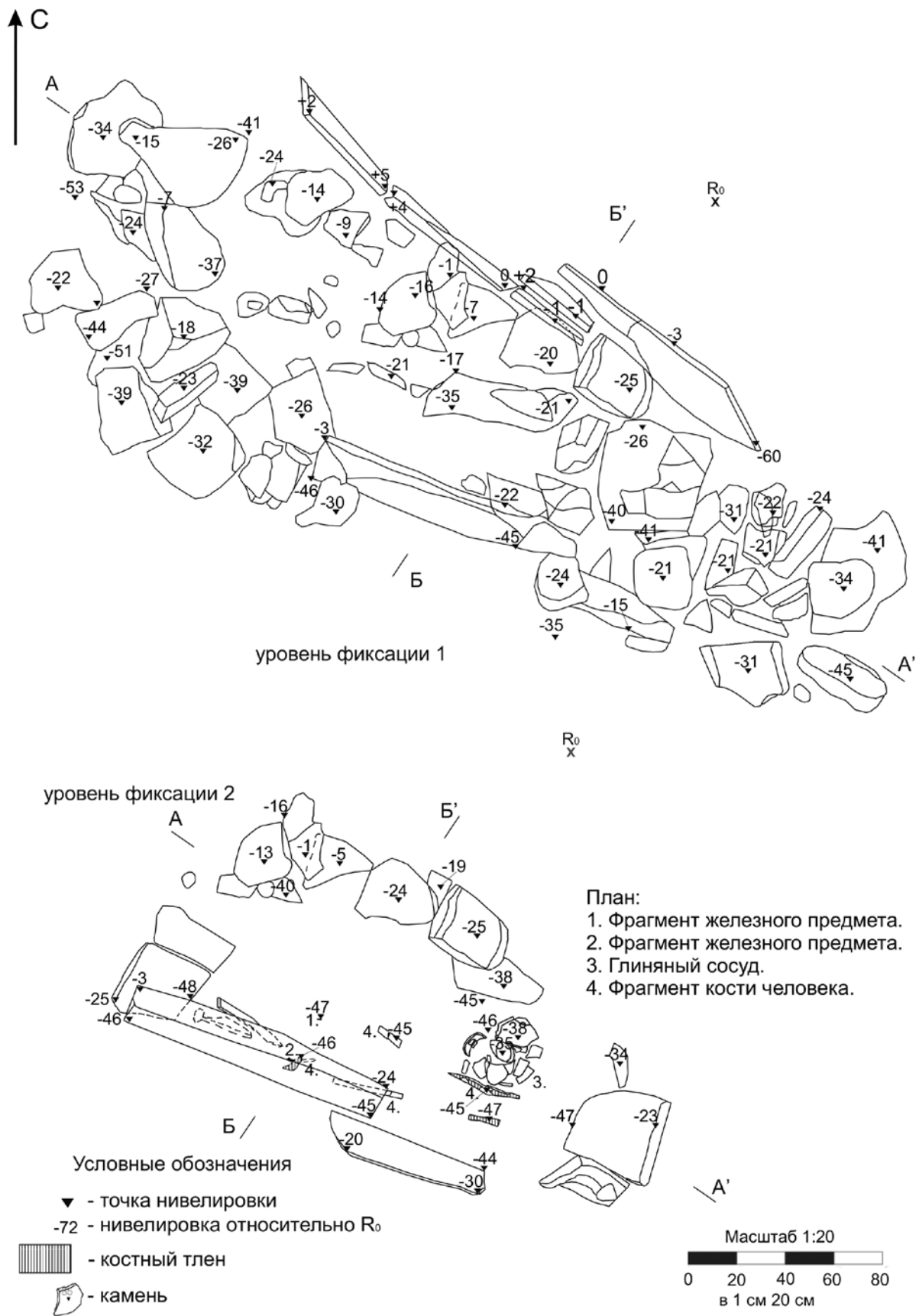

Рис. 5. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 10:
 План погребения 2

совершено погребение из насыпи № 18, выяснить не представляется возможным. Из исследованных шести курганов (включая две насыпи, раскопанные в 2011 году) группы Джубга 1 все были совершены в насыпях с кольцевой каменной крепидой по двум обрядам:

1. В каменном ящике, установленном на погребенной почве.

2. На погребенной почве без каменного ящика.

Во втором случае нельзя исключать, что покойники могли лежать в деревянных гробах, скрепленных при помощи пазов, или в колодах, следы которых не сохранились.

Сохранность костей людей, найденных в курганах, крайне плохая и, вероятно, связана с тем, что захоронения были совершены неглубоко, близко от поверхности. Возможно, прах человека мог и не сохраниться в погребении № 1 из кургана № 6 и погребении № 1 кургана № 10. Также нельзя исключать, что эти погребения — кенотафы. В таком случае погребение из кургана № 10 вызывает особый интерес тем, что предметы были разложены так, если бы в могиле был покойный. Во многих адыгских средневековых воинских комплексах часто сабля находится слева от покойника, рукоятью у бедра, острием к голове, режущей частью клинка от покойника, как было зафиксировано при раскопках погребений в этом же могильнике в 2011 году (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с.154–174, рис.1, 5). Расположение шлема в адыгских погребениях фиксировалось рядом с головой покойного (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., с.162, рис.5; Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2016, с.74, рис.2, 2; Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009); в курганном могильнике Азаренский-1 в кургане № 25 шлем находился у левого предплечья.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения и керамическими сосудами. Практически полностью отсутствуют шанцевые предметы быта и обихода: кресала, бритвы, шилья, оселки

и т. п., характерные для протоадыгских погребений этого времени, хотя подобный инвентарь был найден в этом же курганном могильнике в 2011 году.

Предметы вооружения были найдены в основном в погребении 1 кургана 6. Редкой находкой в воинских погребениях является шлем. Аналогичное этому четырёхчастное наголовье было найдено в кургане № 2 этого же могильника (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с.168, рис.8, 5). Еще два аналогичных шлема были найдены при раскопках располагающегося недалеко курганного могильника Азаренский 1 (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009). Шлем относится ко II типу по классификации Р.Б. Схатума — низкому сфероконическому — и датируется XIII–XIV вв. (Схатум Р.Б., 2011, с.190–192).

В погребении 1 кургана № 6 находилось 18 двухлопастных черешковых наконечников стрел трех типов согласно классификации А.Ф. Медведева (Медведев А.Ф., 1966). К клиновидным, или «классическим», относятся 7 из определяемых единиц (рис. 3, 1,2,5,11,12,15). Наконечники овальные и ромбические в сечении. Такие изделия были широко распространены на евразийском пространстве и относятся к типу 40, датируемому X–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с.64, 67, табл. 30б, рис.36). Второй тип наконечников стрел — «фигурнолистные» или «пламевидные» (рис.3, 4), по классификации А.Ф. Медведева соответствует типу 71. Появление таких наконечников в Восточной Европе относится к монгольскому нашествию и датируется XIII в. (Медведев А.Ф., 1966, с.77, 78, табл. 30в, рис. 62). Третий тип — крупные наконечники стрел, плоские в сечении, с ланцетовидным острием, «срезни в виде узкой вытянутой лопаточки» (3 экз., рис. 3, 6,8,9). Данные наконечники стрел датируются XIII–XIV вв. Их широкое хождение на евразийском пространстве также связано с монгольским нашествием. По используемой классификации они относятся к типу 67 (Медведев А.Ф., 1966,

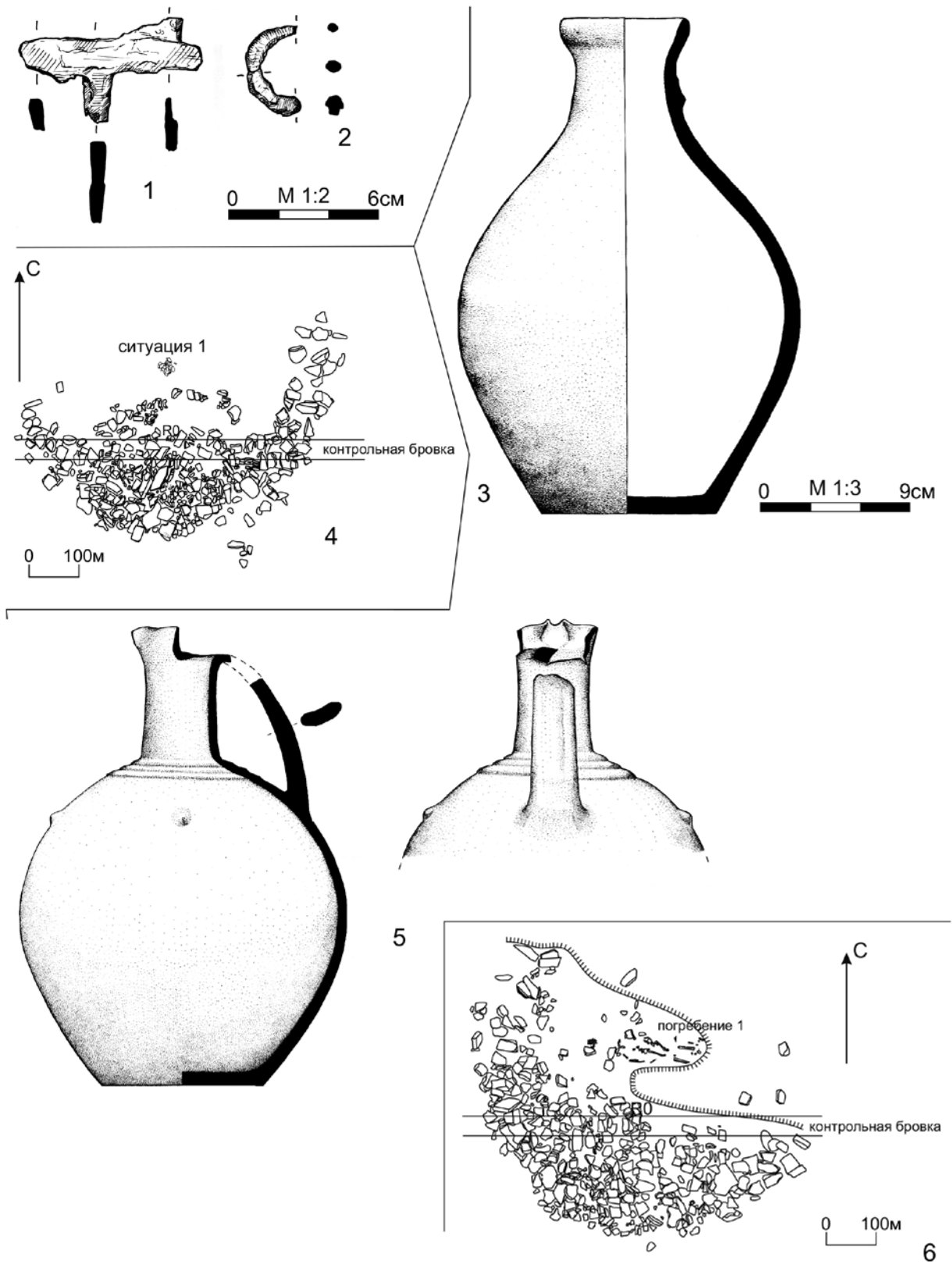

Рис. 6. Курганный могильник Джубга 1:
 1, 2 — фрагменты железных предметов из погребения 2 кургана № 10;
 3 — гончарный сосуд из погребения 2 кургана № 10;
 4 — план кургана № 18; 5 — гончарный сосуд из кургана № 18; 6 — план кургана № 20

с.75, 76). Один наконечник (№ 27) соответствует типу 61 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев А.Ф., 1966, с.73, табл. 30в, рис.58) — «остролистный» (рис.3, 7). Подобные наконечники имеют достаточно широкий диапазон бытования с X по XIV в. Возможно, к этому же типу также относится еще один фрагмент наконечника (рис.3, 16). Один наконечник наиболее близок типу 82 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев А.Ф., 1966, с.81, табл. 30г, рис. 83) — «килевидный, сплюснутый, с шейкой», хотя исследователь ограничивает их применение X в. (рис. 3, 10). Два фрагмента соответствуют варианту 7 типа 60 по той же классификации — «двурогие срезни с упором» (Медведев А.Ф., 1966, с.72, табл. 30в, рис. 56). Данный тип наконечников характерен для XIV в. Один фрагмент наконечника стрелы и черешок в силу их сохранности классифицировать не представляется возможным (рис. 3, 13, 17). Необходимо отметить, что рядом со скоплением стрел не были найдены следы металлической гарнитуры колчана.

Важным критерием для датировки сабли является перекрестие гарды. Кривизна клинка, как предполагал А.Х. Нагоев (Нагоев А.Х., 1986, с.134), не может быть датирующим маркером (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2002, с.25, 155). Близкое по типу перекрестие представленной сабли мы находим в этом же могильнике в кургане, опубликованном нами в 2012 г. (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с. 170, рис. 9). Однако эти перекрестия имеют отличия: так, асимметричные концы не имеют ярко выраженных расплюснутых оконечностей и имеют слабый наклон, практически ровный со стороны клинка. Сабля со схожим асимметричным перекрестием была найдена при раскопках курганной группы Азаренский-1 (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009). Внешне схожее перекрестие этой сабельной гарды, только из серебра, было найдено в богатом погребении Белореченского могильника, датированном

М.В. Гореликом, И.А. Дружининой XIII–XIV вв. (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011, с. 43, рис. 3, 1,2). Подобные перекрестия А.Н. Кирпичников относит к II типу и датирует широко: XI–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 69, табл. XXXIV, 4). По классификации А.В. Евглевского, Т.М. Потемкиной такие же перекрестия относятся к типу II, чему-то среднему между вариантами 1 и 2. Четкой датировки эти авторы не приводят, вероятно, они солидарны с А.Н. Кирпичниковым (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с. 130, рис. 4, 7,8). По классификации У.Ю. Кочкарова клинок наиболее соответствует типу VIВ (Кочкаров У.Ю., 2008, с.27). Согласно типологии, разработанной У.Ю. Кочкаровым, данное перекрестие рассматриваемой сабли находится между типами IГ и IIВ, соответственно датируемыми XII–XIII вв. (Кочкаров У.Ю., 2008, с. 144, табл. XVI).

В кургане № 20 был зафиксирован редкий предмет вооружения — кинжал. Обычно в средневековых погребениях находят боевые длинные ножи вроде клинка из погребения кургана № 1 этого же курганного могильника. Кинжалы были найдены в 8 погребениях Белореченского курганного могильника, из которых 7 располагались на левом бедре у пояса (Левашова В.Г., 1953, с. 176). К сожалению, изображения кинжалов из Белореченского могильника нам не доступны. Основным отличием кинжалов от боевых ножей является обоюдоострое перо (Горелик М.В., 2008, с. 164). Кинжал был снабжен симметричным перекрестием с опущенными книзу концами, как на сабельных перекрестиях. К сожалению, сохранность этого изделия крайне плоха, не сохранился черен рукояти, и мы не можем сказать, был ли он прямым или имел легкий наклон, как на сабельных клинках. Также мы не можем точно определить длину пера. Вероятно, она составляла примерно 20–25 см. Ножны кинжала были снабжены железным наконечником, сходным с наконечниками ножен сабель, найденными в этом же могильнике в курганах № 1 и № 2. Согласно

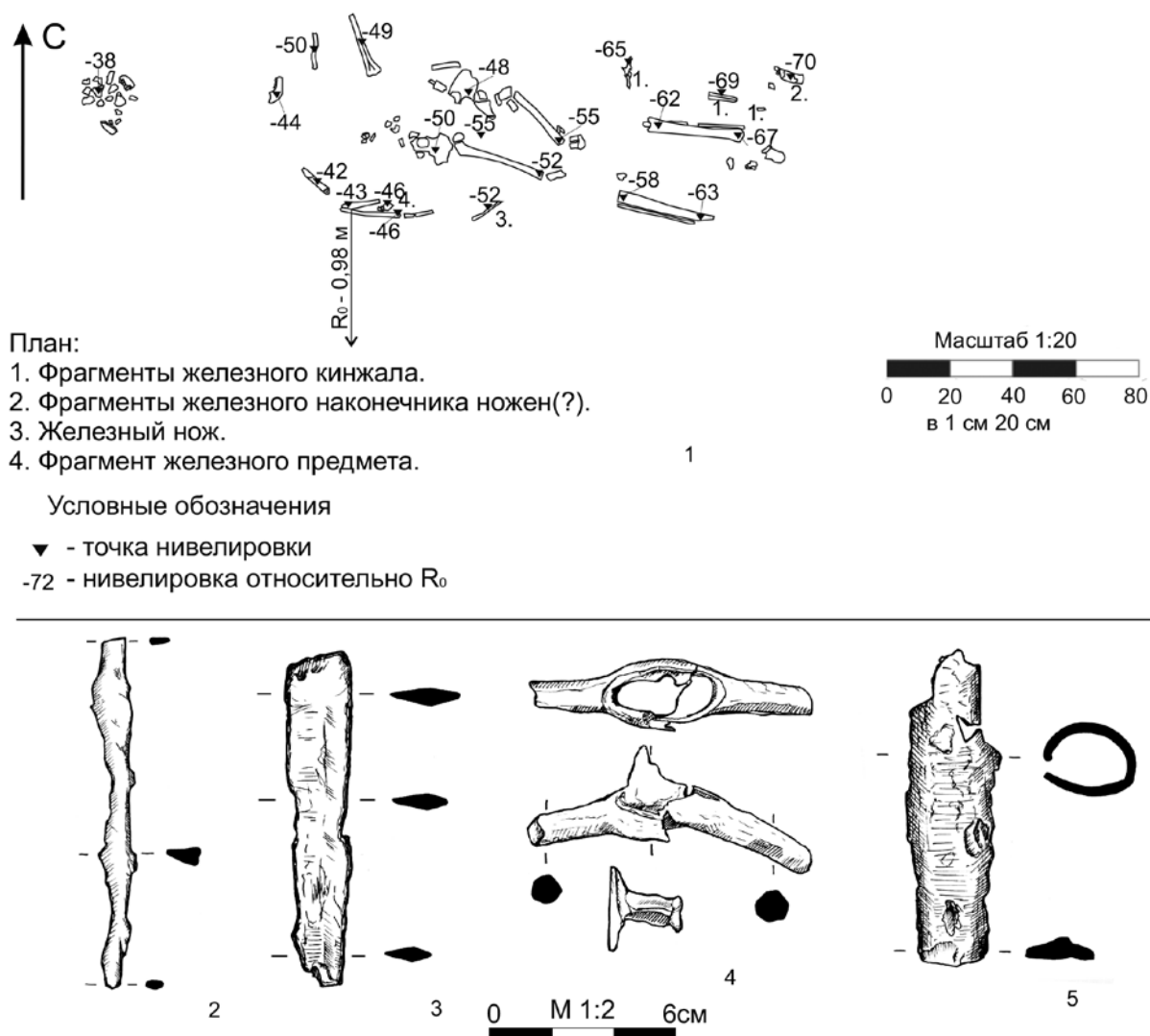

Рис. 7. Курганный могильник Джубга 1. Курган № 20. Погребение № 1:

- 1 — план погребения; 2 — фрагмент железного ножа;
3 — фрагмент лезвия железного кинжала; 4 — фрагмент гарды железного кинжала;
5 — фрагмент железной обкладки ножен кинжала

мнению А.Н. Кирпичникова, они датируются XII в. — первой половиной XIII в. (Кирпичников А.Н., 1966, табл. XXXV, рис. 7). На Северо-Западном Кавказе такие наконечники встречаются и в погребениях XIV в. По мнению А.Н. Кирпичникова, кинжалы в составе снаряжения восточно-европейского воина распространяются с XIII в. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 72–73).

Ножи были найдены в курганах № 6 и № 20. Нож был универсальным орудием, которое могло использоваться его обладателем как в повседневной жизни, так и как оружие. Ножи присутствуют практически во всех мужских погребениях и нередко находятся в женских. Находки кинжала и ножа

в одном погребении были зафиксированы в двух погребениях Белореченского курганного могильника (Левашова В.Г., 1953, с. 176; Кочкаров У.Ю., 2008, с. 76). Ножи в средневековых погребениях, как правило, имели утилитарные формы и не могут быть надежным датирующим маркером.

Керамическая посуда была найдена в трех курганных насыпях. В кургане № 6 находился двуручный кувшин, внешне сходный с найденным в кургане № 2 и немного отличающийся лишь формой ручек и орнаментом, нанесенным по тулову и горловине (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с. 165, рис. 6, 6). Аналогичный двуручный сосуд, проис-

ходящий из разрушенного погребения, датируемого Н.Г. Ловпаче первой половиной XV в., хранится в Геленджикском музее (Ловпаче Н.Г., 1995, с. 155, табл. XXXV, 4).

В кургане № 10 был обнаружен кувшин с круглым раструбом-венчиком и, к сожалению, отломанной ручкой. Сходные сосуды имеют утилитарную форму, широко бытуют на Северо-Западном Кавказе и также широко датируются согласно материалам Убинского могильника XI–TXIV вв. Е.А. Армарчук относит их в разработанной ею типологии к типу 3 (Армарчук Е.А., 2017, с. 25). Нужно отметить, что эта форма сохранилась и в более поздние времена.

Одноручный кувшин со сливом, располагавшийся в курганной насыпи № 18, внешне схож с сосудом, найденным в кур-

гане № 1 и, хотя имеет украшения возле горловины и боковых налепов на тулове, однотипен (Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с.158, рис.3, 4). Сходные сосуды были найдены при раскопках «кабардинского» курганного могильника близ Геленджика в пос. Кабардинка, датируемого Л.М. Носковой XIV–XV вв. (Носкова Л.М., 2010, с.196, рис.13, 8,9,31,32, рис.15, 14,15; 2016, с.239, рис.1, 9,10). Е.А. Армарчук относит их в разработанной ею типологии к типу 1 (Армарчук Е.А., 2017, с.24).

Совокупность рассмотренных материалов из раскопок курганного могильника Джубга 1 в 2016 г. подтверждает наши выводы, сделанные на основании исследований 2011-го, и датировку памятника XIII–XIV вв. Представленная курганная группа принадлежала предкам современных адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. — М.
- Армарчук Е.А., 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. — М. — СПб.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. — М. — СПб.
- Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009. Отчет о проведении археологических раскопок курганных могильников «Морская сказка», Азаренский-2, Азаренский-1, грунтового могильника Азаренский, курганов Азаренский-3 и Артюхов в составе проекта строительства газопровода Джубга — Лазаревское — Сочи (морской вариант) в рамках увеличения производительности (проектные и изыскательские работы, строительство) в Туапсинском районе Краснодарского края, сухопутный участок № 1 «Джубга». — Краснодар.
- Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. Складные серпы из средневекового курганного могильника Тешебс-1 (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. — Вып. №1 (№2).
- Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2017. Воинское средневековое захоронение из могильника Гостагаевский-1 // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы Джубга 1 // ИАА. — Вып.11. — Армавир, Краснодар, М.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднесредневековые сабли // СЕЭС. — Т.1. — Донецк.
- Киртичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX–XIII) // Археология СССР. САИ. — Вып. Е1-36. — Л.
- Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). — М.
- Левашова В.Г., 1953. Белореченские курганы // Труды Государственного Исторического музея. — Вып. XXII. — М.

- Ловпаче Н.Г., 1995.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. — Майкоп.
- Медведев А.Ф., 1966.* Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук, стрелы, самострел) // Археология СССР. САИ. — Е1-36. — М.
- Нагоев А.Х., 1986.* К истории военного дела средневековых адыгов (XIV–XVII вв.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. — Орджоникидзе.
- Носкова Л.М., 2010.* Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // МКВ. — Вып. 5. — М.
- Носкова Л.М., 2016.* Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного музея Востока // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. — Казань, Ялта, Кишинёв.
- Пьянков А.В., Сторчевой А.А., 1992.* Раскопки средневекового могильника Бжид-1 // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. — Ейск.
- Саханев В.В., 1914.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. — Вып. 56. — Пг.
- Стрельченко М.Л., 2003.* Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. // ДК. — Вып.19. — Краснодар.
- Схатум Р.Б., 2011.* Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII в. — XIV в.) // Военная археология. — Вып. 2. — М.
- Тешев М.К., 1985.* Адыгейские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на Черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. — Майкоп.
- Тешев М.К.* Отчет о разведках археологических памятников Туапсинского и Лазаревского районов: 1971–1972 гг. // Архив управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. — № 5, 32.
- Федосова Ю.Н., 2012.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ на территории Краснодарского края в 2011 году. — Краснодар.
- Федосов М.Ю., 2017.* Отчет о проведении спасательных археологических раскопок на территории курганного могильника Джубга 1 в Туапсинском районе Краснодарского края в 2016 году. — Краснодар.

ИСТОРИЯ

С.Л. ДУДАРЕВ

О НОВОМ ОПЫТЕ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

В 2017 г. вышла в свет монография известного историка-кавказоведа З.Б. Кипкеевой «Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв.» (Кипкеева З.Б., 2017). В центре внимания исследователя находится судьба Султанов Гиреев, феномен которых был результатом инфильтрации представителей крымско-татарской знати, ведшей свою генеалогию от знаменитого завоевателя Чингизхана, в среду северокавказских народов. Важность рассмотрения опыта взаимодействия Гиреев с горской средой, а затем и Российской империей очевидна. Принципиально важно отметить то, что З.Б. Кипкеева стремится осветить различные модели, исторически сложившиеся в сфере такого взаимодействия. Она, с одной стороны, указывает на интеграцию крымско-татарских ханов в северокавказские социумы и стремление установить диалог Крыма с горцами не только с помощью силовых факторов: военных походов, сбора дани, увода пленных, но и через традиционные общественные институты, как то: гостеприимство, аталычество, родственные связи, харизму происхождения, и т.п.² С другой стороны, З.Б. Кипкеева прослеживает процесс перехода Султанов на российскую службу, в ходе которого они, будучи авторитетной прослойкой в местном обществе, выступили в качестве той социальной группы, которая способствовала мирной адаптации горцев к российским порядкам, а также играла роль посредников между северокавказцами и кавказской администрацией. Автор подчеркивает, что важной ролью Султанов были предотвращение пагубных последствий от резкого перехода кочевых общин к оседлому образу жизни и обеспечение земельными угодьями

на постоянных местах жительства, качественного роста сферы жизнеобеспечения, развития хозяйственной отрасли и социального уклада, культурной жизни. Султаны использовали свои статусные ресурсы (административные позиции, элитное положение, влияние, связи и др.) в деле отстаивания прав подвластных этнических меньшинств перед чиновничьим произволом. Одновременно с этим они своим личным примером (образовательный аспект, общественно-просветительская деятельность и т. п.) показывали соплеменникам и единоверцам перспективность культурной интеграции в рамках российского общества (Кипкеева З.Б., 2017, с.308).

Однако путь к государственному единству был весьма непрост, а то и откровенно тяжел. Гиреи, как и северокавказские народы, далеко не сразу избрали пророссийскую ориентацию, чему предшествовал ряд политических событий, которые были обусловлены как социально-экономическим и политическим развитием местного населения, так и геополитической ситуацией на Кавказе и юге Восточной Европы.

В I и II главах автор стремится продемонстрировать сложнейшие политические коллизии, происходившие на юге Восточной Европы, а также в Предкавказье в конце XVII в. — XVIII в. и связанные с противоборством таких основных игроков, как Российское государство, Османская империя и Крымское ханство, в котором использовались силы различных кочевых народов, в том числе ногайцев и калмыков, а также их оседлых соседей (западные адыги, кабардинцы). При этом главным фигурантам было очень важно сохранять контроль над массами степняков и кав-

казцев, ориентация которых часто колебалась между главными сторонами шедшей игры. По существу, велись демографические войны, целью которых было ослабить человеческий потенциал союзников противостоящих лагерей, увлекаемых на ту или иную сторону, а также обозначить свое присутствие там, где прямое помещение крепостей, войск и т.д. было временно невозможно. Стремление Российского государства привлечь в подданство народы, живущие в указанных регионах, было мотивировано расширением своего влияния, а затем и непосредственного присутствия здесь. В своем исследовании З.Б. Кипкеева характеризует политику России на крымско-северокавказском театре как экспансионистскую. По ее мнению, ханы Гирей, как вассалы Османской империи, пользовались ее покровительством и защитой от внешних врагов, пока в конце XVII века Россия «не начала активную военную экспансию в южном направлении» (Кипкеева З.Б., 2017, с. 11).

Более того, историк полагает, что «набеги степняков были не просто «традиционными грабежами», но попыткой остановить русскую колонизацию»³. Крымскому же ханству было суждено стать жертвой геополитических целей могущественных держав (Кипкеева З.Б., 2017, с. 17). Попытка виктимологического освещения судеб крымского ханства как-то не вяжется с тем, что до конца XVII в. (когда царевна Софья попыталась, наконец, хотя и безуспешно, переломить печальную традицию разорительных ханских «поминок») это государственное образование на протяжении многих десятилетий безнаказанно разоряло территории юга Восточной Европы, в том числе русские. Выходит, в Крыму предвидели будущую утрату независимости? Между тем Крым был главным центром работорговли на юге Восточной Европы в XV–XVIII вв. С 1463 г. по 1779 г. через него прошло более 3 млн. жителей Восточной Европы и Северного Кавказа (Fisher A., 1972, p. 576–590). На эту печальную роль Крыма в то время указыва-

ют, например, некоторые осетинские проклятия: «Пусть Бог сделает Крым твоей участью», т.е. «пусть продадут тебя крымцам» (История..., 1988, с. 217). В рамках таких «попыток сдерживания экспансии» и в XVIII в., даже когда Россия стала империей, в Крым ежегодно угонялось 4 тыс. человек (данные А.И. Фурсова). Их потом массово продавали на Восток. В начале XVIII в. из Крыма вывозилось до 20 тыс. рабов. Одновременно в хозяйствах Крымского полуострова использовался труд 55–60 тыс. пленных славян, грузин, валахов и молдаван, абхазов, адыгов, венгров (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 50). «Сдерживание» было очень прибыльно! Никакое вменяемое государство, тем более империя, с такой практикой вечно мириться не могло.

В главе II З.Б. Кипкеева убедительно демонстрирует дипломатические маневры Российского государства по урегулированию «крымской проблемы», рассмотрение которых завершаются ею констатацией ранее сделанного интересного вывода о фактическом разделе Крымского ханства в 1783 г. между Россией и Османской империей (Кипкеева З.Б., 2006, с. 64).

Это положение подтверждается недавними заключениями историков-кавказоведов Б.В. Виноградова и Ю.В. Приймака (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 57). Тем не менее нельзя не указать на то, что квалифицированный анализ ученого мог бы выиграть еще больше от привлечения рассуждений того же Ю.В. Приймака о том, что известный «греческий проект» Екатерины II был дипломатическим прикрытием блестящей многоходовой операции по присоединению Крымского ханства (Приймак Ю.В., 2011), детали которой, в том числе роль в «играх престолов» последнего хана Шагин-Гирея (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 67–71), недавно были вновь освещены названными специалистами. Заслуживает особого внимания личностный аспект восприятия новых политических реалий Чингизидами в ситуа-

ции нарастающего присутствия России в Причерноморье и на Северном Кавказе. З.Б. Кипкеева выразительно характеризует деятельность султана Бахты-Гирея, сераскира Кубанской Орды. Он аттестуется ею как яркий и непримиримый сторонник «неотвратимой экспансии» империй, выбравший путь борьбы с ними и отстаивание независимости кочевых народов Азово-Каспийского междуморья вместо выгодной службы одной из сторон. Облегчение, которое испытали от гибели Бахты-Гирея в Петербурге, Стамбуле и Бахчисарае, показывает, что время таких «бунтарей» и «романтиков» набегов, данничества и пленопродавства, путавших карты державам, ведшим сложную и многоступенчатую борьбу между собой за влияние на просторах Причерноморья и Предкавказья, проходило. Не менее показательна по-своему и судьба Шагин-Гирея, который был до поры до времени послушным ставленником Российской империи. Но, когда его отстранили от крымского престола после присоединения Крымского ханства к России, Шагин-Гирей стал «детонатором» протеста против планов российского правительства (имеется в виду переселение ногайцев в приуральские степи) (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 71). Нечто подобное случилось и позже, после присоединения Грузии к России, причем добровольного, когда часть грузинской правящей верхушки (брат Георгия XII Александр и некоторые другие царевичи) не смогла смириться с потерей прав на царство и пыталась поднять антироссийские мятежи, в том числе на Северном Кавказе (История народов..., 1988, с. 22). Понадобились годы, чтобы в среде Чингизидов — Гиреев появились те, кто стал убежденным сторонником сближения с Россией.

Важным моментом в процессе российской адаптации Гиреев был отмечаемый автором в III главе указ Екатерины II от 22.02.1784 г., который позволил «князьям и мурзам татарским пользоваться всеми

преимуществами российского дворянства». Султанов, как родственников крымских ханов, в России «почитали за князей, а мурз татарских — за дворян», что было закреплено соответствующими указами Военной и Иностранной коллегий, а также Сената (Кипкеева З.Б., 2017, с. 61)⁴. Однако складывание пророссийской ориентации шло сложными и противоречивыми путями, что хорошо показано З.Б. Кипкеевой на примере старшего брата Шагин-Гирея — Батыра (Бахты)-Гирея и его сына. Они, находясь на российской службе, один за другим переметнулись на турецкую сторону. Подобные колебания испытывали и другие Султаны, например, Арслан-Гирей и его сын Менгли-Гирей, так что кавказская администрация предпочитала отправлять своих «неустойчивых» подданных (конкретно Менгли-Гирея и его узденей) накануне крупных военно-политических событий подальше от их предполагаемого места действия (с Кубани в Новороссию) (Кипкеева З.Б., 2017, с. 65–69). Еще более драматичными были судьбы рядовых представителей кочевых племен, прежде всего ногайцев, которых российские военные власти и военачальники (например, А.В. Суворов) стремились переселить с Кубани на Волгу и в ставропольские степи, имея в виду перспективы последующей крестьянско-казачьей колонизации. Процесс взаимодействия кочевников и России весьма наглядно продемонстрирован З.Б. Кипкеевой с большим сочувствием к степным народам, которые подвергались как перемещениям, так и принудительной седентаризации. Исследователь, осуждая жесткие (и жестокие) силовые действия империи, сопровождавшиеся коренной и тяжелой ломкой быта кочевников, в то же время обнаруживает и понимание стоявших перед Россией задач освоения края. Аргентинский президент Хуан Баутиста Альберди (1810–1884) недаром говорил: «Править значит заселять». Прочное освоение Российским государством территории Предкавказья было невозможно без поселения здесь казаков, крестьян, мещан.

Это вызывало понятное недовольство и опасения как кочевников, так и горцев, но другого пути у властей не было. Нынешнее же неуклонное вымывание русского (и вообще славянского) населения с территории Северного Кавказа, иными словами, дерусификация (Захаров В.А., Арешев А.Г., 2010, с. 115–117; Матишов Г.Г., Пащенко И.В., 2013, с. 108), ведет к подрыву позиций российской государственности, ввиду того что эпонимная нация не может быть сведена на местах только к символическому присутствию. С другой стороны, ученый фактически позиционирует и то, что благодаря директивно-силовым методам, например, в Пятигорье произошли значительные смешивания ногайских родов – каспулатовцев, кипчаков, едиганцев и др. Это позволяет нам сделать вывод о том, что шла этническая консолидация, ведущая к формированию единой ногайской народности (а в будущем – и нации). З.Б. Кипкеева показывает и то, как власти неуклонно вели дело к зависимости ногайцев и абазин от товарного обмена внутри российских пределов, для чего жестко пресекались связи с турецкими рынками на Черноморском побережье (Кипкеева З.Б., 2017, с. 77–79). Эту задачу хорошо понимали тогда не только те российские авторы, которые отражали точку зрения правительства (Броневский С.М., 2004, с. 122), но и передовая русская интеллигенция в лице А.С. Пушкина (Пушкин А.С., 2010, с. 406)⁵.

Однако преобразования в сфере быта ногайцев (как и ряда горских народов), к большому сожалению, не обходились без злоупотреблений недобросовестных чиновников. Разоблачая их, З.Б. Кипкеева одновременно показывает, что люди, которым было получено командование на Кавказе (например, генерал-лейтенант П.Д. Цицианов), видели корыстные устремления деятелей вроде бештовского пристава Корнилова и предлагали меры по улучшению управления на местах. Государю императору Александру I на роль военного начальника «бештовских» на-

родов Цициановым был предложен генерал-майор Султан Менгли-Гирей, сын кубанского сераскира Арслан-Гирея. Показательно, что от него требовалось российскими властями: надзирать за подопечными и пресекать случаи хищничества, привлекать к оседлому образу жизни, стараться привлечь к военной службе. Ни о каких налогах, поборах, смене религии и введении рекрутства, как видим, речи не шло (Кипкеева З.Б., 2017, с. 80–81).

Страницы монографии З.Б. Кипкеевой, посвященные деятельности Султана Менгли-Гирея (глава IV), являются одними из наиболее ярких, интересных и удачных в рассматриваемой монографии. Ей удалось разносторонне показать многогранную и сложную деятельность Менгли-Гирея, который искусно и с большим знанием дела маневрировал между своими соплеменниками и российской администрацией. Он старался всеми мерами смягчить обрушившиеся на первых судьбоносные и очень болезненные перемены для их традиционного образа жизни и донести до второй нужды и проблемы своих подопечных. Так, отмечает исследователь, «Менгли-Гирей, пользовавшийся доверием правительства, являлся серьезным противником в земельных спорах, и, надо сказать, главнокомандующий Ртищев часто принимал его сторону». Жители вверенного Менгли-Гирею приствавства стали мирными подданными Российской империи, хозяйственные занятия которых вписывались в экономическую жизнь Центрального Предкавказья. Большую роль сыграл этот Султан и в продолжавшихся «демографических войнах». Так, он совершенно мирным путем, с помощью переговоров, убеждения, религиозного мусульманского фактора, используя и личный пример, переселив на российскую сторону свою мать и братьев, вывел из Закубанья тысячи ногайцев и абазин, которые были помещены на свои прежние места. Этим Менгли-Гирей сильно отличался от военных экспедиций генерала Глазенапа. Во время российских военных вылазок в Закубанье его присутствие в войсках олице-

творяло мусульманскую составляющую в российской армии, лояльную правительству.

Впрочем, тут нельзя не отметить и то, что российская администрация видела его дипломатический потенциал и использовала таковой, в чем состоит ее заслуга. Ведь если бы в ней все мыслили, как Глазенап, то горцев и ногайцев не осталось бы вовсе. Однако не все военные администраторы, распоряжавшиеся на Линии, сумели должным образом оценить деятельность Менгли-Гирея. Генерал Портнягин отставил его от должности, что тут же вызвало бегство значительных масс ногайцев за Кубань: Менгли-Гирей был гарантом их положения, и его устранение дестабилизировало положение на Кавказской линии.

Автор отмечает, что Менгли-Гирей видел «действительные причины нападения закубанцев и чеченцев», которые являлись мстостью и вели к огромным жертвам на Кавказской линии и по дороге в Грузию (Кипкеева З.Б., 2017, с. 116), в жестокости и беззаконии российских властей. В самом деле, злоупотребления тех или иных военных и гражданских чиновников, которые нередко провоцировали сопротивление горцев, были хорошо известным явлением на Кавказе, что признавали не только местные российские администраторы (Г.В. Розен), и стремились выправить положение,⁶ но и сам император Николай I (Кипкеева З.Б., 2017, с. 190, 206).

Но как минимум не меньшую роль в обострении обстановки играли и другие причины, имевшие корни в горской среде: социокультурные, ментальные, экономические (особенности социализации, связанные с набеговой деятельностью, традиции молодечества, пленопродавство, доминирование военных доблестей в общественном сознании и т.п.).

Приход на Кавказ в качестве главноуправляющего А.П. Ермолова, освещаемый автором монографии в главе V, явился знаковым для истории российско-северокавказских отношений. З.Б. Кипкеева описывает деятельность этого известного во-

енного и администратора в целом с точки зрения усиления репрессивной составляющей по отношению к местным народам, что, по мнению ряда историков, привело к Кавказской войне. В новой исторической ситуации миротворец Менгли-Гирей был уже не нужен. Однако отметим, что смена парадигмы отношений между Россией и горцами вовсе не была произвольной и зависевшей от одного лишь желания или тех или иных личностных качеств названного героя войны 1812 г. Приход Ермолова означал прекращение «*политики ласканий*» (термин XVIII в.), которая практиковалась при Ртищеве (Виноградов Б.В., 2009, с. 126–128), и возвращение к «репрессалиям». Подобная перемена отражает известное циклическое явление в истории Северного Кавказа. Ныне мы переживаем новую фазу в «политике ласканий», наиболее осязаемо представленную отношением Центра к Чеченской республике.

Еще одной важной составляющей исследовательского анализа автора является положение карачаевского народа в новой для него исторической ситуации. В главе VI З.Б. Кипкеева останавливается на стратегическом положении Карачая, находившегося в сложной ситуации между Россией и Османской империей и в конце концов покоренного российскими войсками под командованием генерала Эммануэля. Примечательно, что местное население длительное время не принимало участия в прямых враждебных действиях против российской стороны. Несмотря на ожесточенное сопротивление карачаевцев и немалые жертвы с обеих сторон, Эммануэль проявил уважение к противнику, не позволив войскам разорять его селения. Условия покорения не были тяжелыми. Как отмечает З.Б. Кипкеева, карачаевцы не облагались податями, а что касается повинностей, то они брали обязательство выставлять определенное число хорошо вооруженных всадников на время экспедиций и давать подводы за условленную плату. В залог верности князья выдавали аманатов, а также обещали не давать у

себя убежища абрекам и беглецам, не пропускать через свои земли «неприятельские партии» и извещать об их сборах русское начальство (Кипкеева З.Б., 2017, с.179).

В этой же главе исследователь повествует о кончине Султана Менгли-Гирея, подводя итоги по его сбережению ногайского народа. Ученый совершенно справедливо ставит его в ряд выдающихся личностей северокавказской истории, которые личным примером обеспечивали интеграцию местных народов в общее пространство империи, «формированию, – как выразилась З.Б. Кипкеева, – причастности и «включенности» в российский мир». Однако имперская бюрократическая система управления, как полагает историк, не смогла в полной мере реализовать и использовать миротворческий и организационный потенциал таких офицеров, как Менгли-Гирей, и избежать трагедий Кавказской войны. К тому же те или иные ее представители на местах демонстрировали откровенное неуважение к этим людям, несмотря на их положение, звания и пр. Эти мысли пронизывают и характеристику автором деятельности других Султанов Гиреев на Северном Кавказе, например, генерал-майора Азамат-Гирея, Хан-Гирея и Казы-Гирея (главы VII и IX). В то же время З.Б. Кипкеева отмечает роль российских властей в формировании прослойки преданной России военной, чиновничьей и творческой интеллигенции, которая формировалась через службу в Кавказском горском полуэскадроне и иных соответствующих структурах, выполнявших роль кузницы кадров. Ее выпускники, как верно подчеркнуто автором, стремились «познакомить Россию с культурой и психологией своих народов, примирить два враждебных мира *через осознание единого пути в будущее*» (Кипкеева З.Б., 2017, с.194) (выделено нами. – *Авт.*).

В работе З.Б. Кипкеевой встречаются и характеристики других персоналий, сыгравших определенную роль в северокавказской истории, но, с точки зрения автора, со знаком минус. Например, в V главе

помещен краткий очерк, посвященный личности известного российского кавказского военачальника кабардинского происхождения князя Ф.А. Бековича-Черкасского. Автор описывает князя только как верно служившего царским властям и принимавшего участие в карательных акциях против горцев, за что имевшего награды от командования. Когда его личность была в свое время столь же односторонне, хотя и в другом контексте освещена В.С. Толстым, то это можно оправдать тем, что этот ссыльный декабрист тогда многого не знал о предмете своего описания или не сумел понять его (Кавказские записки..., 2000, с. 109–149). Но мы-то сегодня знаем о князе Ф.А. Черкасском, одном из видных северокавказских просветителей (!), намного больше (Норченко Е.А., Айларова С.А., 2013, с. 235, 236, 244–246; Дударев С.Л., Дударев Д.С, Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А., 2014, с.108–118). Когда З.Б. Кипкеева ниже описывает другую фигуру из плеяды этих просветителей⁷, Султана Казы-Гирея, то приводит мнение о нем В.Б. Виноградова, который полагал, что в работах Казы-Гирея можно видеть предвидение города Майкопа⁸. Между тем нужно сказать о том, что Ф.А. Бекович прямо писал об основании города у Нальчикской крепости для знакомства кабардинцев с оседлостью и роскошью, развивая интересные урбанизационные идеи, которые должны были иметь далеко идущие социальные, культурные и т.п. последствия (Норченко Е.А., Айларова С.А., 2013, с. 246).

Приходится констатировать, что одна из генеральных идей интеграции горцев с Россией не получила на этом конкретном примере должной репрезентации.

В данном отзыве невозможно подробно описать все разнообразно охарактеризованные автором стороны деятельности Султанов Гиреев, которые выполняли свою немаловажную роль арбитров, посредников и примирителей между российскими властями и ногайско-адыгским населением (причем при участии и других

компетентных представителей российских военных; например, офицер Генштаба Ф.Ф. Торнау вместе с Азамат-Гиреем вернули на Куму беглых абазинских князей Лоовых). Но нельзя не упомянуть о том, что Султаны выступали и хранителями адатов (глава VIII), которые играли роль противовеса шариату, использовавшемуся имамом Шамилем и его представителями на Северо-Западном Кавказе (прежде всего наибом Мухаммед-Амином) для утверждения новых социально-политических структур и идеологии мюридизма, которые в известном смысле подрывали российские планы обустройства западной части Кавказа⁹. Адаты играли огромную роль в жизни горцев. Недаром сам имам Шамиль говорил, что скорее горец откажется от ислама, чем от своего обычая. Но альтернативная роль адатов в деле борьбы с шариатом в качестве некоего «позитива» для российских властей была кажущейся. З.Б. Кипкеева справедливо отмечает, что использование адатов было очевидным шагом назад по сравнению как с шариатом, так и с российским законодательством¹⁰. Такая позиция властей объясняется их опасениями по части отрицательного влияния шариата на горцев. В той же главе VIII автор приводит показательную историю с преследованием властями проповедников, прибывших в кумские аулы, в том числе из Турции (Мегмет Мустафа). Следов их «подрывной деятельности» найдено не было, тем не менее шейхи были высланы. Исследователь неоднократно отмечает, что власти ни в коем случае не преследовали цель гонений на ислам, руководствуясь лишь целью не допустить влияния тариката и мюридизма. В то же время опасения властей по части результатов деятельности тех или иных проповедников в горской среде были далеко не беспочвенными, о чем говорят свидетельства осведомленных современников¹¹. Впрочем, впоследствии российские авторы (Сталь К.Ф., 2011, с. 83; Фадеев Р.А., 2003, с. 53–62) по достоинству оценили мюридизм и имамат

как подготовку горцев к восприятию власти России, их «дисциплинизации» в государственном духе. Мы убеждены в том, что слабая шариатизация (и исламизация в целом) горцев Северо-Западного Кавказа, неподготовленность к восприятию державных порядков и установлений были одной из важных причин их эмиграции в Османскую империю (Дударев С.Л., 2015, с. 45–49).

Со своей стороны, З.Б. Кипкеева в заключительных главах монографии (IX–X) стремится доказать, что к числу основных побудительных причин к отъезду за море была растущая утрата местными жителями их земель и угодий в связи с расселением в крае крестьянского и казачьего населения. При этом справедливо отмечается, что та землеустроительная модель, которой руководствовались власти, когда, скажем, владельцы аулов переселялись в Верхнекубанское приставство, где получали землю наряду с царскими чиновниками, была наиболее пригодной для Российской империи, где господствовал классовый подход.

В то же время причина переселения была не только в нехватке земли для простых горцев и отдаваемого властями в земельном вопросе предпочтения социальным верхам. Исследователь указывает: «Как видим, российское присутствие охватывало далеко не все места даже в пределах мирной Кавказской области, чем и пытались воспользоваться владельцы, уводя свои аулы подальше от тягостного надзора, обременительных повинностей и поборов приставов, а главным образом из-за изъятия у них лучших земель» (Кипкеева З.Б., 2017, с. 273). Иными словами, распространение российского административного контроля, все той же «дисциплинизации» в духе имперских порядков вызывали стремление автохтонов уйти из-под них. Однако шедшее из Центра «огосударствление» вовсе не выглядело слепым желанием правительства навязать его всем подряд, без учета тех или иных особенностей. З.Б. Кипкеева объективно констатирует, что мусульманским народам

власти заменили обязательную военную службу специальным налогом, а военную карьеру оставили на добровольных началах для высших сословий (Кипкеева З.Б., 2017, с. 296).

В целом автор взвешенно освещает процессы расселения казачьего населения на изучаемой им территории, указывая на то, что «донские казаки сопротивлялись как могли переселению на Северо-Западный Кавказ, оно было таким же «добровольно-принудительным», как исход местных народов в Турцию» (Кипкеева З.Б., 2017, с. 260). В этой же связи З.Б. Кипкеева делает один из наиболее принципиальных выводов своей работы, касающихся российской политики в центральной части Северного Кавказа: «Казачьи станицы, конечно, стеснили горцев, лишив их жизненно важных мест, но, надо признать, свидетельств уничтожения селений и истребления местного населения при водворении казаков на территории современной Карачаево-Черкесии нет» (Кипкеева З.Б., 2017, с. 257). Одновременно сказанное выше позволяет вновь говорить о том, что использование термина «мухаджиры» по отношению к переселявшимся в Османскую империю является очень спорным и условным (Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., 2000, с. 130–133; Дударев С.Л., 2017, с. 525–532). В период горского «мухаджирства» на территории Северного Кавказа не было препятствий для отправления мусульманского богослужения. Правительство России таковых не создавало. Тем более не было преследований на религиозной почве против исповедовавших ислам. Напротив, все более укреплялся и развивался феномен «российского ислама» (Великая Н.Н., 2009, с. 62–84; Великая Н.Н. и др., 2015, с. 76–88; Матвеев В.А., 2015). Иное дело, что когда над Северным Кавказом установился российский суверенитет, а на территории региона стали утверждаться российские законодательные установления, то свыкнуться с ними горцам, не расставшимся еще с привычками и ментальностью эпохи «военной демократии», жившим на бытовом уровне по законам адата и ша-

риата, было очень сложно, что еще долгое время порождало (и порой вызывает и сегодня) конфликтные ситуации (Клычников Ю.Ю., 2016).

В заключительных главах монографии З.Б. Кипкеева приходит к выводу, что в Кубанской области последние представители Султанов окончательно потеряли «командную роль в общественно-политической жизни закубанских народов» и вели частную жизнь. Этот факт исследователи (Кочекаев) объясняли «снижением их роли в политической жизни ногайского общества в связи с окончательным вхождением ногайского народа в состав России и установлением царской колониальной администрации на Северном Кавказе». Постепенно они нивелировались с другими подданными своего уровня Российского государства, когда в «Списке лицам туземного происхождения Баталпашинского уезда Кубанской области, произведённым в офицерские чины» (1874) в графе «из какого сословного происхождения» сословный титул Султанов превращён просто в фамилию, а сословие и национальность указаны не были¹². Те или иные представители рода Гиреев (например, писатель Девлет Гиреев) вошли как составная часть в российскую, а затем и в советскую интеллигенцию, что еще раз подчеркивает ее многокомпонентный, многонациональный характер, а также генезис, шедший, по нашему убеждению, в соответствии с принципами «российскости»¹³.

В «Заключении» автор емко подводит итоги своей монографии, правомерно делая акцент на важную роль Султанов как части элиты этносов, среди которых они жили на Северном Кавказе, игравшей, по сути, роль «маяков» для своих народов, в деле выбора исторических судеб, что было крайне непросто в условиях геополитического противоборства между собой могущественных держав, в тисках которого оказались северокавказцы. Те колебания, которые испытывали представители кавказской элиты, точно отражают сложности и противоречия исторического выбора. Тем не менее

часть Султанов сделала его в пользу России, указав своим соплеменникам путь, на котором впоследствии реализовывались те или иные сценарии интеграции представителей народов Северного Кавказа в российские структуры, имевшей многообразные и плодотворные последствия для их вхождения в социальное, политическое и культурное поле нового мира. Они были проводниками для своих народов на этом пути, облегчая по мере своих возможностей их включение в сферу российской и европей-

ской цивилизации, что в конечном счете дало возможность потомкам кочевников и жителей гор выйти на совершенно новые уровни исторического развития и обрести принципиально иные перспективы движения на пути в будущее.

Работа З.Б. Кипкеевой является серьезным вкладом в заявленную этим специалистом тему. Указанные нами замечания являются отражением авторского взгляда на процессы, явления и персоналии северокавказской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23007 а(р) «Политические и социокультурные процессы формирования северокавказской и причерноморской окраин России (конец XVII в. – 1783 г.)».

2. Здесь, впрочем, нужно указать и на то, что Гирей были «медиаторами» не только в крымско-горских отношениях. По мнению специалистов-историков, в Восточном Причерноморье османам было бы очень сложно без посредничества Гиреев оказывать номинальное влияние на кочевое и горское население региона (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 51).

3. Похожим образом рассуждает и Ш.А. Гапуров в отношении горцев Северо-Восточного Кавказа, которые-де, «нападая на поселения и станицы Кавказской линии... пытались остановить колонизацию северокавказских земель», что справедливо признано некоторыми исследователями весьма дискуссионным положением (Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016, с. 94).

4. О сложностях этого уравнения в северокавказской среде и связанных с региональной спецификой его местных реалий подробнее (см. там же, с. 88, 89).

5. Великий русский поэт писал: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав

черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться» (Пушкин А.С., 2010, с. 406).

6. Так, начальник Центра Кавказской линии, полковник князь Г.Р. Эрстов в 1848 г. настаивал на том, чтобы воинские, постовые и станичные начальники «дружелюбно обходились с горцами», не позволяя подведомственным чинам «делать обид и притеснений», позволяя обращаться с жалобами к приставам, быть «снисходительнее», а людям «почетным и преданным нам оказывать уважение» (Записка..., 2015, с. 209).

7. Кстати, историк по непонятным причинам не пользуется определением «северокавказское просветительство» и вообще никак не упоминает об этом выдающемся феномене в связи с представленными в ее работе персоналиями Султанов, имевшими к этому явлению прямое отношение. Тем самым досадно упущена очень яркая краска в характеристике кавказских Гиреев как видных проводников русско-кавказской интеграции.

8. Казы-Гирей предлагал построить аул на Лабе, который станет местом торговли, информации, введения европейской образованности (Норченко Е.А., Айларова С.А., 2013, с. 247). Кстати сказать, в главе V название города Майкопа переводится автором с тюркского и звучит как «масла много». Между тем другая версия говорит о том, что название города происходит от адыг. «Мыекъяупэ» — «долина яблонь» (Древности..., 2014, с. 7).

9. Тем не менее Султан Казы-Гирей компромиссно предлагал властям временно поддержать «шариатское учреждение», пытаясь, таким образом, привлечь мусульманское духовенство на сторону России, но не нашел у них понимания (Кипкеева З.Б., 2017, с. 243).

10. На это указывает, например, рассматриваемая З.Б. Кипкеевой долгая история разбирательства по адату убийства князя Адиль-Гирея Атажукина, погибшего при нападении на кош простого карачаевца. В этом деле власти опирались на адат, который выявил свою неэффективность.

11. Деятельность некоторых представителей мусульманского духовенства среди горцев получила краткую, но выразительную характеристику Ф.Ф. Торнау, находившегося более двух лет в плену у абадзехов. Некий Дагестан-эфенди во время Байрама произнес проповедь, «побуждающую народ не дружить с русскими и не сближаться с гаурами, а в особенности драться с русскими до последней капли крови». Торнау отмечает умелую приспособленность и эффективность проповеди, в которой важное место занимали картины райских утех для тех, кто пал в бою с русскими, и адские муки, ожидавшие тех из них, которые покорились правительству,

к понятиям и характеру черкесов. Кроме того, среди грехов черкесских племен, принявших русское подданство, эфенди, опираясь на слухи, назвал поедание свинины, которое является чуть ли не условием покровительства со стороны русских (демагогический прием, характерный для того, что ныне называется «информационная война»; российские власти не выдвигали такого абсурдного требования), что вызвало взрыв негодования собравшихся горцев (Торнау Ф.Ф., 2000, с. 227). Этот пример указывает на большую негативную роль ряда представителей мусульманского духовенства в разжигании противостояния между горцами и Россией.

12. Трудно согласиться с автором в том, что некоторым дореволюционным исследователям конец ногайских орд представлялся как некий реванш за владычество над Русью Золотой Орды. З.Б. Кипкеева (Кипкеева З.Б., 2017, с. 268) ссылается на цитату из работы М.И. Венюкова, который, по нашему мнению, был чужд подобных настроений.

13. Эта концепция не нашла на сей раз в отличие от работ З.Б. Кипкеевой прошлых лет (Кавказоведческая школа..., 2002, с. 37–38) прямой акцентуации в рецензируемой монографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Броневский С.М., 2004.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах. Т. 1 и 2 / С.М. Броневский. — СПб: Петербургское востоковедение.
- Великая Н.Н., 2009.* Исламизация Северного Кавказа (VII–XIX вв.): Монография. — М.: РИЖ.
- Великая Н.Н. и др., 2015.* Великая Н. Н., Дударев С.Л., Ктиторов С.Н., Цыбульникова А.А. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII — начало XXI века). — Армавир: Дизайн-студия Б.
- Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., 2000.* «Мухаджирство» в историческом контексте (полемиические заметки) // Проблемы всеобщей истории: Международный сборник научных и научно-методических трудов. — Вып.6. — Армавир.
- Виноградов Б.В., 2009.* Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII — начала XIX в.: Монография. — Славянск-на-Кубани.
- Виноградов Б.В., Приймак Ю.В., 2016.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). — Армавир: АФГОУКИДПО.
- Древности..., 2014.* Древности долины яблонь: Каталог выставки. — М.: ГМВ.

- Дударев С.Л., 2015. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 г. – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: изд-во «Фонд науки и образования».
- Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбулькинова А.А., 2014. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): Монография. – Армавир: Дизайн-студия Б.
- Дударев С.Л., 2017. К вопросу о терминах «мухаджиры» и «мухаджирство» // Былые годы. – Т. 44. – Вып. 2.
- Записка..., 2015. Записка князя Г.Р. Эристова «по управлению мирными горцами» (1848 г.) (Публикация и комментарии Л.И. Цвижба) // Кавказский сборник. – Т. 9 (41). – М.: Русская панорама.
- Захаров В.А., Арешев А.Г., 2010. Кавказ после 08.08.08. Старые игроки в новой расстановке сил. – М.: Квадрига.
- История..., 1987. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней: В 2-х т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. I. – Орджоникидзе: Ир.
- История народов..., 1988. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.): В 2-х т. – Т.2. – М.: Наука.
- Кавказоведческая школа..., 2002. Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы. – Армавир.
- Кавказские записки..., 2000. – Кавказские записки декабриста В.С. Толстого (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. – № 2 (150). – М.: Русская панорама.
- Киткеева З.Б., 2006. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М.: изд-во Ипполитова.
- Киткеева З.Б., 2017. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. – Ставрополь: изд-во СКФУ.
- Клычников Ю.Ю., 2016. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. – Вып.1. – Пятигорск: ПГЛУ.
- Матвеев В.А., 2015. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX в. – Ростов-на-Дону: издательство Южного федерального университета.
- Матишов Г.Г., Пащенко И.В., 2013. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Том VI. Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи: Специальный выпуск. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН.
- Норченко Е.А., Айларова С.А., 2013. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО – А.
- Приймак Ю.В., 2011. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). – Армавир: Полипринт.
- Пушкин А.С., 2010. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. – Т. 1. – Ставрополь.
- Сталь К.Ф., 2011. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. – Вып. VIII. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т».
- Фадеев Р.А., 2003. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо.
- Торнау Ф.Ф., 2000. Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XX.
- Fisher A., 1972. Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian-American Slavic Studies, – Vol. 6. – P. 576–590.

В.А. НЮШКОВ, А.И. ДЖОПУА

К ИСТОРИИ РУССКОГО МЕЦЕНАТСТВА В АБХАЗИИ (к 167-летию со дня рождения Н.Н. Смецкого)

История русского меценатства в Абхазии начинается с Николая Николаевича Смецкого (1852–1931 г.), русского дворянина, выходца из богатой семьи костромских помещиков (фото 1). Родился он в Москве в богатой дворянской семье. Отцом его был Николай Павлович, генерал-майор, который продолжительное время занимал должность директора Константиновского межевого института в Москве. Мать — Ольга Ильинична Грибанова была дочерью купца 1-й гильдии, семья которого владела вологодской полотняной фабрикой. Богатой семье Смецких принадлежала усадьба Стрелицы в Костромской губернии, раскинувшаяся на 40 000 десятинах земли, 33 тысячи из которых были заняты лесными угодьями. Семья Смецких придерживалась прогрессивных взглядов, исповедуя гуманистические, передовые идеи. Николай учился в Московской гимназии, после окончания которой поступил на юридический факультет Московского университета. Получив специальность и став кандидатом права, он, однако, не пошел по юридической стезе, а занялся переработкой и продажей леса.

В 1882 г. его супругой стала дочь известного археолога и смотрителя музея, помощника директора Оружейной палаты Московского Кремля Юрия Филимонова — Ольга. Она была деятельной женщиной и, когда чета проживала в Стрельцах, организовала Мошкинское земское училище, а также народную библиотеку, которая оставалась на попечительстве супругов более 30 лет. В это время Николай отлично справлялся с делами. Сперва он начал сплавлять сырой лес по Волге плотами, а после укрепления финансового состояния построил лесопильный завод прямо у себя в имении. После смерти одного из его богатых родственников в 1893 г. Смецкой стал членом паевого товари-

Фото 1. Николай Николаевич Смецкой

щества, которое было учреждено на основе семейной фирмы, и уже к 1913 г. стал одним из его главных акционеров. Постоянный труд и акционерство в фирме приносили Николаю Николаевичу хороший доход до того времени, когда в 1889 г. его супруга Ольга Юрьевна заболела туберкулезом.

По рекомендации врачей ей следовало находиться в теплом климате, и Смецкие отправились на юг, отдав предпочтение Кавказскому побережью Черного моря, а не Лазурному берегу Средиземноморья. Пароход, на котором они плыли, шёл по маршруту Одесса — Батум. Чета Смецких собиралась остановиться в Сочи, выбрав это место для дальнейшего проживания, но рассказ о климате и самой Абхазии од-

Фото 2. Парк Смецкого, пальмовая аллея (Сухум)

ного попутчика-студента на этом корабле настолько впечатлил чету, что Смецкие не сошли в Сочи, а купили билеты до Сухума и уже там сошли на берег (Агумаа А.С., 2010, с.26). Как оказалось впоследствии, эта остановка в Сухуме, благодаря неизвестному студенту, стала судьбоносной для Абхазии приобретшей себе будущего мецената края — Н.Н. Смецкого.

В то время в Сухуме жил хороший знакомый Смецких — начальник Сухумского округа, полковник, краевед А.Н. Введенский, который ранее поселился в этом городе и даже успел заложить роскошный парк под названием «Флора». Планировка парка была очень удачной: в основе две пересекающиеся прямые аллеи — длинная платановая и главная пальмовая, ведущая к въезду. Аллеи заканчивались внушительными пробковыми дубами, пирамидальными кипарисами, криптомериями. В 1886 г. Великий князь Александр Михайлович купил у А.Н. Введенского парковый участок, переименовав его в «Синоп» — в честь победы Русского флота в сражении с турками при Синопе в 1853 г. (Орлов-Кретчмер А.С., 2014, с.404). «Радужный

прием, оказанный А.Н. Введенским Николаю и Ольге Смецким, великолепии его тенистого парка у самого берега Черного моря покорили супругов. Решение было принято моментально. Под влиянием А.Н. Введенского Николай Николаевич сделался любителем садоводства. Он был так очарован природой Абхазии, великолепным сочетанием горного и морского климата, круглый год цветущим садом, естественной оранжереей, в которой под открытым небом могут расти бананы, смоквы, гранаты, чай, маслины, цитрусы...» (Агумаа А.С., 2010, с.26).

В то время Сухум, как и вся Абхазия, представлял собой печальное зрелище. Город после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был разрушен, его окружали заболоченные места, население было очень немногочисленным, дороги почти отсутствовали. В результате Кавказской войны прибрежное абхазское население было выселено в Турцию. К моменту приезда Смецких Сухум продолжал сохранять отпечатки войны.

Но всё-таки на фоне этой разрухи главным богатством Абхазии были её богатей-

Фото 3. Санаторий Н.Н. Сметцкого «Гульрипш» (белое здание)

шая природа и прекрасный климат. Санаториев здесь ещё не было, их ещё предстояло строить, и строить начал Н.Н. Сметцкой. Он стал пионером создания бальнеологического курорта в Абхазии (Агумаа А.С., 2010, с.28). Так чета Сметцких и осталась в Абхазии. За 12 лет Н.Н. Сметцкой приобрел более двух тысяч гектаров земельных участков. Из них самые крупные были в Гульрипшском районе и в поселке Эшера.

Прекрасный дендрарий лечебно-курортного назначения Сметцкой создаёт и в районе Гульрипша¹ и Агудзеры², где в 1895 г. за 7 тыс. рублей он покупает 1400 десятин земли, которая, за исключением трёх десятин, засеянных кукурузой, находилась под лиственным лесом. Как и в Сухуме, Николай Николаевич приступил к его расчистке и посадке новых субтропических культур. Впоследствии крупный специалист своего дела, главный садовод по плодоводству, виноградарству и паркодекоративному строительству А.И. Бишкевиус отмечал, что Н.Н. Сметцкой «выписывал семена и саженцы из-за границы, а я занимался освоением, размножением и разработкой агротехники всех выписываемых экзотов» (Малых Н., 2011, с. 86, фото 2).

В 1898 г. Н.Н. Сметцкой в своём гульрипшском имении по проекту архитектора Владимира Александровича Попова на холмах, возвышавшихся на 120–130 метров над уровнем моря, приступил к строительству грандиозного здания — санатория «Гульрипш-1» (белый корпус) (Агумаа А.С., 2010, с. 68, фото 3). Корпус предназначался для туберкулезных больных. Это был первый санаторий на Кавказском Причерноморье, по своим масштабам еще более величавый. Комиссия из России, которая приехала для того, чтобы осмотреть это здание, была настолько потрясена, что назвала санаторий Дворцом гигиены. Это был один из лучших санаториев в Европе. По своей архитектуре санаторий «Гульрипш-1» скорее близок к стилю неоклассики с элементами неорусского направления. С особой тщательностью строители подошли к расположению всех окон, холлов и коридоров здания и постарались сделать так, чтобы все они были направлены в сторону моря и получали хорошую соляцию.

Фото 4. Санаторий Н.Н. Смецкого «Гульрипш» (красное здание)

Таким образом, находившееся на довольно большой высоте здание практически располагалось на розе ветров — слиянии морского и горного воздуха, что обеспечивало практически идеальные условия для пациентов санатория. В 1902 г. было закончено «Белое» здание. Вначале оно было предназначено для больной супруги, вместе с тем Н.Н. Смецкой стал размещать здесь на льготных условиях малоимущих студентов, страдавших легочными заболеваниями. Здание было рассчитано на 110 человек (Маан О.В., 2010, с.62). В 1903-м открылось сосед-

нее «Красное» (фото 4). На эти стройки Николай Николаевич не получил ни копейки от государства. Он лично израсходовал 5 млн. руб. Для строительства корпусов санатория в Гульрипше возвели кирпичный завод, здесь же работали лесопилка и слесарная мастерская, а также прошла узкоколейная железная дорога протяжённостью шесть километров (Маан О.В., 2010, с.61). Для медицинского обслуживания больных Николай Николаевич приглашал высококлассных специалистов из Москвы (Агумаа А.С., 2010, с.68).

Само собой, построив прекрасные здания, Смецкой сразу же взялся и за благоустройство близлежащей территории — еще один признак высокой социальной культуры, столь свойственный строителям прошлых веков и так бесприсветно забытый в наше время. Вокруг санатория был заложен роскошный сад с диковинными привозными растениями, среди которых было множество пальм, олеандров, агав, душистых цветов и раскидистых деревьев. Можно только догадываться о том, как уютно чувствовали себя пациенты, которые после медицинских процедур выходили прогуляться по парку и посидеть на

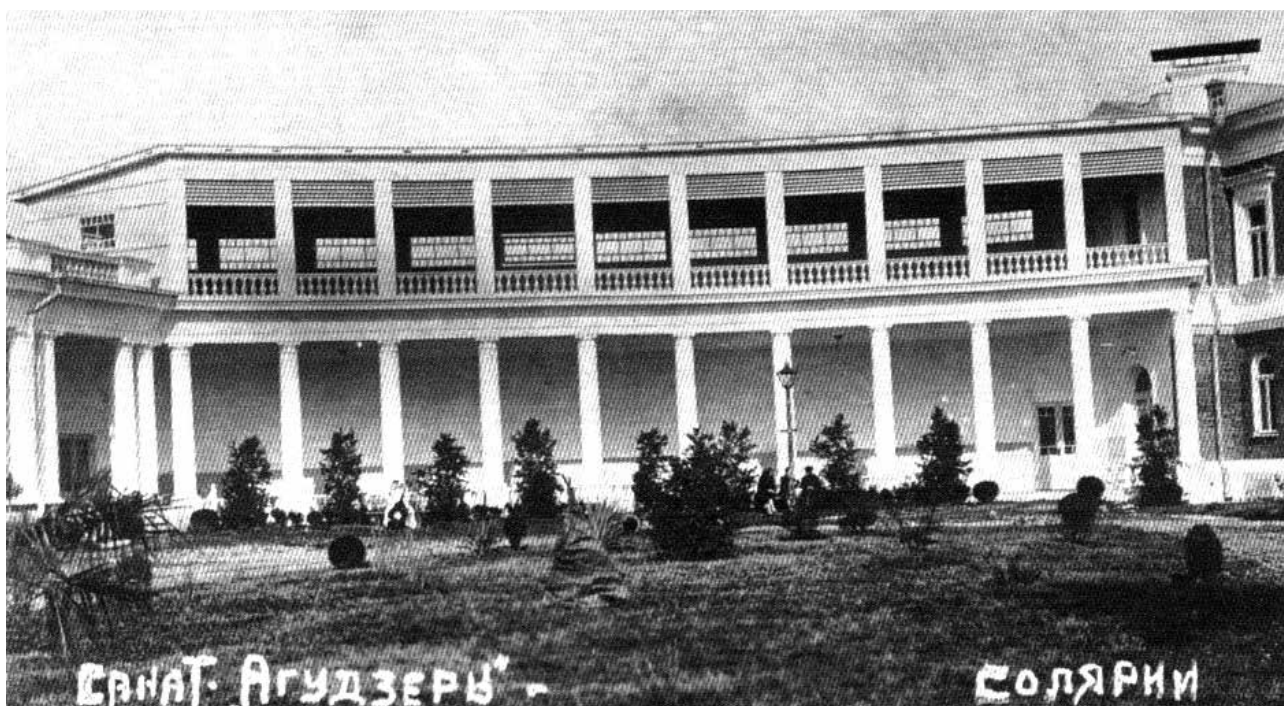

Фото 5. Санаторий Н.Н. Смецкого «Агудзера» (солярии)

Фото 6. Санаторий Н.Н. Смецкого «Агудзера»

лавочках в прохладной тени деревьев. На территории были своя мельница и скотный двор, для того чтобы обеспечивать больных свежим молоком. Все было продумано до мелочей.

Так, в путеводителе по Кавказу за 1910 г. можно прочитать: «В 1902 г. в 12 верстах от Сухума открыт грандиозный санаторий Смецкого «Гульрипш». Это в высшей степени симпатичное учреждение сооружено на средства и на земле г. Смецкого, поставившего себе задачу прийти на помощь легочным больным, обладающим ограниченными материальными средствами. Санаторий рассчитан на 100 кроватей. Под санаторий отведено 50 десятин земли, на которых разбит обширный парк, устроен водопровод, проведена канализация и пр. Окружающая местность в высшей степени благоприятна по своим санитарным и гигиеническим условиям и очаровательна по красоте окружающей роскошной природы на берегу моря, на бугре, возвышающемся над окрестной местностью более чем на 380 футов. Принимаются больные лишь с начальными формами туберкулеза, так как климатические условия Сухума не считаются благоприятными для дальнейших стадий развития болезни. Заведует

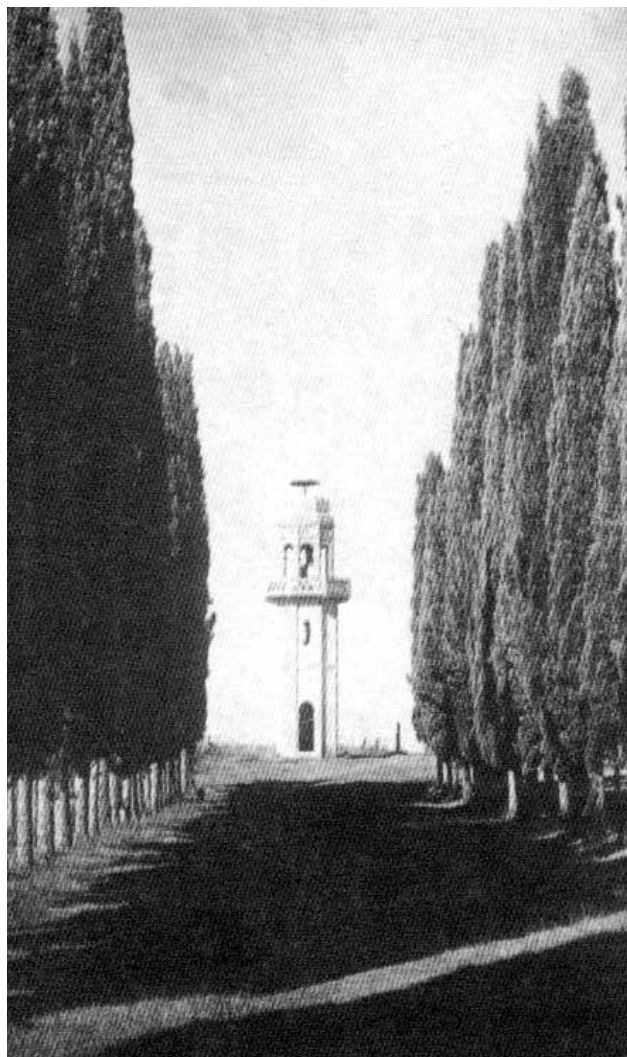

Фото 7. Маяк Н.Н. Смецкого на набережной Агудзеры

санаторием доктор С.С. Емельянов» (Малых Н., 2011, с.86).

В другом путеводителе по Черноморскому побережью Кавказа за 1916 г. отмечалось: «В Сухуми имеются следующие санатории (по данным на 1915 год): Мееровича, Зауера, Гамбашидзе, Кошко и Смецкого. Из них самые большие — Н.Н. Смецкого, для туберкулёзных больных — Агудзера и Гульрипш. Они находятся в 10 и 12 верстах от Сухуми и обладают громадною площадью земли. Санатории рассчитаны на несколько сотен больных. Пансион обходится от 60 р. Комнаты сдаются только помесечно. При санаториях разбит отличный парк на несколько десятках десятин. Санатории функционируют с мая по сентябрь» (Черноморское побережье..., 2009, с.466).

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в здании был устроен военный госпиталь. Затем, с 1946 г., здесь был устроен санаторий им. Ленина для легочных больных, а бывшее гульрипшское имение Смецкого ещё в 1921 г. было преобразовано в совхоз имени Ильича. В

настоящее время здание бывшего санатория Смецкого «Гульрипш» находится в полном запустении (Агумаа А.С., 2010, с.77)³.

Следует отметить, что через несколько лет, в 1905 г., Н.Н. Смецкой приступает к строительству другого санатория в селе Агудзера, рассчитанного не на легочных больных, а на отдыхающих. В 1905 г. на берегу моря меценат построил ещё одно санаторное здание (позже получившее название «Санаторий «Приморское» — ныне находится на территории Сухумского физико-технического института) (Маан О.В., 2010, с.62, фото 5, 6). Проектировал санаторий известный сухумский архитектор, инженер Александр Васильевич Синицын. Сама архитектура является повторением с небольшими изменениями санатория Hohenhoffen, известного немецкого курорта на Рейне. Заведовал санаторием врач В.А. Качаунов (Агумаа А.С., 2010, с.78).

Прекрасное двухэтажное каменное здание на высоком фундаменте вмещает до 70 комнат со всеми удобствами, рассчитанных на 100 человек, кроме того, имеются роскошно обставленные два больших зала, 4 гостиные, 6 крытых веранд, обставленных кушетками для лежания, читальня, 3 ванны и пр. Во все комнаты проведена вода к умывальникам; имеется канализация, отопление водяное. Здание окружено парком площадью до 30 десятин, засаженных пальмами и цветущими растениями; в недалёком расстоянии от санатория находится роскошный парк в 33 десятины, засаженный хвойными, эвкалиптами, пальмами и другими вечнозелеными растениями (Малых Н., 2011, с.88). «Из своего обширного имения в 1913 г. Смецкой выделил вправо от шоссе площадь в 30 десятин, засаженных всевозможными субтропическими растениями, преимущественно хвойными и пальмами. В центре участка им построена санатория «Агудзера» (в 10 верстах от Сухума)» (Мачавариани К.Д., 2009, с.20), а на берегу моря Н. Смецким в 1910 г. была построена 15-метровая смотровая белоснежная

башня (маяк), опоясанная ажурным балконом — смотровой площадкой и ныне украшающая агудзерский пляж. В этой связи следует отметить: башня была построена Н. Смецким также для супруги, больной туберкулезом. Каждое утро в 8.00 жену помещика Ольгу Юрьевну на фаэтоне возили на море, где она поднималась на башню и ровно час дышала морским воздухом, затем её увозили обратно в санаторий (Маан О.В., 2010, с.63, рис.7).

Но деятельность Николая Николаевича не ограничивалась только строительством санаториев. Его интересовало очень много вещей, в частности, флористика. На территории Абхазии он разбил пять парков. Из них самый крупный — это сухумский дендропарк, где он высаживал уникальные растения, привезенные из путешествий: с юга Франции, из Северной Африки и других мест. Этот дендропарк называли живой Третьяковкой, так как он был уникален по своим масштабам. На площади около 30 десятин им были высажены 50 видов пальм, 80 видов эвкалиптов, более 50 акаций, свыше 30 камелий, большая коллекция хвойных, обширные насаждения цикадей и единственная в своем роде коллекция кактусов.

Смецкой один из первых (в производственном масштабе) наладил сбыт для продажи в России абхазских вин (16 сортов), абхазских мандаринов и фруктов. Отправлял он всё это богатство из собственного морского порта, построенного в Агудзере.

Надо сказать, что благодаря деятельности, в частности, Н.Н. Смецкого, внесшего значительный вклад как в строительство первых в Абхазии санаториев, так и вообще в развитие санаторно-курортного хозяйства в Абхазии, с начала XX в. на Черноморском побережье Кавказа стал значительно увеличиваться поток туристов (Маан О.В., 2010, с.64). Тут важно отметить ещё одну уникальную сторону Н.Н. Смецкого: меценатство его распространялось не только на дела просветительские и бальнеологические, но и на по-

мощь в строительстве храмов и церквей, а также на помощь священнослужителям. К Смецкому обращались многие настоятели христианских обителей, а также простые жители с просьбой об оказании помощи в строительстве храмов и церквей (Агумаа А.С., 2010, с.130). По данным Г. Москвича, «... в 1908 году сооружена в древнерусском стиле и 1 октября освящена во имя св. Георгия церковь, а 1 ноября 1909 г. открыта школа (четырёхклассная церковноприходская на месте нынешней гульрипшской средней школы), помещающаяся в прекрасном, специально сооружённом здании. Как церковь, так и школа сооружены Н.Н. Смецким и содержатся на его же, Смецкого, средства. Жалованье священнику-учителю уплачивает 300 руб. Смецкой и 300 руб. — духовное ведомство» (Маан О.В., 2010, с.65, рис.8).

Об этом уникальном, с неиссякаемой энергией, большом меценате ещё можно много писать. Сложные были годы для Н.Н. Смецкого, когда в послереволюционное время происходили конфискация его имущества и разграбление его санаториев, но и тогда он оставался истинным меценатом. Так, 8 марта 1919 г. Сухумский Русский национальный Совет в лице его председателя А.А. Демьянова («народный социалист») и секретаря Вакуленко приносили на своем заседании благодарность Смецкому за оказанную им помощь Сухумскому русскому национальному совету в размере 500 рублей (Агумаа А.С., 2010, с.130).

Справедливо отмечено: «...если о. Иерон построил Ново-Афонский монастырь за счёт пожертвований тысяч верующих, врач Остроумов открыл первые в округе клинику и роддом на свои средства и благотворительные взносы нескольких энтузиастов, принц Ольденбургский построил курорт Гагры не только на средства бюджета Российского государства, но и на собственные деньги, а генерал Гейман для возрождения Сухум-Кале смог привлечь частный капитал, воодушевив инвесторов идеей создать на месте болот

и лесных зарослей современный город, то Смецкой создавал свои знаменитые парки и санатории, а также три посёлка: Синоп, Агудзера, Гульрипш — исключительно на личные средства» (Орлов-Кретчмер А.С., 2014, с.408).

Умер Николай Николаевич в 1931 г. Похоронен на кладбище, на краю дендрария в Сухуме, который он в своё время вырастил. Супруга Ольга Юрьевна скончалась в 1940 г. (Малых Н. 2011, с.91).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гульрипш (Гульрипш) — посёлок городского типа в 12 километрах юго-восточнее Сухума. Посёлок издавна был популярным местом отдыха для жителей столицы Абхазии, её пригородов и соседних горных сёл. Вместе с окрестными прибрежными посёлками Гульрипш представляет собой ценную курортную зону.

2. Агудзера — небольшой уютный посёлок городского типа в 8 км от Сухума. Его площадь менее 2 кв. км. Название свое Агудзера получила в результате искажения слова «Абгыздара», что в переводе с абхазского значит «Кизиловая роща». Кизил обильно произрастал в окрестностях поселка. Из этого растения производили орудия труда, предметы обихода, в сере-

дине XIX века его активно экспортировали. Именно кизилу и обязано поселение своим названием. Со временем оно было искажено (из Абгыздара превратилось в Агудзеру) и осталось официальным названием поселка.

3. От санатория остались лишь полуобвалившиеся стены, которые с каждым годом разрушаются все больше и больше. В течение долгого времени здание варварски разбиралось на стройматериалы, ситуацию даже сейчас невозможно контролировать. То, что некогда было ухоженным садом при санатории, теперь заросшее колючками и сорной травой пастбище для коров. Приходится с сожалением это констатировать.

ЛИТЕРАТУРА

Агумаа А.С., 2010. Николай Николаевич Смецкой (1852–1931) (Из цикла «Русская интеллигенция в Абхазии»). — Сухум: Дом печати. — 168 с.
Малых Н., 2011. Николай Смецкой // Русские в Абхазии. Издание осуществлено при поддержке правительственной комиссии по делам соотечественников. — Сухум. — С. 83–91.
Маан О.В., 2010. Агудзера и ее окрестности. Историко-этнографический очерк. — Сухум: Дом печати. — 136 с.
Мачавариани К.Д., 2009. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-эт-

нографическим очерком Абхазии. Переиздание книги, выпущенной в 1913 г. — Сухум.

Орлов-Кретчмер А.С., 2014. Образы Абхазии в изображениях XIX — первой трети XX века: В 3 т. — Т. II: Раритетные фотографии. — Москва: Викмо-М. — 572 с.

Черноморское побережье..., 2009. Черноморское побережье Кавказа / Сост. В.П. Доброхотов; под. ред. Н.И. Воробьева. Переиздание книги, вышедшей в 1916 г. в Петрограде. — Краснодар: Традиция, 2009. — 124 с.

КРАСНЫЙ КОМАНДИР Я.Ф. БАЛАХОНОВ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ АРМАВИРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Имя Якова Филипповича Балахонова не так широко известно, как имена других красных командиров, отличившихся в годы Гражданской войны на Юге России: С.М. Будённого, донского казака Ф.К. Миронова, кубанского казака И.А. Кочубея и других. В то же время Балахонов является ярким представителем красных партизанских лидеров, вырвавшихся на арену Гражданской войны в её начальный период. Историю формирования Красной армии «украшают имена действительно харизматичных фигур, которые, если бы не революция, остались бы приказчиками, фельдшерами, техниками; а служившие в армии не вышли бы из обер-офицерских чинов. Наиболее противоречивую память о себе оставили командиры, ставшие во главе формирований атаманского типа» (Морозова О.М., 2010, с.272). Одним из таких командиров был Я.Ф. Балахонов.

Яков Филиппович не погиб в огне междоусобного противоборства и не был репрессирован в отличие от многих других его участников. За боевые заслуги в годы Гражданской войны Балахонов был награждён тремя орденами Красного Знамени и Почётным революционным оружием, после войны занимал высокие административные должности. Скончался 3 марта 1935 года от разрыва сердца, находясь в должности директора крупного авиационного завода. «Все, кто сталкивался с этой прекрасной личностью, никогда не забудут его кипучую, боевую натуру, его неутомимую заботу о хозяйственном строительстве, исключительную чуткость к широчайшим массам бойцов и трудящихся и непоколебимую преданность делу рабочего класса и партии», — писали в газете «Правда» 4 марта

1935 г. о Я.Ф. Балахонове М.И. Калинин, С.М. Будённый, О.И. Городовиков и другие (Балахонов Я.Ф., 2018).

Яков Балахонов родился 29 марта 1892 года в станице Баталпашинской¹, в доме 12 по ул. Пушкинской. Его отцом был колёсный мастер из иногородних — Филипп Акимович Балахонов, мать — Ирина Фёдоровна, в девичестве Сереченкова, была из казачьего сословия, её предки переселились с Дона на Кубань. Яков с детства помогал отцу в мастерской. Историк О.М. Морозова пишет, что дети иногородних, «жившие в казачьих станицах, наравне с казачатами упражнялись и в верховой езде, и в джигитовке, и в сабельной рубке. Поэтому среди них

было немало лихих рубак: таких как Б.М. Думенко, С.М. Будённый, унтер-офицеры С.И. Зыбин из станицы Белореченской и Н.Е. Батлук из станицы Усть-Лабинской. Яков Балахонов в юности увлекался охотой и отличался меткой стрельбой, любил верховую езду» (Морозова О.М., 2010, с.273). Правда, далеко не всегда детей иногородних допускали в казачью среду. Якову Балахонову помогло то, что его мать была из казачьего сословия. Также во многом благодаря матери-казачке Яков Филиппович получил образование. Ирина Фёдоровна, будучи сама неграмотной, всё сделала для того, чтобы сын вырос образованным человеком. «С 7-летнего возраста Яшу уже отдали в школу. Он вполне оправдал надежды матери. С ранних лет у него появилась страстная жажда к знаниям, любовь к книге. Читать приходилось урывками, украдкой от отца, во время работы в колёсной мастерской, так как другого времени для чтения почти не было. Очень часто он оставался до поздней ночи в мастерской за чтением книг» (АКМ. Ф.6, оп.3, д.149, вф.2088/1, л.2). С детства Яков любил читать о военных походах и полководцах: Суворове, Кутузове, Гарибальди, Наполеоне и др. Любовь к военному делу появилась у Якова Филипповича ещё с детства. Очень увлекался военными играми, в которых был предводителем, так как отличался смелостью, быстротой и находчивостью. Его непреложным правилом во всех военных играх было: «Никогда ни при каких условиях не покоряться врагу». С 12-летнего возраста Яша стал увлекаться охотой. На охоте всегда отличался меткой стрельбой. В соревнованиях по стрельбе из револьвера за отличные показатели награждался призами (швейной машиной, часами, портсигаром и др.). С раннего возраста любил верховую езду, в традиционных верховых скачках часто становился победителем. В кулачных боях, которые проводились в Баталпашинской, среди станичников слыл неистовым бойцом и драчуном (Балахонов Я.Ф., 2018). Учил-

ся хорошо, особенно любил историю, правописание и пение. Но закончить городское училище Яше не пришлось, так как трудно было совмещать учёбу с работой в колёсной мастерской. Проучившись 6 лет, он оставляет школу (АКМ. Ф.6, оп.3, д.149, вф.2088/1, л.2). В ноябре 1909 г. Яков женился на Наталье — дочери местного огородника Порфирия Фёдоровича Чернявского. Через год у молодоженов родился сын Николай. Решив стать военным, Балахонов свободное от работы время отдавал чтению учебников. Экзамены сдал успешно, но учиться в военном училище ему не пришлось. Шла Первая мировая война, и в 1915 г. Балахонов был призван в действующую армию на русско-турецкий фронт. Через год его, как отличного бойца-ефрейтора, направляют в Николаевское училище в Тифлисе. Там он становится отличником учёбы, пользуется уважением со стороны курсантов. Впоследствии это повлияло на избрание Балахонова председателем организованного в училище солдатского комитета. По окончании училища в марте 1917 г. получил звание прапорщика и был отправлен в действующую армию на русско-австрийский фронт командиром роты (АКМ. Ф.6, оп.3, д.149, вф.2088/1, л.3).

В январе 1918 г., возвращаясь с фронта домой, Балахонов встретился на станции Армавир с группой одностаничников-красногвардейцев, бежавших из Баталпашинска от преследований контрреволюционеров. Одностаничники рассказали Якову Филипповичу о положении в станице, о бесчинствах казачества и убийствах ряда фронтовиков за революционные идеи (АКМ. Ф.6, оп.3, д.149, вф.2088/1, л.4). Вот как описывает эту встречу председатель Баталпашинского ревкома А. Марчихин: «На станции я встретил Я.Ф. Балахонова. Он был без офицерских погонов и держался как-то смущённо, растерянно. При этой второй встрече «на переломе» я не агитировал Я.Ф. Балахонова, а только спро-

сил его, куда он направляется. И, когда Яков Филиппович сказал, что едет в Баталпашинскую, я рассказал ему о белогвардейско-казацком разгуле и намекнул, что отец его — колёсный мастер и что лучше ехать с нами в Армавир. Из окна вагона мы видели, как небольшими группами к Якову Филипповичу начали стекаться солдаты и казаки-фронтвики, бежавшие из Баталпашинской. Через несколько дней в Армавир прибыл Я.Ф. Балахонов и предложил ревкому сформировать красногвардейский отряд. Вручая Я.Ф. Балахонову подписанный Баталпашинским ревкомом мандат на формирование красногвардейского отряда, я подумал про себя: «Какой он скромный и застенчивый. Выйдет ли он в генералы?». Но революция и народ, взявшие в свои руки власть, делали генералов из своей среды. Таким генералом из народа стал скромный и застенчивый в быту, быстро ориентирующийся в сложной боевой обстановке, умело сочетающий боевой приказ с мягкостью обращения комдив Яков Филиппович Балахонов» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/5, л.2-3).

Сын Балахонова Николай отмечал в своих воспоминаниях: «В течение 2 месяцев под командованием отца был сформирован партизанский отряд, насчитывающий свыше трёх тысяч человек, в который вошли шахтёры, железнодорожные рабочие, фронтвики-солдаты и беднейшее казачество окрестных кубанских, зеленчукских и терских станиц, а также черкесы, осетины и карачаевцы из ближайших аулов. В феврале 1918 г. отряд был окончательно оформлен и получил наименование 2-го Кубанского красногвардейского военно-революционного отряда» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/1, л.4). Можно только отдалённо представить, как тяжело было командовать столь разношёрстным отрядом, да ещё в период безвластия. Кроме того, периодически ощущалась нехватка обмундирования, снаряжения, боеприпасов и продуктов питания.

Несмотря на всю тяжесть сложившихся обстоятельств, уже в первых боях Балахонов завоевал себе славу отважного и смелого командира. Он личным примером увлекал бойцов в атаку, прекрасно знал все виды оружия, отлично стрелял из револьвера, винтовки и пулемёта, был замечательным конником, хорошо владел шашкой. Даже внешний вид командира имел большое значение и влияние на бойцов: «Высокий, подтянутый, с красивой, гордой осанкой, с вьющимися каштановыми волосами, с ласковыми голубыми глазами, с доброй, тёплой улыбкой на умном, энергичном лице — таков был командир Второго красногвардейского отряда — Балахонов» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/1, л.5).

В фондах Армавирского краеведческого музея хранится стенограмма доклада Якова Филипповича, которая состоит из 66 листов. К сожалению, доклад сохранился без начала и без конца. Нам не известно, где и когда именно Я.Ф. Балахонов выступал с докладом. Также следует отметить, что в деле Балахонова кроме стенограммы доклада хранится погрудное фото Якова Филипповича в военной форме с петлицами и тремя орденами Красного Знамени. Фото датировано 1923 годом, на оборотной стороне надпись: «Дорогому, родному соратнику Г.Е. Занченко. Герою Гражданской войны. Помни, не забывай нашего родного, любимого товарища, Героя Гражданской войны Я.Ф. Балахонова. С. Бахчисарайцев — 1923 год». Также в деле содержатся газеты, вырезки из газет, очерки со статьями о Балахонове, биографические данные, некролог, воспоминания сына Балахонова — Николая Яковлевича.

В докладе Я.Ф. Балахонова имеются сведения с момента формирования 2-го Кубанского революционного отряда в Армавире в феврале 1918 года до борьбы с бандами в районе Минеральных Вод осенью 1921 г., когда Яков Филиппович командовал 16-й кавалерийской дивизией. В отличие от более поздних «идеологи-

чески выверенных» воспоминаний и мемуаров ветеранов Гражданской войны в докладе честно говорится о трудностях формирования и командования, о борьбе с грабежами и мародёрством среди подчинённых, о взаимоотношениях бойцов и командиров, о конфликтах с местным населением и командованием.

Так, на начальном этапе формирования красных отрядов пришлось столкнуться с тем, что бойцы стремились защищать прежде всего свои родные станицы, были случаи игнорирования приказов командования, если они расходились с мнением большинства отряда. Вот как описывает подобную ситуацию Балахонов: «На 3-й день пришёл Борисенко² уговаривать, чтобы поскорее оформить отряд. Он выстроил мой отряд, посмотрел, видит, что все ребята очень боевые, почти все были старые солдаты. Тогда он предлагает следующее: «Мы вам даём право вооружиться, но вы должны защищать станицу Прочноокопскую». Мои ребята на это не согласились, заявляя: «Давай дома защищать, а не чужие станицы». Тогда Борисенко предложил собрать их в цирке, куда пришёл и Гайченец³. Какие меры он ни принимал, всё-таки успеха не добился...» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.1).

Описаны и случаи недоразумений с местным населением, которые вследствие самоуправства некоторых командиров выливались в многочисленные жертвы среди мирного населения. «Когда осетины узнали, что движется отряд, они решили встретить отряд миролюбиво, и сейчас же все собрались на площади и направились нас встречать. Отряд во главе с Никулиным, который вообще был парень дурковатый, открыл пулемётный огонь по мирному населению. Вся масса бросилась врассыпную, кто куда попало. Он этим случаем воспользовался, бросился в атаку, порубил несколько человек и пулемётным огнём ранил несколько детей и женщин. Тов. Никулин навёл панику на селение своими бессмысленными действиями» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.9).

Тяжело приходилось командиру в условиях партизанщины, практически доходящей до анархии, призывать к порядку подобных подчинённых. «Ночью под предводительством Никулина производился грабёж осетинов. Набрали барахла около 15 подвод. Когда стали проверять, кто этим занимался, то оказалось — кавалерия под командой тов. Никулина. Когда я начал убеждать, зачем они это сделали, тов. Никулин заявил: «Что же ты — контрреволюционер будешь защищать?». Я приказал ему всё сложить и сдать населению. Он не соглашался. Я ему заявил: «Что же ты — грабить пришёл?». Я его предупредил, что если он не вернёт награбленное, то будете расстреляны. После был организован митинг, и дело уладилось, и всё отобранное было возвращено населению, а оружие было изъято» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.9–10). Из выступления Балахонова становится понятно, с каким трудом принимались важные решения в красных отрядах: «Никулин мне говорит: «Хотя ты у нас забрал всё барахло, но всё же не целиком». И действительно, у него были полные карманы золота и серебра. Наш отряд был возмущён. По возвращении отряда был устроен митинг, и поставили вопрос перед ним: что же мы, только будем грабить? Если мы не будем делать того, что обязаны, нас будут только гнать и нами разочаровываться. Отряд вынес постановление тов. Никулина за его действия расстрелять» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.10). В последующем Никулин, которому удалось сбежать, организовал и возглавил банду, занимавшуюся грабежами и убийствами на территории Кубани.

Грабежи мирного населения красными бойцами неоднократно упоминаются в докладе. И если среди своих подчинённых ещё можно было навести порядок, то с другими отрядами дело обстояло ещё сложнее. «Войдя в ст. Бекешевскую, морозовский отряд начал барахлить и тащить на окраину станицы, где был расположен мой отряд, а сам напился

пьяный и не обращал никакого внимания. Видя такое безобразие, бойцы моего отряда приступили к отобранию от них награбленного и, свалив на подводы, отправили в Совет. Конечно, морозовцы были недовольны, но боялись возражать моим бойцам, зная, что они будут за такие делишки расстреляны. Моим же отрядом им было заявлено: «Если вы не сдадите награбленного, то будете обезоружены и расстреляны». Сначала они не соглашались, но после согласились и вывезли подвод около 30» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.14).

Приходилось бороться и с дезертирством. «На ст. Богославка в пакгаузе собралось около полка дезертиров, куда мне пришлось выезжать и митинговать, после чего они присоединились к отряду» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.20).

Также в докладе отмечаются случаи воровства внутри отряда и перехода на территорию Добровольческой армии. «Было даже бегство некоторых команд, рот на территорию белых. Например, командир роты Желнаков сбежал и захватил ротные суммы, сам скрылся в ст. Баталпашинской на территории белых» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.20). При этом у Желнакова не было стремления присоединиться к Белому движению, он просто уходил от возмездия, преследуя свои меркантильные цели.

Нередко для поднятия боевого духа бойцов командование прибегало к выдаче спирта перед боем. Сам Балахонов отрицательно относился к этой практике и в своём докладе описывал её печальные последствия: «После прибытия Сорокина⁴ он вызвал меня к себе и приказал: «Ввиду нашего сегодня наступления мы должны сейчас же раздать каждому бойцу спирту, столько, сколько кто хочет, а после этого мы поведём наступление на ст. Невинномысскую. Приказание было сделано, и что же? Через час повели наступление, время было 4 часа пополудни, в летний жаркий день, расстояние до моста было

не более 3–4 километров. Ввиду знойного дня и всех опьянённых бойцы полегли по всему полю и заснули. Некоторые из них кричали: «Если бы ещё немного дали, то лучше было бы наступать», а другие ругали командование, что их напоили. Безусловно, ввиду страшной жары тут и без того человек валился, а когда выпили по кружке чистого спирта, то, безусловно, все свалились, и им было уже не до наступления, а все хотели спать» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.22).

Как видно из доклада Балахонова, не отличались дисциплиной и красные командиры, что нередко приводило к случаям самоуправства, порой доходящего до бессмысленной жестокости. «Видя, что кавалерия бездействует, с наступлением темноты Гайченец выезжает со мной по дороге, ведущей из села Ивановское на мост Невинномысской, и встречает несколько едущих кавалеристов. Тут же он напал на них и начал их ругать, называть всякими словами, придираясь к тому, что вы хулиганы и барбосы, что не выполняете нашего приказа и не пошли в наступление. Один из них отозвался в своё оправдание. Тогда Гайченец, недолго думая, выстрелил из маузера и пристрелил кавалериста. Тут все как один бросились на него и хотели его срубить, но мне пришлось их успокоить, а Гайченец скорее бросился к лошади — и бежать к штабу Сорокина» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.23). В своём докладе Балахонов объясняет сложившееся в красных отрядах положение тем, что «политработа практически не проводилась, несмотря на наличие политорганов в войсках (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.23–24). Но дело было не только в отсутствии политработы. Главная причина — царившая атмосфера всеобщей вседозволенности в отсутствие авторитета общепризнанной власти.

В своём докладе Я.Ф. Балахонов также описывает последствия отвода «Стальной дивизии» Д.П. Жлобы⁵ с Кавказского фронта на Царицынский в октябре 1918 г. «Стальная дивизия» совершила поход от

Невинномысской до Царицына и нанесла удар по тылам войск генерала П. К. Краснова, помешав им взять город. Но для Кавказского фронта самовольный отход «Стальной дивизии» имел трагические последствия и воспринимался многими командирами как предательство. Вот что говорил по этому поводу Балахонов: «В эту же ночь отряд Жлобы снялся и ушёл на Царицын, через Ставропольскую губ., оголив наш фронт, не поставив в известность абсолютно никого. К вечеру был заполнен нашим отрядом прорыв, который сделал т. Жлоба своим отрядом, а на рассвете другого дня пр-к повёл наступление, сбил нас поголовно, и нам в безобразном порядке пришлось отступать, кто как мог» (АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4, л.25–26). Сам Д.П. Жлоба впоследствии был награждён двумя орденами Красного Знамени, золотым революционным оружием, после Гражданской войны занимал руководящие должности. В 1937 году арестован НКВД как «главный организатор и командир повстанцев на Кубани» и впоследствии расстрелян.

Так случилось, что самого Якова Филипповича репрессии настигли только через два года после его смерти. 14 июля 1937 г. в клубе совпартшколы Черкесска (в то время г. Сулимов) состоялось собрание бывших красных партизан и начальствующего состава запаса РККА, на котором было заслушано сообщение «о вредительской контрреволюционной деятельности разоблачённого после смерти врага народа Балахонова». Спустя три

дня в газете «Красная Черкесия» была опубликована статья об этом событии под заголовком «Балахонов — это волк в овечьей шкуре». В статье также сообщалось, что собравшиеся «с горечью в сердце выразили своё беспредельное негодование по адресу кулацкого выродка Балахонова. Этот бандит, продавший социалистическую революцию, обманым путём получивший доверие партии и правительства, прошедший на руководящие посты...». Собрание постановило: «...снять с площадей, колхозов, улиц и т. п. имя врага народа Балахонова, немедленно снять закладку памятника и уничтожить его могилу на старой Базарной площади, лишить его семью и всех его родственников пенсий, которые они получили за этого бандита Балахонова, просить горсовет изъять у Балахонова имущество, которое им награблено у государства под видом подарков» (Балахонов Я.Ф., 2018). После этого имя Я.Ф. Балахонова было вычеркнуто из энциклопедий, военных учебников, статей и пр.

После разоблачения культа личности Сталина в 1950-е гг. Яков Филиппович был посмертно реабилитирован. В 1962 году село Богословское Ставропольского края, где с апреля по июнь 1918 г. находился штаб Балахонова, было переименовано в Балахоновское, а в селе установлен бюст Якова Филипповича. В настоящее время многие улицы в Ставрополье и Краснодарском крае названы именем Я.Ф. Балахонова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящее время г. Черкесск — столица Карачаево-Черкесской Республики.

2. Борисенко И.П. — член ЦИК Северо-Кавказской республики, автор двухтомника «Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году», Ростов н/Д, 1930 г.

3. Гайченец И.И. — командующий Северо-Восточным фронтом в районе Невин-

номысской, член ЦИК Северо-Кавказской республики, член РВС Северного Кавказа.

4. Сорокин И.Л. — Главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа, командующий 11-й армией.

5. Жлоба Д.П. — командир 2-го Северо-Кавказского полка, командир «Стальной дивизии».

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АКМ – АКМ. Ф.6, оп.2, д.52/7, вф.2088/4. Балахонов..., 2018. Балахонов Яков Филиппович //Исторический Черкесск. [Электронный ресурс]: URL:[https://www.cherkessk.su/groups/group/14/wiki/Балахонов Яков Филиппович](https://www.cherkessk.su/groups/group/14/wiki/Балахонов_Яков_Филиппович) (дата обращения 04.09.2018).
- Балахонов Н. Я., 1957. Страницы из жизни Якова Балахонова. — Черкесск.
- Морозова О.М., 2010. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. — Ростов н/Д.

ФРОНТОВЫЕ НАБРОСКИ И РИСУНКИ Г.Ф. БАБИКОВА

В фондах Армавирского краеведческого музея хранится коллекция уникальных набросков и рисунков, выполненных в суровые военные годы художником Геннадием Федоровичем Бабиковым (1911–1993) и переданных в музей.

Он родился 18 января 1911 г. в небольшом городке Раненбурге Рязанской губернии, сегодня г. Чаплыгин Липецкой области. В шестнадцатилетнем возрасте стал учащимся студии Алексея Павловича Шведова — организатора Ржевского филиала Ассоциации художников революционной России (АХРР). Через год, в 1928-м, перебирается в Москву с целью обучения в Центральной студии при АХРР у Ф.И. Невежина, И.И. Машкова, П.П. Соколова-Скаля. В том же году Геннадий Федорович открыл свою первую выставку. В 1935 году художник переехал в Туркмению, жил в Ашхабаде, работал с книжным издательством, для которого оформлял книги.

В годы Великой Отечественной войны, с 1942-го Г.Ф. Бабиков служил писарем и картографом в штабе дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Параллельно с выполнением задания штаба графитным карандашом рисовал казаков-кавалеристов в разных жизненных фронтowych ситуациях на альбомных листах, листах из блокнота. У Бабикова много портретных набросков, в которых он стремился не только показать внешний облик человека в форме, но и передать его внутренний мир, характер. Обращает на себя внимание погрудный портрет капитана 2-го ранга Яковлева — молодого человека в гимнастерке с застегнутым воротником-стойкой и пилотке, смещенной на правую сторону головы (рис.1). Его суровый взгляд, плотно сжатые губы говорят о решимости и стойкости характера. На вид ему не больше 20, но звание капитана

обязывает быть серьезнее, ответственнее и старше, быть примером мужественности для бойцов (АКМ. Ф. 8. Оф. 5614/31). Интересен портрет гвардии старшины санитарной службы Абдалиной Екатерины Васильевны 1921 года рождения (рис.2). Она в действующей армии, на фронте, находилась с 1942 года, воевала в составе 9-го гвардейского кавалерийского полка 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Рисунок выполнен 25 августа 1943 года в лесу совхоза «Жиздра», за несколько дней до совершения ею подвига и получения первой награды — медали «За боевые заслуги». Художник Бабиков графитным карандашом сделал набросок с небольшим разворотом в три четверти вправо молодой, 22-летней, девушки, одетой в гимнастерку. На ее груди схематично обозначен гвардейский значок. Короткие вьющиеся волосы аккуратно убраны под пилотку. Она спокойна, открыта к общению, но вместе с тем решительна, строга и настой-

Рис. 1. Капитан 2-го ранга Яковлев, рисунок

Рис. 2. Гвардии старшина санитарной службы Е.В. Абдалина, рисунок

Рис. 3. Гвардии сержант Н.А. Нелюбин, рисунок

чива. Не случайно в приказе от 19 сентября 1943 года командир охарактеризовал ее, представляя к первой медали, как смелого и выдержанного бойца, способного в сложной военной обстановке не терять самообладания, не паниковать, в условиях окружения умеющего спокойно выдавать обмундирование личному составу (АКМ. Ф. 8. Оф. 5614/22).

Чаще всего Бабилов рисовал портреты солдат 3-й гвардейской кавалерийской дивизии, вызванных в штаб для награждения, рисунки подписывал, ставил дату и указывал, за что вручалась награда. 14 июля 1943 года художник сделал набросок Нелюбина Николая Андреевича, гвардии сержанта, который в 1943 году, выполнив во время боев за город Севск смелое задание и своевременно доставив в штаб сведения о разведке, был награжден медалью «За боевые заслуги» (рис. 3). В деревне Карманово Геннадий Федорович написал портрет сержанта 3-го эскадрона Мишулина Анатолия Васильевича, удостоенного ордена Отечественной войны II степени (рис. 4). Медалью «За отвагу» был награжден гвардии сержант 1-го эскадрона Га-

личенко Яков Григорьевич. Художник 14 июля 1943 г. сделал набросок портрета, обозначив на левой стороне груди первую награду молодого пулеметчика. А через месяц, 19 августа 1943 года, отважный кавалерист погиб и был захоронен в братской могиле в деревне Орля Жиздринского района Орловской области (рис. 5).

Наряду с портретными у Геннадия Федоровича Бабилова было много и сюжетных рисунков. Так, художник изобразил момент формирования 50-й кавалерийской дивизии в городе Армавире в июле 1941 года. На переднем плане рисунка «Армавир. Урупские лагеря. Июнь 1941 г.» изображено, как на плацу за столом расположились два писаря, ведущих запись двух казаков-добровольцев в дивизию (рис. 6). Пришедшие мужчины одеты в казачью одежду: черкески, папахи; они держат под уздцы лошадь — верного и надежного друга. На заднем плане слева обозначено два здания, скорее всего, конюшни, справа — корпус штаба. Рисунок выполнен тушью на большом альбомном листе, по нижнему краю справа авторская надпись: «Армавир. Урупские лагеря. Июнь 1941 года. Б. Мо-

Рис. 4. Гвардии сержант 3-го эскадрона А.В. Мишулин, рисунок

Рис. 5. Гвардии сержант 1-го эскадрона Я.Г. Галиченко, рисунок

сква, 19.1.44» (АКМ. Ф. 8. Оф. 5614/41). Рисунок явно создавался по памяти, на что указывает дата под авторской подписью: 19 января 1944 года. На данном рисунке художником допущена незначительная

ошибка: дивизия в Армавире была сформирована в июле, а не в июне 1941 года, как указано. Известно, что в июне-июле 1941 года Государственный комитет обороны, видя сильные потери Красной армии и

Рис. 6. Армавир. Урупские лагеря, рисунок

Рис. 7. Дорога на фронт, рисунок

стремительное продвижение гитлеровских войск по территории нашей страны, принимает решение об укреплении сил советской армии за счет кавалерии. Вследствие чего 4 июля ГКО постановлением № ГКО-23сс издал указ о формировании кавалерийских дивизий, в том числе в Северо-Кавказском военном округе. С этой целью 6 июля в город Армавир прибыли полковник Исса Александрович Плиев и комиссар Александр Алексеевич Овчинников. Через неделю, 14 июля, наша 50-я кавалерийская дивизия была направлена в Подмосковье, перед ней была поставлена цель «прорваться в тыл противника, дезорганизовать его коммуникации, отвлечь силы и внимание от активных наступательных действий на Московском направлении» (Василевский А.М., 1976, с.3). Г.Ф. Бабилов отобразил на одном из своих рисунков и эпизод переброски армавирских кавалеристов на Смоленщину в вагоне-теплушке (рис.7). Рисунок «Дорога на фронт» выполнен черной тушью пером на плотном листе бумаги и наклеен на картон. В центре темного ва-

гона ярко горит большая печь-буржуйка, освещая своим пламенем группу людей, расположившихся вокруг нее стоя, лежа и полулежа. Два бойца изображены рядом с ней: один из них подкладывает дрова, другой ставит котелок. По правому краю рисунка молодой солдат играет на баяне, над ним висит на гвозде фонарь — «летучая мышь». Все слушают музыку, и при этом каждый занимается своим делом. Автор показал лишь силуэты, не вдаваясь в подробности и частности той или иной фигуры. Мы не видим и лиц бойцов, фрагментарно обозначены у немногих губы и нос. Для Бабилова важнее было показать атмосферу вагона: ночь, тишина и тихое звучание гармонии, передать настроение людей — спокойствие и вместе с тем ожидание предстоящего тяжелого сражения (АКМ. Ф. 8. Оф. 5614/47).

Художник не мог не показать и моменты боев отважных кавалеристов в период Великой Отечественной войны. В наброске «Связисты снимают пулеметчика», сделанном 22 марта 1943 года, Геннадий

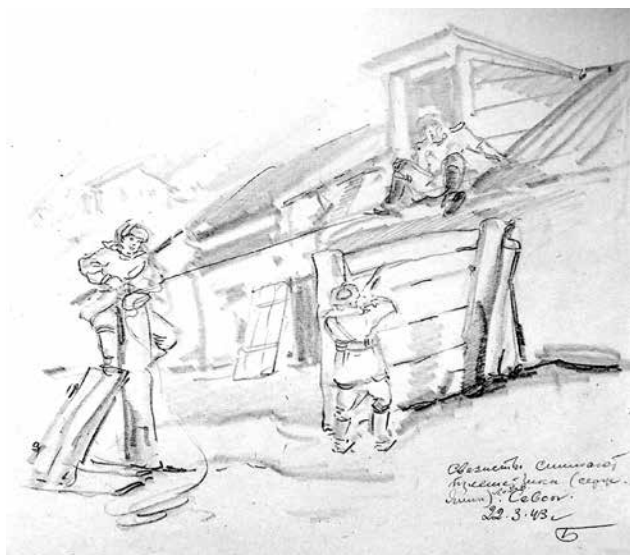

Рис. 8. Связисты снимают пулеметчика, рисунок

Федорович отобразил двух советских солдат, одетых в зимнюю форменную одежду: полушубки, шапки-ушанки, под дулом автоматов снимающих немецкого пулеметчика с чердака одноэтажного здания на одной из улиц города Севска (рис.8). Один из бойцов держит под прицелом противника, второй при помощи кабеля стягивает фашиста с крыши. Нам показаны лишь фигуры людей, выполненные в черных тонах, но как они динамичны, решительны и смелы! Без единого выстрела, лишь под

прицелом автоматов, мужественные кавалеристы заставили немецкого захватчика прекратить огонь и сдаться в плен (АКМ. Ф. 8. Оф. 5614/36). А в эскизе «Смерть сержанта Тютина, закрывшего собой комиссара от минометного огня», выполненном в 1943 г. графитным карандашом на альбомном листе, художник изобразил гибель молодого человека, который у деревни Рождественской 6 апреля 1943 года в момент сильного минометного обстрела прикрыл собой комиссара (рис.9). На переднем плане нарисован разрыв мины в расположении советских войск. Справа на земле распростерты тела двух советских солдат. Лицом вниз лежит офицер, его прикрывает спиной солдат в шинели и сапогах. Вдали неясные очертания поселка. Эскиз был сделан автором через несколько дней после совершения сержантом Тютиным подвига, о чем свидетельствует авторская подпись, выполненная по нижнему краю: «Смерть сержанта Тютина, закрывшего собой комиссара от минометного огня. д. Рождественская. 6.4.43 г.» (АКМ. Ф. 8. Оф. 5818/19) (рис. 9).

Все свои рисунки, наброски, портреты Бабилов рисовал, являясь свидетелем происходивших событий. Он не отсижи-

Рис. 9. Смерть сержанта Тютина, закрывшего собой комиссара от минометного огня, рисунок

вался в землянках и окопах, а старался быть вместе с солдатами на передовой, быть в гуще самых опасных моментов. И не случайно в июле 1943 года Геннадий Федорович был удостоен медали «За боевые заслуги», о чем был издан приказ гвардии майора Черникова — командира 9-го гвардейского кавалерийского полка — с соответствующей записью: «Награждаю медалью «За боевые заслуги» писаря штаба полка гвардии красноармейца Бабикова Геннадия Федоровича, за то что он в период боев с 5 марта по 5 июня 1943 г. проявил смелость и мужество, под артиллерийским огнем противника делал зарисовки боевых эпизодов и портреты бойцов и командиров для истории полка».

После окончания Великой Отечественной войны писарь и картограф 2-й гвардейской кавалерийской дивизии жил в Ашхабаде, писал натюрморты, пейзажи, графические портреты и др. В 1956 и 1961 годах в столице Туркмении состоялись его персональные выставки. В 1968 году Г.Ф. Бабикову было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Туркменской ССР».

Сегодня его замечательные работы хранятся в Музее изобразительных искусств Туркмении. Умер Г.Ф. Бабиков в 1993 году в Туркмении, но память о нем благодаря многочисленным работам хранят многие городские музеи России, в том числе Армавирский краеведческий.

ЛИТЕРАТУРА

Василевский А.М., 1976. Солдат, полковник, герой // Плиев И.А., Под гвардейским знаменем. — Орджоникидзе.
Серкова О.А. Портрет земляка-доватора из 1943 г. [Электронный ресурс]: <http://lounb.ru/lipnames/images/stati/babikovt/babikovt1.JPG>/Худож-

ник из Раненбурга (дата обращения 02.03.2019). http://www.peredovaj.ru/publ/istorija_4_go_ehskadrona_37_kavpolka_50_kavdivizii/portret_zemljaka_dovatorca_iz_1943g/7-1-0-43 (дата обращения 20.02.2019).

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОЙ АРМАВИРСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Еще в 1880 году русский учёный Порфирий Бахметьев предложил передавать изображение по проводам с помощью быстро чередующихся электрических сигналов, используя способность человеческого глаза сохранять мгновенное световое раздражение примерно в течение 0,1 секунды. Однако на практике телевидение было реализовано в конце 20-х годов XX века. В Советском Союзе оно появилось в 1931 году, когда во Всесоюзном электротехническом институте (ГУП ВЭИ) была создана передающая и приёмная аппаратура и началась регулярная передача телеизображения, поэтому именно с этой датой связывают зарождение телерадиовещания в нашей стране. Через короткое время новшество стало доступным для жителей таких городов, как Ленинград, Киев, Нижний Новгород, Смоленск, Томск, Харьков и др.

В 1932 году началась передача движущегося изображения, так называемого телекино, телевизионные программы вошли в регулярное расписание и продолжались вплоть до 1941 года. В 1950–1960-е гг. Советский Союз был рекордсменом по темпам ввода телевизионных центров. К 1960 году в стране насчитывалось уже 100 телевизионных станций, 60 программных телевизионных центров, а в 1965-м была построена знаменитая Останкинская телебашня, где разместился самый большой в мире телецентр.

«20 февраля 1956 г. на сессии Армавирского горсовета депутатов трудящихся «Планом практических мероприятий по благоустройству города» было утверждено решение о создании малого телецентра с соответствующим финансированием через городской отдел культуры» для передачи программ составленных из кинофильмов (АКМ. Ф.11, д.70, кп.2960, л.1).

Наиболее удачным местом расположения телецентра на территории города

Телевизионная вышка в г. Армавире по улице Р. Люксембург при пересечении с ул. Шевченко. г. Армавир, 1964 г. АКМ, в. ф. 678

было определено помещение городского радиоузла. На пересечении улиц Р. Люксембург и Шевченко была установлена телевизионная башня высотой 73 метра, с мачты которой уже 8 апреля 1957 года в эфир ушли первые позывные, а из телевизоров послышался голос диктора: «Говорит и показывает Армавир. Работает малый телевизионный центр. Добрый вечер, товарищи! Начинаем первую пробную передачу...». Так было положено начало передач Армавирского телецентра, и на экранах своих телевизоров армавирцы просматривали киножурнал «По Дону и

Передачу ведёт ассистент режиссера Валентина Пискунова, звукорежиссёр Юрий Алексеенко. г. Армавир, 1964 г. АКМ, в. ф. 678/2

Иван Семёнович Нетребин — кинооператор Армавирской студии телевидения. г. Армавир, конец 1870-х — начало 1980-х гг. АКМ, в. ф. 4509/2

Кубани», концерт артистов ленинградской эстрады и многое другое. Активное участие в монтаже и изготовлении телевизионной аппаратуры приняли работники телецентра: механик Сергей Багдасаров, инженеры Эдуард Давыдов и Олег Адимиров. Радиус действия телецентра превысил все ожидания — более 65 км! Сигнал был принят даже в г. Кропоткине. К 1957 году в пользовании армавирцев находились уже сотни телевизоров, их не только покупали в магазинах города, но также завозили извне. С июня 1957 года городской телецентр перешёл на регулярную работу.

«1 февраля 1959 г. по приказу Госкомитета по телевидению и радиовещанию СССР на базе редакции радиовещания была открыта Армавирская студия телевидения» (Малышев Н., 1972).

Большая заслуга в правильной организации работы студии по праву принадлежит её первому директору Фёдору Павловичу Зырьянову, который собрал команду первых армавирских телевизионщиков. Коллектив студии расположился в здании по адресу: ул. Р. Люксембург, 198. Всего в штатах студии и аппаратно-студийного комплекса трудилось около 150 человек. Журналисты и режиссеры творчески подходили к подготовке каждой передачи. У самых истоков Армавирской студии телевидения стояли: ведущий кинооператор Иван Семёнович Нетребин, на протяжении двадцати лет возглавлявший

киногруппу, режиссёры Николай Николаевич Скрипкин, Василий Сергеевич Кондратьев, редакторы Николай Михайлович Малышев, Александр Иванович Попов, Татьяна Георгиевна Лунёва, операторы Иван Тарасович Бурухин и Юрий Михайлович Опельянц и многие другие. Под руководством Зырьянова была грамотно организована работа 6 редакций.

Редакция общественно-политических передач считалась первой. Её редактором был Николай Михайлович Малышев (он же главный редактор Армавирской телестудии, под руководством которого работали все редакции). Режиссёрами этой редакции стали Татьяна Георгиевна Лунёва, а позднее Огарёва Валентина Петровна. Задачи редакции — широко пропагандировать решения съездов партии и пленумов ЦК КПСС. Во второй редакции — промышленных и сельскохозяйственных передач — ежегодно готовили сотни передач о людях труда. Здесь трудились редактор Владимир Захарович Шабанец и режиссёр Николай Николаевич Скрипкин. Третью редакцию — молодёжных передач — возглавляли редактор Аделина Семёновна Абрамова и режиссер Василий Сергеевич Кондратьев. В четвертой редакции школьных и детских передач работали редактор Майя Пантелеевна Дурнова и режиссер Лариса Пушкарёва.

В пятой редакции — теленовостей — трудились редактор Пётр Прокопьевич

Члены Армавирской студии телевидения за обсуждением сценария передачи.
г. Армавир, начало 1970-х гг. АКМ, к. п. 8432/5

Бесарабов, позднее Яков Ефимович Батенев, а также режиссер Валентина Пискунова и диктор Лариса Зенина. Шестая, редакция художественных передач, занималась оформлением студии телепередач, киносюжетов, телеспектаклей. Её работу возглавлял художник Иварс Андреевич Силинш.

Все передачи шли в режиме реального времени. Это были небольшие сюжеты о героях того времени. Шли годы, телецентр рос. В передачах стали появляться очерки о родном Армавире, о его трудовых буднях и праздниках. На телевизионные встречи приглашались известные жители нашего города — люди, своими заслугами и подвигами прославившие его на всю страну. Среди первых гостей телестудии были писатели Савва Артёмович Дангулов, Борис Минаевич Каспаров, Иван Спиридонович Рахилло, ветеран Иван Лукич Хижняк, космонавт Виктор Васильевич Горбатко и другие именитые земляки. «Зрителям

также посчастливилось познакомиться со многими известными в стране людьми: Ольгой Аросевой, Зоей Федоровой, Павлом Лесицианом, Эдмондом Кеосаяном, Александром Козловым» (Армавирское телевидение: как все начиналось... (к 60-летию создания АСТ) <http://gimnaz.armavir.ru/?p=28851>).

Режиссёры и кинооператоры студии уделяли большое внимание созданию документальных фильмов, телевизионных очерков, а также постановке телеспектаклей совместно с артистами драмтеатра имени А.В. Луначарского («Кремль», «Родина», «В каменных джунглях», «Голова профессора Доуэля», «Огненосцы» и др.). Звукооформлением фильмов и передач занималась звукооператор Ирина Бормотова, над монтажом киноплёнок трудились Галина Новикова и Любовь Геращенко. За годы работы на Армавирской студии телевидения были отсняты тысячи фильмов и киносюжетов, многие из которых побеждали на краевых кинофестивалях и были показаны по Центральному телевидению: «По следам предков» (режиссер В.С. Кондратьев, оператор И.С. Нетребин), «Синяя птица» (режиссёр Н.Н. Скрипкин, оператор И.С. Нетребин), «В нашем колхозе» (режиссер Н.Н. Скрипкин, оператор И.С. Нетребин) (документальный фильм «Армавирская телестудия в 1973 г.» https://www.youtube.com/watch?v=IreBWve1_ME).

Много интересных передач подготовили сотрудники телестудии с участием космонавтов, Героев Советского Союза, ветеранов Великой Отечественной войны и т.д. Передачи смотрели десятки тысяч армавирцев, жителей Новокубанского, Успенского, Отрадненского и Лабинского районов. В разные годы работы Армавирской студии телевидения её возглавляли Фёдор Павлович Зырьянов (с 1959 г. по 1963 г.), Никита Иванович Сороковой (1963–1965 гг.), Карп Иванович Погосов (1965–1979 гг.), а в 1979–1980 гг. — Александр Иванович Попов (АКМ. Ф. 11. Д. 70, кп. 7866).

В 1980 году по приказу Госкомитета по телевидению и радиовещанию студии чёрно-белого вещания стали переводить на цветное вещание. В связи с отсутствием средств на переоборудование Армавирская студия телевидения была закрыта, а ряд сотрудников переведены на работу в Краснодарскую студию телевидения. На месте Армавирской телестудии был организован корпункт, в котором продолжали работать и готовить сюжеты для Краснодарского телевидения оператор И.С. Нетребин и редактор А.И. Попов. Разносторонняя работа, проведённая специалистами-телевизионщиками, сыграла большую роль в деле приобщения широких масс к новому техническому чуду — телевидению, сделав его доступным и привычным источником информации.

ИСТОЧНИКИ

1. Программа основных передач Армавирской студии телевидения с 16 по 31 мая 1961 г. // АКМ. Ф. 11. Д. 70. К. п. 6885.

2. Программа основных передач Армавирской студии телевидения с 16 по 31 мая 1961 г. // АКМ. Ф. 11. Д. 70. В. ф. 3741/1.

3. Справка о возобновлении работы Армавирской городской студии телевидения // АКМ. Ф. 11. Д. 70. Н/а 299/1.

4. Книга трудовой славы Армавирской студии телевидения с 1 февраля 1959 г.

по 1 апреля 1980 г. // АКМ. Ф. 11. Д. 70. В. ф. 3589/1.

5. Фотоальбом Армавирской студии телевидения «Наши гости» // АКМ. Ф. 11. Д. 70. К. п. 7866.

6. Материалы по малому телецентру // АКМ. Ф. 11. Д. 70. К. п. 2960.

7. Документальный фильм «Армавирская телестудия в 1973 г.» https://www.youtube.com/watch?v=IreBWve1_ME

8. Армавирское телевидение: как все начиналось... (к 60-летию создания АСТ) <http://gimnaz.armavir.ru/?p=28851>.

ЛИТЕРАТУРА

- Мальшев Н., 1972.* В эфире — Армавир // Армавирский собеседник. — № 90, 6 мая.
- Горностаев Л., 1979.* Волны телецентра // Армавирский собеседник. — № 23, 1 февраля.
- Волкова Т., 2017.* Он писал о времени, о городе, о людях // Армавирский собеседник. — № 132, 19 августа.
- Мальшев Н., 1979.* Наш общий юбилей. Студии телевидения — 20 лет // Советский Армавир. — № 23, 1 февраля.
- Газазян Л., 1957.* Чтобы в каждом доме звучал голос Москвы // Армавирская коммуна. — № 169, 27 августа,
- Пасенко С., 2014.* Проблемы и специфика реализации советской концепции досуга на примере культурно-досуговой сферы города Армавира (1943–1991 гг.). — Армавир.

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

(Из опыта работы Армавирского краеведческого музея)

В 2014 году Армавирский краеведческий музей стал победителем в краевом конкурсе «Музейный Олимп Кубани» в номинации «Инновация в музее».

На конкурс была представлена «ожившая» экскурсия от первого лица «В гостях у казачки Аксиньи». Экскурсия, разработанная на базе научно-исследовательских работ сотрудников музея с опорой на материалы, представленные в его фондах, затрагивала такой важный пласт в изучении истории развития региона, как быт и обычаи кубанских казаков. Выбор интерактивной формы работы определялся теми целями и задачами, которые ставит перед собой музей как научно-просветительское учреждение. А именно: сохранение и передача уникального культурно-исторического наследия, развитие познавательного интереса к истории родного края, формирование особой музейной среды как места взаимодействия различных поколений, создание площадки для реализации творческих проектов сотрудников музея. Победа в конкурсе стала ещё одной опорой закладывающегося нового направления работы учреждения.

Что же такое интерактивная экскурсия в музее и какие возможности она даёт для актуализации культурно-исторической памяти? Сразу хотелось бы отметить, что, несмотря на постоянное использование данного термина в различных сферах жизни современного общества, есть разница между интерактивностью в музейной среде и, например, в образовании, рекламе, науке, дизайне и так далее. Понятие «интерактивный» в сферу культуры пришло из мира информационных и компьютерных технологий. Для техники данное взаимодействие с человеком-пользователем говорило о качественно новом уровне. Система должна была откликаться на действия пользователя, а отклик порождал об-

ратную связь, что облегчало работу с ней. Для музея, постоянно озабоченного поиском новых возможностей привлечения посетителя в свои залы, интерактивность стала действенным механизмом для преодоления статичности и пассивности посетителя, позволила стать ближе и понятнее, настроить общение на качественно новом уровне, чутко реагировать на потребности посетителя и получать обратную связь. Исполнительный директор Центра развития музейного дела Дарья Агапова в своей статье «Культура участия: миллионы диалогов» интерактивность в музее как раз и объясняет как «диалогические отношения посетителя с экспозицией (в противовес монологичному рассказу экскурсовода о статичных вещах) и создание особой среды, с которой посетитель может вступать в непосредственное взаимодействие (как минимум потрогать)» (Агапова Д., 2012, с.13).

Однако споры вокруг данного термина до сих пор ведутся очень серьёзные. Недостаточно просто создать пространство и заполнить его предметами. Эффективный диалог возможен только в постоянном творческом поиске, который не пересекает грань, отделяющую просветительскую работу от развлекательной программы. Таким образом, интерактивная музейная экскурсия — это интересный, познавательный процесс, который строится на основе диалога между его участниками, раскрывает разные грани музейных предметов — экспонатов, позволяет создавать особую, доверительную атмосферу.

Экскурсия «В гостях у казачки Аксиньи» стала первым удачным опытом коллектива музея. Специально для неё были подготовлены предметы интерьера казачьей хаты, костюм для экскурсовода, соответствующий казачьему женско-

му костюму второй половины XIX века, фотоматериалы, предметы быта. Сценарий интерактива подразумевал общение с посетителями от первого лица, что сразу настраивало аудиторию на погружение в исторический период. За несколько лет её посетили школьники Армавира, Лабинского, Новокубанского, Успенского и Отрадненского районов. Следующим мероприятием такого плана стала экскурсия «Вольные сыны Кубани». Теперь уже в центре внимания были система воспитания мальчиков в казачьих семьях, физическая и боевая подготовка, обряды инициации казачков. Постепенно тематика интерактивных экскурсий музея расширялась. Очень востребованными стали экскурсии из цикла «История Великой Отечественной войны»: «Детство, опалённое войной», квест-игра «Военная тайна», «Письма фронтовые навсегда живые», «Ты символ мира и добра, мой голубь, белый, вольный». Со временем было освоено ещё одно направление, а именно мастер-классы. Например, цикл «Чудеса из лоскута» посвящён истории русских традиционных лоскутных кукол. Начинаясь он с простой игрушки Зайчик-на-пальчик. Теперь же в музее можно своими руками сделать такие интересные куклы, как Подорожница, Столбушка, Ангел, Птичка. Кроме текстильных кукол есть мастер-классы игрушек из мочала: «Конь златогривый», «Льяница-рукодельница», «Сударыня Масленица», а также экскурсия «Русский сувенир» с мастер-классом по дымковской росписи.

Интерактивный подход в экскурсионной работе позволил расширить и исторические границы. Музей сегодня предлагает экскурсии с элементами реконструкции «Стрельба из лука — целая наука! (лук в

истории человечества)», «Кто к нам с мечом придёт... (к 800-летию святого князя Александра Невского)» — экскурсия с использованием оборудования для спортивно-мечевого боя. Даже такую сложную для детского восприятия тему, как «История Гражданской войны на Кубани», можно актуализировать при помощи интерактивности. В 1918 году в Армавире несколько месяцев работал собственный монетный двор, выпускавший медные монеты достоинством 1, 3 и 5 рублей. Подробно история армавирских денег описана в статье заведующего отделом Армавирского краеведческого музея к.и.н. Засухина Р.В. «Армавирские деньги и австрийский гравёр», напечатанной в марте 2014 года (Засухин Р.В. Мир музея. — 2014. — С.16–18, 42). Данный исторический факт стал основой для экскурсии «Монетный двор», в ходе которой каждый участник получил возможность изготовить собственный сувенирный армавирский рубль 1918 года методом холодной чеканки. Экскурсия в таком формате вызывает интерес у посетителей любого возраста и побуждает изучать историю родного города.

Таким образом, исходя из опыта проведения интерактивных экскурсий в Армавирском краеведческом музее, мы можем подтвердить, что интерактивность является действенным способом актуализации культурно-исторической памяти. Правильное применение и использование интерактивных компонентов обогащают экскурсионную тематику музея, позволяют структурировать работу и привлечь широкую аудиторию в залы музея. Самым лучшим отзывом и подтверждением правильности выбранного направления является устойчивый интерес детской аудитории к мероприятиям и экскурсиям музея.

ЛИТЕРАТУРА

Аганова Д., 2012. Культура участия: миллионы диалогов // Программа «Новые музеи для Сибири» «Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия» / Ответственный

редактор А. Щербаков. Сост. Н. Копелянская. — М. — С. 8–20.

Засухин Р., 2014. Армавирские деньги и австрийский гравёр // Мир музея. — № 3.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

М.П. БЕРЛИЗОВ, Г.Г. ДАВЫДЕНКО

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ И ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ ПРИ УТВЕРЖДЕНИИ ГРАНИЦ ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

На протяжении всей истории существования человеческого общества неизменно актуальным остается вопрос соотношения публичных и частных интересов. Именно на этом строятся теория дифференциации права, а также различные теории (подходы) к государственному управлению.

В ч. 3 ст. 55 действующей Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина, законные интересы организаций (*читай — частные интересы*) могут быть ограничены федеральными законами в случае, если того требуют публичные интересы общества и государства (Конституция РФ, 1993; Собрание, 2014, ст. 4398).

Одним из таких ограничений являются зоны с особыми условиями использования территорий (*далее — ЗОУИТ*), предусмотренные действующим законодательством РФ. В литературе встречаются различные точки зрения относительно сущности и содержания данного явления (Аверина Л.В., Мямина И.С., 2018, с. 50–61). В рамках настоящей статьи нам хотелось бы рассмотреть некоторые правовые аспекты таких ЗОУИТ, как зоны охраны и защитные зоны объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 104 и ст. 105 Земельного кодекса РФ (Земельный кодекс, 2019, ст. 4147; Российская газета, 2019б) в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия среди ЗОУИТ предусматриваются зоны охраны объектов культурного наследия и защитные зоны объектов культурного наследия.

Детальное правовое регулирование указанных институтов предусмотрено ст.ст. 34 и 34.1 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 72-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (*далее — Закон об ОКН*) (Об объектах, 2002, ст. 2519; Российская газета, 2019а), а также Постановлением Правительства РФ от 12 сентября 2015 года № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» (Об утверждении Положения, 2015, ст. 5298).

Смысл указанных явлений сводится к установлению запретов и ограничений на территориях, прилежащих к объектам культурного наследия, чтобы в ходе земляных, строительных или иных хозяйственных работ, проводимых рядом с объектом культурного наследия, на него не было оказано какое-либо негативное воздействие. При этом зоны охраны объектов культурного наследия разрабатываются индивидуально для каждого объекта культурного наследия соответствующим проектом, могут включать в себя охранную зону, зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности или зону охраняемого природного ландшафта, после чего они подлежат проверке в рамках историко-культурной экспертизы, общественному обсуждению, утверждению уполномоченным органом государственной власти и внесению установлен-

ных сведений в единый государственный реестр объектов недвижимости (что, как указывают многие авторы, является достаточно длительной и трудоемкой процедурой) (Варламов А.А., Кириллов Р.А., 2017, с. 56–63).

Суть же защитных зон объектов культурного наследия заключается в том, что до момента разработки и установления зон охраны для каждого объекта культурного наследия временно для каждого из них устанавливается защитная зона различных размеров, которая не позволяет строительство объектов капитального строительства и их реконструкцию, связанную с изменением их параметров (высота, количество этажей, площадь).

В связи с активизацией деятельности уполномоченных государственных органов по исполнению поручений Президента Российской Федерации от 20.08.2012 № Пр-2217 (Об осуществлении, 2012, ст. 2057), а также введением ст. 34.1 Закона об ОКН (защитные зоны) (О внесении, 2016, ст. 2057) все большую актуальность стал приобретать вопрос об ограничениях прав собственников (пользователей) земельных участков (существующих объектов капитального строительства), которые попадают в указанные ЗОУИТ.

В том числе в связи с этим в 2018 году был принят Федеральный закон (О внесении, 2018, ст. 5135), которым в Земельный кодекс РФ была введена ст. 57.1, которая предусматривает возмещение убытков вышеуказанным лицам в связи с наличием ЗОУИТ. В соответствии с п. 3 ч. 8 указанной статьи убытки возмещают уполномоченные федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления в случае установления зон охраны объектов культурного наследия соответственно федерального, регионального, местного значения, установления границ защитных зон объектов культурного наследия соответственно федерального, регионального, местного значения. Согласно п. 4 ч. 7 ст. 106 Зе-

мельного кодекса РФ, при принятии нормативного правового акта об утверждении зон охраны в тексте такого акта необходимо обязательно указывать сведения об органе государственной власти или органе местного самоуправления, обязанном возместить убытки, причиненные в связи с установлением, изменением зоны с особыми условиями использования территории.

Все вышесказанное в т.ч. означает, что затраты на разработку проектов границ территории и проектов зон охраны объектов культурного наследия, необходимых для снятия защитных зон, можно в судебном порядке попробовать возместить из бюджета соответствующего уровня.

Фактически же это привело к ситуации, когда Министерство культуры РФ в ходе процедуры обязательного согласования проектов нормативных правовых актов об установлении границ зон охраны объектов культурного наследия федерального значения, принимаемых региональными органами государственной власти, стало требовать, чтобы в качестве субъекта и бюджета, возмещающего расходы, в акте были указаны соответственно регионы – «уполномоченный орган государственной власти субъекта РФ за счет бюджета субъекта Российской Федерации». Свою позицию, официально отраженную в письмах (Письмо Министерства культуры, 2018; 2019а-в), министерство обосновывает тем, что в силу ст. 9.1 Закона об ОКН это является частью переданных полномочий.

Ряд субъектов РФ не согласился с данной позицией.

Так, администрация Краснодарского края в своих письмах (Письмо администрации, 2019) в адрес Министерства культуры РФ указывало на то, что в соответствии с Земельным кодексом РФ определение уполномоченного на возмещение убытков органа исполнительной власти или органа местного самоуправления поставлено в зависимость от категории историко-культурной ценности объекта культурного наследия, а не от принявшего решение об установлении зон охраны

либо защитной зоны объекта культурного наследия органа (например, орган местного самоуправления в принципе не наделен полномочиями по принятию таких решений). Согласно пп. 2 п. 1 ст. 9.1 Закона об ОКН возмещение убытков в связи с установлением зон охраны либо защитной зоны объекта культурного наследия органа федерального значения не отнесено к полномочиям, осуществление которых передано Российской Федерацией органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Также данное полномочие не указано в установленных ст. 33 Закона № 73-ФЗ целях и задачах государственной охраны объектов культурного наследия. Кроме того, согласно методике распределения субвенций, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 года № 1183 (О методике, 2010, ст. 230), при определении объема субвенций учитываются затраты, необходимые на содержание сотрудников, осуществляющих переданные полномочия, и численность таких сотрудников. Возмещение убытков в связи с установлением, изменением зон с особыми условиями использования территорий данной методикой также не предусмотрено.

Министерство культуры РФ по результатам совместного совещания с представителями уполномоченного органа государственной власти Краснодарского края и аппаратом Правительства РФ согласилось с позицией субъекта РФ и своим письмом согласовало один проект нормативного акта, в котором в качестве обязанного за возмещение убытков было указано Министерство культуры РФ (Письмо Министерства культуры, 2019).

Однако вышеуказанный случай был единственным, после чего Министерство культуры РФ стало отказывать в согласовании проектов таких нормативных правовых актов «в связи с недоработанностью проектов зон охраны, на основании которых принимается нормативный правовой акт» (Письмо Министерства культуры, 2019д).

В конечном счете ввиду несогласованности действий органов государственной власти различных уровней была фактически приостановлена на 1,5 года процедура снятия ограничений, устанавливаемых защитными зонами, даже для тех, кто, не рассчитывая на возмещения, просто затратил свои денежные средства для решения вопроса о возможности скорейшего строительства.

Такая ситуация продолжалась вплоть до декабря 2019 года, когда субъекты РФ стали указывать в проектах своих нормативных правовых актов формулировку «убытки, причиненные ограничением прав в связи с установлением зон с особыми условиями использования территорий, подлежат возмещению в установленном законодательством Российской Федерации порядке» (Об утверждении зон, 2019; Письмо Министерства культуры, 2019е).

Подобная формулировка явно вступает в противоречие с п. 4 ч. 7 ст. 106 Земельного кодекса РФ и, по нашему мнению, является временным выходом из ситуации. Вместе с тем уточнение вышеназванной статьи Земельного кодекса РФ, которое позволило бы не указывать конкретный орган власти (т.е. исключение из п. 4 ч. 7 ст. 106 Земельного кодекса сведений об органе), могло бы не только способствовать избеганию подобных ситуаций несогласованности позиций и действий государственных органов, но и решить вопрос с согласованием нормативных правовых актов, в которых устанавливаются объединенные зоны охраны одновременно для нескольких объектов культурного наследия, каждый из которых имеет разную категорию значения.

Таким образом, рассмотренная нами проблема имеет явный характер отсутствия единой государственной политики в данном вопросе, несогласованности действий органов государственной власти различных уровней как на стадии разработки и принятия нормативного акта, так и на стадии его исполнения. Авторам видится, что для повышения эффективности государственного управления в

данной области необходимо тщательно соблюдать процедуру согласования принятия таких нормативных актов со всеми заинтересованными лицами (сбор отзывов на стадии разработки и обсуждения проекта), а также детально регламентировать нормативным актом обязанности всех заинтересованных субъектов с недопущением возможности различных толкований.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Аверина Л.В., Мямина И.С., 2018.* Проблемы установления зон охраны объектов культурного наследия и пути их решения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — № 4 (199).
- Варламов А.А., Кириллов Р.А., 2017.* Формирование зон охраны объекта культурного наследия регионального значения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — № 1 (184).
- Земельный кодекс, 2019.* Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 года) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 44.
- Конституция РФ, 1993.* Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
- О внесении, 2016.* О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и статью 15 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» : Федеральный закон от 5 апреля 2016 года № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 15.
- О внесении, 2018.* О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 32 (часть II).
- О методике, 2010.* О методике распределения субвенций, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1183 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 2.
- Об объектах, 2002.* Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г. № 186-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 26.
- Об осуществлении, 2012.* Об осуществлении мер по установлению границ и соблюдению правового режима земель на ряде объектов культурного наследия : Поручения Президента Российской Федерации от 20.08.2012 № Пр-2217 // Текст документа размещен на официальном сайте Президента

- РФ. Электронный адрес размещения: <http://www.kremlin.ru>.
- Об утверждении зон, 2019.* Об утверждении зон охраны, режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон объекта культурного наследия федерального значения «Виадук через реку Сочи», 1935–1936 гг., Краснодарский край, г. Сочи, Центральный район, Курортный проспект, у парка «Ривьера» : приказ Администрации Краснодарского края от 17 декабря 2019 года № 225-кн // Размещен на официальном сайте Администрации Краснодарского края. Электронный адрес размещения: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/show/514737/>
- Об утверждении Положения, 2015.* Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 12 сентября 2015 года № 972 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 38.
- Письмо Администрации, 2019.* Письмо Администрации Краснодарского края от 25.03.2019 года № 78-11-3230/19. Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2018.* Письмо Министерства культуры РФ от 17 октября 2018 года № 12785-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019а.* Письмо Министерства культуры РФ от 11 февраля 2019 года № 1418-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019б.* Письмо Министерства культуры РФ от 12 марта 2019 года № 2888-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019в.* Письмо Министерства культуры РФ от 21 марта 2019 года № 3609-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019г.* Письмо Министерства культуры РФ от 25 апреля 2019 года № 5714-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019д.* Письмо Министерства культуры РФ от 26 июля 2019 года № 11553-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Письмо Министерства культуры, 2019е.* Письмо Министерства культуры РФ от 2 декабря 2019 года № 18897-12-02 // Текст документа официально не опубликован // Переписка Министерства культуры РФ и Администрации Краснодарского края. Архив Администрации Краснодарского края.
- Российская газета, 2019а.* — № 158.
- Российская газета, 2019б.* — № 296.
- Собрание, 2014.* Собрание законодательства Рос. Федерации. — № 31.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО** — Археологические открытия
- АЭС** — Археолого-этнографический сборник. Грозный
- ВДИ** — Вестник древней истории
- ГАУК РО** — Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области
- ДБ** — Древности Боспора
- ДК** — Древности Кубани
- ЗВОРАО** — Записки Восточного отд. Русского археологического общества
- ИАА** — Историко-археологический альманах
- ИАК** — Известия Императорской Археологической комиссии
- ИА РАН** — Институт археологии Российской академии наук
- КСИА** — Краткие сообщения Института археологии РАН
- КЧ** — Крупновские чтения
- МАД** — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
- МАДИСО** — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
- МИА** — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАК** — Материалы и исследования по археологии Кубани
- МИАР** — Материалы и исследования по археологии России
- МИАСК** — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МКВ** — Материалы культуры Востока
- НА** — Научный архив
- НИМЗ** — Новороссийский исторический музей-заповедник
- РА** — Российская археология
- СА** — Советская археология
- САИ** — Свод археологических источников
- СОИГСИ** — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
- СЭ** — Советская этнография
- ТАЭ** — Таганрогская археологическая экспедиция
- ТГЛИАМЗ** — Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник
- BRGK** — Bericht der Römische-Germanischen Kommission, 73. Mainz am Rhein

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Баздырева Марина Александровна** — зав. научно-просветительским отделом МБУК «Армавирский краеведческий музей»
- Бережная Виктория Александровна** — директор Лабинского музея истории и краеведения имени Ф.И. Моисеенко
- Берлизов Михаил Павлович** — к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
- Вальчак Сергей Борисович** — к.и.н., н.с. отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН
- Водолажская Лариса Николаевна** — н.с. Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
- Голубев Лазарь Эрвандович** — к.и.н., руководитель экспертной группы по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК
- Давыденко Георгий Георгиевич** — соискатель, заместитель начальника управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края
- Джопуа Аркадий Иванович** — к.и.н., директор Абхазского государственного музея, с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА
- Дударев Сергей Леонидович** — д.и.н., проф. кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, заслуженный деятель науки Кубани, почётный работник сферы образования Российской Федерации
- Засухин Роман Валерьевич** — зав. отделом новой и новейшей истории МБУК «Армавирский краеведческий музей»

- Иванов Дмитрий Вадимович** — к.б.н., н.с. отдела палеонтологии Национального научно-природоведческого музея НАН Украины
- Колпакова Алиса Вадимовна** — с.н.с. отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника
- Ларенок Вера Алексеевна** — н.с., Ассоциация «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)
- Ларенок Оксана Павловна** — н.с., Ассоциация «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)
- Ларенок Павел Анатольевич** — н.с., Ассоциация «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)
- Мунчаев Рауф Магомедович** — чл.-кор. РАН
- Невский Михаил Юрьевич** — н.с. Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
- Нюшков Валентин Александрович** — к.и.н., с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, с.н.с. Абхазского государственного музея
- Осипова Нана Абеловна** — н.с. МБУК «Армавирский краеведческий музей»
- Пьянков Алексей Васильевич** — в.н.с. ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар)
- Сурков Алексей Владимирович** — к.и.н., археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани» (г. Ростов-на-Дону)
- Туаллагов Алан Ахсарович** — д.и.н., зав. отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ ВНЦ РАН)

- Федосов Михаил Юрьевич** — к.и.н., старший специалист-археолог
ООО «Кубаньохранкультура»
- Федосова Юлия Николаевна** — заместитель директора ООО «Прогресс»
по науке
- Федоренко Наталья Валентиновна** — с.н.с. отдела археологии Новороссийского
исторического музея-заповедника
- Фоменко Галина Александровна** — н.с. МБУК «Армавирский
краеведческий музей»
- Шевченко Николай Фёдорович** — нач. экспед. АНО «НИЦ», г. Саратов;
с.н.с. отдела археологии КГИАМЗ
им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)
- Шишлов Александр Владимирович** — зав. отделом археологии Новороссийского
исторического музея-заповедника
- Эрлих Владимир Роальдович** — д.и.н., гл.н.с. отдела истории материальной
культуры и древнего искусства
Государственного музея Востока
(г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора и редколлегии3

АРХЕОЛОГИЯ

Дударев С.Л., Бережная В.А. Каменный топор-молот
из станицы Родниковской.....5

Иванов Д.В., Шишлов А.В., Колтакова А.В., Федоренко Н.В.
Фауна из раскопок поселения майкопской культуры Натухаевское-3.....9

Ларенок П.А., Ларенок О.П. Погребения культуры Бабино и эпохи
поздней бронзы из курганного могильника на станции Хапры 13

Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю. Каменная плита
из могильника Варнавинский-I, как прототип аналемматических
солнечных часов 20

Эрлих В.Р., Сурков А.В. Протомеотские погребения поселения Улька-1 34

Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В. Погребение предскифского
времени с колчанным набором из могильника Заюково-3 57

Шевченко Н.Ф. Элитное женское погребение
в могильнике Мезмай-1..... 66

Туаллагов А.А. Женские антропоморфные статуэтки
из сармато-аланских погребений..... 66

Пьянков А.В. Погребение с магическим поясом из могильника
Черноклён в Западном Закубанье. 85

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Воинское погребение в кургане
Бережной-VIII в Пролетарском районе Ростовской области 109

Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н. Раскопки четырёх
средневековых курганов группы Джубга-1 в Туапсинском районе
Краснодарского края в 2016 г..... 123

ИСТОРИЯ

<i>Дударев С.Л.</i> О новом опыте изучения российско-северокавказской интеграции	139
<i>Нюшков В.А., Джошуа А.И.</i> К истории русского меценатства в Абхазии (к 167-летию со дня рождения Н.Н. Смецкого).....	150
<i>Засухин Р.В.</i> Красный командир Я.Ф. Балахонов (По архивным материалам Армавирского краеведческого музея).....	158
<i>Фоменко Г.А.</i> Фронтальные наброски и рисунки Г.Ф. Бабикова.....	165
<i>Осипова Н.А.</i> К истории становления первой Армавирской студии телевидения	171
<i>Баздырева М.А.</i> Интерактивная экскурсия как способ актуализации культурно-исторической памяти (Из опыта работы Армавирского краеведческого музея)	176

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

<i>Берлизов М.П., Давыденко Г.Г.</i> К вопросу о разграничении полномочий и обязанностей между органами государственной власти различных уровней при утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия	178
Список сокращений	183
Сведения об авторах	184

Историко-археологический альманах
Выпуск 15

Научное издание

Технический редактор Алексей Пьянков
Корректор Марина Скорик
Компьютерное макетирование Надежда Вольная

Подписано к печати 30.05.2020 г.
Формат 60 x 90 (1/8).
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,75. Уч.-изд. л. 21,945. Тираж 300 экз.

